

**САМАРСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ**

Самарский национальный
исследовательский университет
имени академика С.П. Королёва

ISSN 2542-047X Print
ISSN 2782-2990 Online

ЮРИДИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

САМАРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

JURIDICAL JOURNAL

OF SAMARA UNIVERSITY

ТОМ 7 • №2 • 2021 ГОД

Подписной индекс 80309
ISSN 2542-047X

ЮРИДИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

САМАРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Том 7 • № 2 • 2021 ГОД

ЮРИДИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК САМАРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
IURIDICHESKIY VESTNIK SAMARSKOGO UNIVERSITETA
JURIDICAL JOURNAL OF SAMARA UNIVERSITY

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ ЖУРНАЛА

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

«САМАРСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ АКАДЕМИКА С.П. КОРОЛЕВА» (Самарский университет)

Индексирование в базах данных: eLIBRARY.RU РИНЦ КИБЕРЛЕНИНКА ЛАНЬ CROSSREF

Журнал включен ВАК РФ в Перечень ведущих рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, с 30.11.2017

Журнал издается с 2015 г. Выходит 4 раза в год

Миссия журнала: отражение результатов оригинальных фундаментальных и прикладных исследований права на общетеоретическом, межотраслевом и отраслевом уровнях для целей совершенствования правотворчества и правоприменения; поддержание научного диалога и дискуссий представителей отечественных и зарубежных научных школ по актуальным вопросам права.

Главный редактор

А. Г. Безверхов, д-р юрид. наук, проф. (Самарский университет, Самара, РФ)

Заместитель главного редактора

О. В. Климанова, канд. юрид. наук (Самарский университет, Самара, РФ)

Ответственный секретарь

В. Э. Волков, канд. юрид. наук (Самарский университет, Самара, РФ)

Адрес редакции:

443011, Российская Федерация, г. Самара,

ул. Акад. Павлова, 1.

Тел.: +7(846) 3379963, 3379936

E-mail: Jjournal@inbox.ru

www: <http://http://journals.ssau.ru/jjsu>

Издатель: Самарский университет

Центр периодических изданий Самарского университета

443086, Российская Федерация, г. Самара,

Московское шоссе, 34, корп. 22а, 312 б.

Литературное редактирование, корректура

Т. А. Мурзинова

Компьютерная верстка, макет

Т. А. Мурзинова

Информация на английском языке

М. С. Стрельников

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77-680026 от 13 декабря 2016 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Подписной индекс в каталоге

АО Агентство «Роспечать» 80309

ISSN 2542-047X

Прежнее название – «Юридический вестник Самарского государственного университета»

Свидетельство о регистрации средства массовой информации

ПИ № ФС 77-62511 от 27 июля 2016 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). ISSN 2410-8707

Бизнес-модель: финансирование журнала осуществляется учредителем, все статьи публикуются на бесплатной основе.

0+ Цена свободная

Авторские статьи не обязательно отражают мнение издателя.

Подписано в печать 27.06.2021

Формат 60x84/8.

Бумага офсетная. Печать оперативная.

Печ. л. 17,5.

Тираж 200 экз. (первый завод – 70 экз.). Заказ №

Отпечатано в типографии Самарского университета

443086, Российская Федерация, г. Самара,

Московское шоссе, 34.

www: <http://www.ssau.ru/info/struct/otd/common/edit>

С 2015 г. полнотекстовая версия журнала размещается на сайте **Научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU**.

С 2015 г. журнал входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Редакционная коллегия:

Д. Б. Абушенко, д-р юрид. наук, доц. (Уральский государственный юридический университет, Екатеринбург, РФ)

А. А. Аубакирова, д-р юрид. наук, доц., академ. проф. (Алматинская Академия МВД имени Макана Есбулатова, Алматы, Республика Казахстан)

С. Ф. Афанасьев, д-р юрид. наук, проф. (Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, РФ)

Драган Боланча, д-р права, проф. (Сплитский университет, Сплит, Хорватия)

Г. А. Василевич, д-р юрид. наук, проф., засл. юрист Республики Беларусь (Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь)

Л. В. Головкин, д-р юрид. наук, проф. (Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, РФ)

Е. Ю. Грачева, д-р юрид. наук, проф. (Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Москва, РФ)

Мояня Гунева, д-р права, проф. (Бургасский свободный университет, Бургас, Болгария)

В. В. Долинская, д-р юрид. наук, проф. (Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Москва, РФ)

Н. Г. Жаворонкова, д-р юрид. наук, проф. (Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Москва, РФ)

Т. В. Кленова, д-р юрид. наук, проф. (Самарский университет, Самара, РФ)

Борис Кривокапич, д-р права, ординарный профессор (Университет «Унион – Никола Тесла», Белград, Сербия)

В. А. Лазарева, д-р юрид. наук, проф. (Самарский университет, Самара, РФ)

В. В. Полянский, канд. юрид. наук, проф. (Самарский университет, Самара, РФ)

С. Б. Россинский, д-р юрид. наук, доц. (Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Москва, РФ)

В. Д. Рузанова, канд. юрид. наук, доц. (Самарский университет, Самара, РФ)

О. Ю. Рыбаков, д-р юрид. наук, д-р филос. наук, проф. (Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Москва, РФ)

К. А. Савельев, канд. юрид. наук, доц. (Самарский университет, Самара, РФ)

Е. А. Трещева, д-р юрид. наук, проф. (Самарский университет, Самара, РФ)

Р. Л. Хачатуров, д-р юрид. наук, проф. (Тольяттинский государственный университет, Тольятти, РФ)

Н. А. Шевелева, д-р юрид. наук, проф. (Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, РФ)

И. В. Шестерякова, д-р юрид. наук, доц. (Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, РФ)

А. В. Юдин, д-р юрид. наук, доц. (Самарский университет, Самара, РФ)

Б. В. Яцеленко, д-р юрид. наук, проф. (Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), Москва, РФ)

© Самарский университет, 2021

Этот контент открытого доступа, распространяемый по лицензии Creative Commons Attribution License, которая разрешает неограниченное использование, распространение и воспроизведение на любом носителе при условии правильного цитирования оригинальной работы. (CC BY 4.0)

Subscription Index 80309
ISSN 2542-047X

***JURIDICAL
JOURNAL
OF SAMARA UNIVERSITY***

Vol. 7 • № 2 • 2021

JURIDICAL JOURNAL OF SAMARA UNIVERSITY
IURIDICHESKIY VESTNIK SAMARSKOGO UNIVERSITETA
ЮРИДИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК САМАРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

MAGAZINE FOUNDER AND PUBLISHER
FEDERAL STATE AUTONOMOUS EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
«SAMARA NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY» (SAMARA UNIVERSITY)

Indexing in databases: LIBRARY.RU RINTS LAN CROSSREF

The Journal is included by the HAC in the List of leading scientific editions, where basic scientific results of theses for the degree of Candidate of Sciences, for the degree of Doctor of Sciences should be published, from c 30.11.2017

Journal is published since 2015. It is published 4 times a year

Mission of the journal: reflection of the results of original fundamental and applied research of law at the general theoretical, intersectoral and sectoral levels for the purpose of improving law-making and law enforcement; maintaining a scientific dialogue and discussions of representatives of domestic and foreign scientific schools on pressing issues of law.

Chief editor

A. G. Bezverkhov, Dr. of Law, professor (Samara National Research University, Samara, RF)

Deputy chief editors

O. V. Klimanova, Candidate of Legal Sciences (Samara National Research University, Samara, RF)

Executive editor

V. E. Volkov, Candidate of Legal Sciences (Samara National Research University, Samara, RF)

Address of editorial staff:

1, Acad. Pavlov Str., Samara, 443011, Russian Federation.

Tel.: +7(846) 337-99-63, 337-99-36

E-mail: Jjournal@inbox.ru

www: <http://http://journals.ssau.ru/jjsu>

Publisher: Samara National Research University

Centre of Periodical Publications of Samara University

312 b, building 22 a, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Literatory editing, proofreading T. A. Murzinova

Computer makeup, dummy T. A. Murzinova

Information in English M. S. Strelnikov

Certificate of registration of mass media ПИ № ФС

77-680026 dated 13 December 2016, issued by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor).

Subscription Index in the Agency «Rospechat»

Catalogue 80309

ISSN 2542-047X

Previous title – «Juridical Journal of Samara State University»

Certificate of registration of mass media ПИ № ФС 77-62511

dated 27 July 2015, issued by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor)

ISSN 2410-8707

Business model: funded by the founder.

0+ Free price

Authors articles do not necessarily reflect the views of the publisher

Passed for printing 27.06.2021.

Format 60x84/8.

Litho paper. Instant print.

Print. sheets 17,5.

Circulation 200 copies (first printing – 70 copies).

Order №

Printed on the printing house of Samara University

34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation

www: <http://www.ssau.ru/info/struct/otd/common/edit>

Since 2015 the full-text version of the journal is placed on the site of **Scientific Electronic Library eLIBRARY.RU**.

Since 2015 the Journal is included in the **Russian Science Citation Index**.

Editorial Board:

D. B. Abushenko, Dr. of Law, associate professor (Ural State Law University, Ekaterinburg, RF)

A. A. Aubakirova, Dr. of Law, associate professor, academic professor (The Almaty Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan, Almaty, Republic of Kazakhstan)

S. F. Afanasiev, Dr. of Law, professor (Saratov State Law Academy, Saratov, RF)

Dragan Bolancha, Dr. of Law, professor (University of Split, Split, Croatia)

G. A. Vasilevich, Dr. of Law, professor, honored layer of the Republic of Belarus (Belorussian State University, Minsk, Republic of Belarus)

L. V. Golovko, Dr. of Law, professor (Lomonosov Moscow State University, Moscow, RF)

E. Yu. Gracheva, Dr. of Law, professor (Kutafin Moscow State Law University, Moscow, RF)

Momyana Guneva, Dr. of Law, professor (Burgas Free University, Burgas, Bulgaria)

V. V. Dolinskaya, Dr. of Law, professor (RF, Moscow, Kutafin Moscow State Law University)

N. G. Zhavoronkova, Dr. of Law, professor (Kutafin Moscow State Law University, Moscow, RF)

T. V. Klenova, Dr. of Law, professor (Samara National Research University, Samara, RF)

Boris Krivokapich, Dr. of Law, professor (University «Union – Nikola Tesla», Beograd, Serbia)

V. A. Lazareva, Dr. of Law, professor (Samara National Research University, Samara, RF)

V. V. Polyanskiy, Candidate of Legal Sciences, professor (Samara National Research University, Samara, RF)

S. B. Rossinskiy, Dr. of Law, associate professor (Kutafin Moscow State Law University, Moscow, RF)

V. D. Ruzanova, Candidate of Legal Sciences, associate professor (Samara National Research University, Samara, RF)

O. Yu. Rybakov, Dr. of Law, Dr. of Philosophical Sciences, professor (Kutafin Moscow State Law University, Moscow, RF)

K. A. Saveliev, Candidate of Legal Sciences, associate professor (Samara National Research University, Samara, RF)

E. A. Treshcheva, Dr. of Law, professor (Samara National Research University, Samara, RF)

R. L. Khachaturov, Dr. of Law, professor (Togliatti State University, Togliatti, RF)

N. A. Sheveleva, Dr. of Law, professor (Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, RF)

I. V. Shesteryakova, Dr. of Law, associate professor (Saratov State Law Academy, Saratov, RF)

A. V. Yudin, Dr. of Law, associate professor (Samara National Research University, Samara, RF)

B. V. Yatselenko, Dr. of Law, professor (All-Russian State University of Justice, Moscow, RF)

© Samara University, 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

СОДЕРЖАНИЕ

СОБЫТИЯ

- Безверхов А.Г., Юдин А.В.** Прокурорский надзор в сфере безопасности на транспорте 7

ТЕОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

- Ланг П. П.** Правозащитная деятельность: правовые и морально-нравственные аспекты 14
Смирнова М. Г. Трансформация правового регулирования общественных отношений в условиях пандемии 21
Истомин М. А., Нечкин А. В. Правовое просвещение в России: современные проблемы теории и практики 26

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

- Третьяк И. А.** Методы, принципы и презумпции конституционно-конфликтной диагностики 34

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

- Поваров Ю. С.** Публичные интересы как основание для получения и использования генетических данных человека без его согласия 42

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

- Кленова Т. В.** Трудный путь института уголовной ответственности за посягательства на честь и достоинство личности, или проблемы целеполагания 48
Иванчин А. В. Получение незаконного вознаграждения экс-должностным лицом: закон, теория, практика 57

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

- Дикарев И. С.** Орган предварительного следствия в современном российском уголовном процессе 63
Воскобойник И. О., Гайдышева М. Г. К вопросу о доказательствах и доказывании в уголовном процессе 70
Шуваткин А. В. Окончание дознания в сокращенной форме составлением обвинительного постановления 77

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

- Астапенко И. В., Мазаева Н. Н.** Специальная законодательная процедура в праве Европейского союза: сферы регулирования и специфика межинституционального взаимодействия 83

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

- Диканова Т. А.** Вопросы совершенствования законодательства об экспертной деятельности 96
Зайкова С. Н. Особенности административно-правового регулирования транспортной безопасности в странах – участниках СНГ 106

ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС

- Головко И. И.** Особенности участия прокурора в производстве по рассмотрению заявлений о возвращении ребенка (об осуществлении в отношении него прав доступа) на основании Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей 1980 года 113

ТРИБУНА МОЛОДОГО УЧЕНОГО

- Береза З. М.** Особенности рассмотрения дел о домашнем насилии судом с участием присяжных заседателей: проблемы и перспективы 120
Ларин И. Г. Особенности признания недействительности выборов при проведении дистанционного электронного голосования 127
Озеров К. И. Мошеннические действия с применением информационно-телекоммуникационных технологий в сфере мобильных интернет-приложений 133

- Требования к оформлению статей* 138

CONTENTS

EVENTS

- Bezverkhov A. G., Yudin A. V.** Prosecutor's supervision in the field of transport security 7

THEORY OF STATE AND LAW

- Lang P. P.** Human rights activities: legal and moral aspects 14
Smirnova M. G. Transformation of legal regulation of public relations in the context of the pandemic 21
Istomin M. A., Nechkin A. V. Legal enlightenment in Russia: modern problems of theory and practice 26

CONSTITUTIONAL LAW

- Tretyak I. A.** Methods, principles and presumptions of constitutional and conflict diagnostics 34

CIVIL LAW

- Povarov Iu. S.** Public interests as a basis for the genetic information obtaining and using without consent of the person 42

CRIMINAL LAW

- Klenova T. V.** Difficult way of the institution of criminal liability for attacks on the honor and dignity of the person, or problems of targeting 48
Ivanchin A. V. Receipt of illegal remuneration by an ex-officer: law, theory, practice 57

CRIMINAL PROCESS

- Dikarev I. S.** Body of preliminary investigation in the modern Russian criminal proceedings 63
Voskoboynik I. O., Gaidysheva M. G. On the issue of evidence and proof in criminal proceedings 70
Shuvatkin A. V. Ending of the inquiry in an abbreviated form with an indictment 77

INTERNATIONAL LAW

- Astapenko I. V., Mazaeva N. N.** Special legislative procedure in EU law: areas of regulation and specifics of interinstitutional cooperation 83

ADMINISTRATIVE LAW AND PROCESS

- Dikanova T. A.** Issues of improving legislation about expert activity 96
Zaikova S. N. Administrative and legal transport security regulation features in the CIS member countries 106

CIVIL PROCESS

- Golovko I. I.** Specifics of the prosecutor's participation in proceedings for considering applications for the return of a child (on the exercise of access rights to him) on the basis of the 1980 Convention on the Civil Aspects of International Abduction of Children 113

TRIBUNE OF YOUNG SCIENTIST

- Bereza Z. M.** Peculiarities of the consideration of domestic violence cases by a jury: problems and perspectives 120
Larin I. G. Problem of election validity in remote electronic voting 127
Ozerov K. I. Fraudulent actions using information and telecommunications technologies in the field of mobile internet applications 133

- Requirements to the design of articles* 138

СОБЫТИЯ EVENTS

РЕДАКЦИОННАЯ СТАТЬЯ

УДК 340

Прокурорский надзор в сфере безопасности на транспорте

А. Г. Безверхов

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: bezverkhov-artur@yandex.ru

А. В. Юдин

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: udin77@mail.ru

Аннотация: В статье с позиций комплексного подхода анализируются вопросы осуществления прокурорского надзора в сфере безопасности на транспорте. Работа подготовлена по следам состоявшейся 14 мая 2021 года Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 300-летию российской прокуратуры. Транспортная безопасность как предмет прокурорского надзора охватывает самые разные сферы отношений, относящихся к административному, уголовному, гражданскому и процессуальным отраслям права. Железнодорожное, водное и воздушное сообщение подчиняется не только особым социально-экономическим закономерностям, но и требует специальных правовых режимов, продиктованных значительной удаленностью и динамикой субъектов, в отношении которых осуществляется надзор, повышенным риском причинения вреда охраняемым законом отношениям, необходимостью постоянного и бесперебойного функционирования объектов транспорта, важностью транспортного сегмента для всей экономической жизни страны. Все это определяет необходимость весьма оперативных и в то же время взвешенных надзорных решений, что возможно за счет тесного сотрудничества юридической науки и практики.

Ключевые слова: прокуратура; прокурорский надзор; 300-летие российской прокуратуры; безопасность; национальная безопасность; транспортная безопасность; прокурорский надзор в сфере безопасности на транспорте

Цитирование. Безверхов А. Г., Юдин А. В. Прокурорский надзор в сфере безопасности на транспорте // Юридический вестник Самарского университета. 2021. Т. 7, № 2. С. 7–13.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Безверхов А. Г., Юдин А. В., 2021

Артур Геннадьевич Безверхов – доктор юридических наук, профессор, исполнительный директор юридического института, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

Андрей Владимирович Юдин – доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского процессуального и предпринимательского права, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

EDITORIAL ARTICLE

Prosecutor's supervision in the field of transport security

A. G. Bezverkhov

Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: bezverkhov-artur@yandex.ru

A. V. Yudin

Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: udin77@mail.ru

Abstract: The article analyzes the issues of prosecutor's supervision in the field of transport security from the standpoint of an integrated approach. The material was prepared in the wake of the All-Russian research and practical conference held on May 14, 2021, dedicated to the 300th anniversary of the Russian prosecutor's office. Transport security as a subject of prosecutor's supervision covers a variety of areas of relations related to administrative, criminal, civil and procedural branches of law. Railway, water and air communication is subject not only to special socio-economic laws, but also requires special legal regimes dictated by the significant remoteness and dynamics of the subjects under supervision, the increased risk of harm to legally protected relations, the need for constant and uninterrupted functioning of transport facilities, the importance of the transport segment for the entire economic life of the country. All this determines the need

for very prompt and at the same time balanced supervisory decisions, which is possible due to the close cooperation of science and practice.

Key words: prosecutor's office; prosecutor's supervision; 300th anniversary of the Russian prosecutor's office; security; national security; transport security; prosecutor's supervision in the field of transport security.

Citation. Bezverkhov A. G., Yudin A. V. *Prokurorskii nadzor v sfere bezopasnosti na transporte* [Prosecutor's supervision in the field of transport security]. *Juridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2021, vol. 7, no. 2, pp. 7–13 [in Russian].

Information about the conflict of interests: authors declare no conflict of interests.

© Bezverkhov A. G., Yudin A. V., 2021

Artur G. Bezverkhov – executive director of the Law Institute, Doctor of Laws, professor, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Andrey V. Yudin – Doctor of Laws, associate professor, head of the Department of Civil Procedural and Business Law, Faculty of Law, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

14 мая 2021 года в Самарской Губернской Думе состоялась Всероссийская научно-практическая конференция «К 300-летию российской прокуратуры: Прокурорский надзор в сфере безопасности на транспорте». Это научно-практическое и образовательное мероприятие было организовано федеральным государственным автономным образовательным учреждением высшего образования «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева», Приволжской транспортной прокуратурой, Самарским региональным отделением Общероссийской общественной организацией «Ассоциация юристов России», Союзом криминалистов и криминологов. Всероссийский форум состоялся в рамках объявленного Указом Президента Российской Федерации от 25 декабря 2020 г. № 812 текущего – 2021 года – Года науки и технологий. Настоящая конференция была приурочена также к обозначенной Министерством науки и высшего образования Российской Федерации тематике месяца мая 2021 года – «Новые вызовы и угрозы. Безопасность».

С приветственными словами к участникам конференции обратились *Безверхов Артур Геннадьевич* – исполнительный директор Юридического института Самарского университета, член Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации и Научно-консультативного совета при Верховном Суде Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор; *Кузнецов Михаил Петрович* – заместитель начальника управления по надзору за исполнением законов на транспорте и в таможенной сфере Генеральной прокуратуры Российской Федерации, советник юстиции, кандидат юридических наук; *Конош Дмитрий Алексеевич* – приволжский транспортный прокурор государственный советник юстиции 3 класса; *Шевцов Юрий Михайлович* – заместитель председателя Самарской Губернской Думы, председатель комитета Самарской Губернской Думы по законодательству, законности, правопорядку и противодействию коррупции, руководитель Самарского регионального отделения Ассоциации юристов России.

Модераторами конференции выступили *Авдеев Денис Евгеньевич* – первый заместитель приволжского транспортного прокурора, старший советник

юстиции; *Юдин Андрей Владимирович* – заместитель директора Юридического института по научной работе, заведующий кафедрой гражданского процессуального и предпринимательского права Самарского университета, доктор юридических наук.

Огромный интерес участников конференции и значительное число вопросов вызвали доклады и сообщения:

Хатмуллина Наиля Камилевича – начальника отдела по надзору за исполнением законов на транспорте Приволжской транспортной прокуратуры, старшего советника юстиции, по теме «Проблемные вопросы безопасности на транспорте в Приволжском транспортном регионе»;

Кленовой Татьяны Владимировны – заведующего кафедрой уголовного права и криминологии Самарского университета, доктора юридических наук, профессора, по теме «Актуальные проблемы понимания наказания за транспортные преступления и правонарушения»;

Полянского Виктора Владимировича – заведующего кафедрой государственного и административного права Самарского университета, кандидата юридических наук, профессора, по теме «Транспортная безопасность как гарантия права на жизнь»;

Гезалова Расула Фахраддиновича – старшего помощника приволжского транспортного прокурора по правовому обеспечению и профилактике правонарушений, советник юстиции, по теме «Современные формы и методы правового просвещения и правового информирования в целях профилактики правонарушений на транспорте»;

Савельева Константина Анатольевича – заведующего кафедрой уголовного процесса и криминологии Самарского университета, кандидата юридических наук, доцента, по теме «Целесообразность кассационного производства по делам о транспортной безопасности»;

Чернаковой Елены Васильевны – начальника отдела по надзору за уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельностью Приволжской транспортной прокуратуры, советника юстиции; *Кондратьева Сергея Павловича* – заместителя руководителя Приволжского следственного управления на транспорте Следственного комитета Российской Федерации, полковника юстиции,

Участники конференции, посвященной 300-летию российской прокуратуры

Шамсудинова Радика Абдулгабовича – заместителя начальника управления на транспорте МВД России по Приволжскому федеральному округу – начальника следственного управления, полковника юстиции, по теме «Проблемы в доказывании и соблюдении разумного срока предварительного следствия по уголовным делам о преступлениях в сфере нарушений правил безопасности движения и эксплуатации железнодорожного, воздушного и водного транспорта».

В работе конференции приняли активное участие:

Бурцев Сергей Александрович – заместитель министра образования и науки Самарской области;

Шилов Александр Егорович – заместитель Председателя Самарского областного суда;

Лазарев Денис Анатольевич – председатель совета судей Самарской области, председатель Советского районного суда г. Самары;

Воищев Владимир Николаевич – заместитель приволжского транспортного прокурора, старший советник юстиции;

Кокин Алексей Валерьевич – председатель Квалификационной комиссии Палаты адвокатов Самарской области, председатель Исполнительного комитета Самарского регионального отделения Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России», адвокат;

Саусин Андрей Валерьевич – заместитель руководителя аппарата Самарской Губернской Думы – руководитель Главного управления правового обеспечения;

Гуртовой Дмитрий Анатольевич – Куйбышевский транспортный прокурор, старший советник юстиции;

Торопов Владислав Сергеевич – сызранский транспортный прокурор, советник юстиции;

Смородинов Владимир Кузьмич – старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Самарского университета, и многие другие практические и научные работники.

Затронутая проблематика является многоаспектной и многосложной, в ходе обсуждения она обнаружила немало спорных вопросов, относящихся к области *материального и процессуального права*, к предметам отраслей *государственно-административного, уголовно-правового, гражданского* циклов.

Значительное внимание на конференции было уделено общей проблематике транспортной безопасности. Как известно, Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» определяет основные принципы и содержание деятельности по обеспечению безопасности государства, общественной безопасности, экологической безопасности, безопасности личности, иных видов безопасности, предусмотренных законодательством Российской Федерации. Одним из видов безопасности выступает транспортная безопасность. Согласно ст. 1 Федерального закона от 9 февраля 2007 г. № 16-ФЗ «О транспортной безопасности», транспортная безопасность – состояние защищенности объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств от актов незаконного вмешательства. Очевидно, что под транспортной безопасностью как разновидностью общественной безопасности понимается такое состояние транспортной системы Российской Федерации, которое позволяет обеспечивать наци-

Награждение исполнительного директора Юридического института д.ю.н., проф. А.Г. Безверхова благодарственным письмом Приволжской транспортной прокуратуры. Вручает Приволжский транспортный прокурор, государственной советник юстиции 3 класса Д.А. Конош

Представители науки и практики за обсуждением проблем прокурорского надзора в сфере безопасности на транспорте

ональную безопасность и национальные интересы в области транспортной деятельности, устойчивость функционирования транспорта, предотвращать (минимизировать) вред здоровью и жизни людей, ущерб имуществу и окружающей среде, общенациональный экономический ущерб при транспортной деятельности. Другими словами, транспортная безопасность есть установленная и поддерживаемая система общественных отношений, складывающихся в области транспортной инфраструктуры, движения и деятельности и обеспечивающих в силу действия разнообразных общеправовых источников усиленную защиту интересов общества, личности и государства (жизни и здоровья населения, собственности, окружающей среды и пр.) при организации и управлении процессом перемещения пассажиров и (или) грузов воздушным, водным (морским, речным), наземным (железнодорожным, автомобильным) и трубопроводным транспортом.

Обеспечение транспортной безопасности – это реализация определяемой государством системы правовых, экономических, организационных и иных мер в сфере транспортного комплекса, соответствующих угрозам совершения актов незаконного вмешательства. В круг объектов транспортной безопасности включены самые различные технологические комплексы: железнодорожные вокзалы и станции, автовокзалы и автостанции; объекты инфраструктуры внеуличного транспорта, определяемые Правительством Российской Федерации; тоннели, эстакады, мосты; морские терминалы, акватории морских портов; порты, которые расположены на внутренних водных путях и в которых осуществляются посадка (высадка) пассажиров и (или) перевалка грузов повышенной опасности на основании специальных разрешений, выдаваемых в порядке, устанавливаемом Правительством Российской Федерации по представлению федерального органа исполнительной власти, осуществляющего функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере транспорта, по согласованию с федеральным органом исполнительной власти в области обеспечения безопасности

Российской Федерации, федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере внутренних дел; судоходные гидротехнические сооружения; расположенные во внутренних морских водах, в территориальном море, исключительной экономической зоне и на континентальном шельфе Российской Федерации искусственные острова, установки, сооружения, в том числе гибко или стационарно закрепленные в соответствии с проектной документацией на их создание по месту расположения плавучие (подвижные) буровые установки (платформы), морские плавучие (передвижные) платформы, за исключением подводных сооружений (включая скважины); аэродромы и аэропорты; определяемые Правительством Российской Федерации участки автомобильных дорог, железнодорожных и внутренних водных путей, вертодромы, посадочные площадки, а также обеспечивающие функционирование транспортного комплекса здания, сооружения и помещения для обслуживания пассажиров и транспортных средств, погрузки, разгрузки и хранения грузов повышенной опасности и (или) опасных грузов, на перевозку которых требуется специальное разрешение; здания, строения, сооружения, обеспечивающие управление транспортным комплексом, его функционирование, используемые федеральными органами исполнительной власти в области транспорта, их территориальными органами и подведомственными организациями, а также объекты систем связи, навигации и управления движением транспортных средств воздушного, железнодорожного, морского и внутреннего водного транспорта, определяемые федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере транспорта, по согласованию с федеральным органом исполнительной власти в области обеспечения безопасности Российской Федерации, федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке государственной политики и

нормативно-правовому регулированию в сфере внутренних дел, и др.

При этом следует иметь в виду, что транспортная прокуратура осуществляет надзор за соблюдением Конституции РФ и исполнением законов на железнодорожном, водном (речном и морском), воздушном транспорте, а также за деятельностью правоохранительных органов на транспорте и в таможенной сфере. Эта специализированная прокуратура является необходимым элементом прокурорской системы. Ей реализуется зонально-предметный принцип прокуратуры. Контроль за деятельностью транспортных прокуратур осуществляет Управление по надзору за исполнением законов на транспорте и в таможенных органах Генеральной прокуратуры РФ.

Полномочия транспортного прокурора включают в себя надзор за исполнением законов на транспорте; соблюдение прав и свобод человека и гражданина всеми предприятиями, организациями и учреждениями транспорта независимо от форм собственности; привлечение виновных лиц к ответственности за правонарушения и преступления, совершенные должностными лицами транспортных организаций; проведение проверок соблюдения федерального законодательства таможенными органами.

Транспортные прокуроры пользуются всеми правами и несут обязанности в пределах своей компетенции при осуществлении своей деятельности в соответствии с Федеральным законом «О прокуратуре РФ». Понятно, что при этом специфика функционирования транспортной инфраструктуры накладывает серьезный отпечаток на осуществление надзора органами специализированной транспортной прокуратуры в этой сфере. Железнодорожное, водное и воздушное сообщение подчиняется не только особым социально-экономическим закономерностям, но и требует специальных правовых режимов, продиктованных значительной удаленностью и динамикой субъектов, в отношении которых осуществляется надзор, повышенным риском причинения вреда охраняемым законом отношениям, необходимостью постоянного и бесперебойного функционирования объектов транспорта, важностью транспортного сегмента для всей экономической жизни страны. Все это определяет необходимость весьма оперативных и в то же время взвешенных надзорных решений, что возможно за счет тесного сотрудничества науки и практики, примером которого служит Всероссийская научно-практическая конференция «К 300-летию российской прокуратуры: Прокурорский надзор в сфере безопасности на транспорте».

Разноотраслевые проблемы проецируются и на сферу транспортной безопасности, приобретая некую специфику. Так, на конференции обсуждался вопрос о праве прокурора на обращение в защиту государственных и муниципальных унитарных предприятий. Сложившаяся судебная практика в гражданском процессе действительно ограничи-

вает прокурора в таком обращении, однако такое ограничение представляется не вполне последовательным. Если сравнить правовое регулирование сходных правоотношений, то это порождает неоправданную дифференциацию между различными видами судопроизводства.

Так, на основании части 1 статьи 52 АПК РФ прокурор вправе обратиться в арбитражный суд с иском о признании недействительными сделок и применении последствий недействительности сделок, совершенных в т. ч. государственными и муниципальными унитарными предприятиями. Получается, что в арбитражном процессе, который традиционно позиционируется как более «состязательный» и «диспозитивный», то есть как процесс профессиональный, такое обращение прокурора допускается, а в гражданском процессе соответствующее право за прокурором не признается.

Часть 3 статьи 44 УПК РФ прямо наделяет прокурора правом предъявления гражданского иска в защиту государственных и муниципальных унитарных предприятий. Отрицание за ним соответствующего права в гражданском процессе также порождает неоправданную дифференциацию и с процессом уголовным.

Тем более что вопрос о размере возмещения может быть передан судом для рассмотрения в гражданском судопроизводстве. Так, в пункте 28 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 13.10.2020 № 23 «О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу» разъяснено: «...при обращении к исполнению вступившего в законную силу приговора, содержащего решение о признании за гражданским истцом права на удовлетворение гражданского иска с передачей вопроса о размере возмещения для рассмотрения в порядке гражданского судопроизводства, суд, постановивший приговор, направляет для такого рассмотрения в суд, которому данный гражданский иск подсуден в соответствии с правилами, предусмотренными Гражданским процессуальным кодексом Российской Федерации (в установленных законом случаях – с учетом волеизъявления гражданского истца), копии обвинительного приговора, решения суда апелляционной инстанции, копии искового заявления (заявления) и решений о признании гражданским истцом, гражданским ответчиком либо выписку из протокола судебного заседания, копии иных материалов дела, подтверждающих иски требования, а также необходимых для решения вопроса об их размере. В любом случае гражданский истец должен быть уведомлен о том, в какой суд направлены указанные материалы».

Если отрицать за прокурором право на заявление соответствующих требований в гражданском судопроизводстве, то мы должны будем признать, что при изменении порядка рассмотрения соответствующего вопроса (с уголовного на гражданский), притом что существо данного вопроса и круг участвующих в деле лиц не изменился, про-

курор утрачивает право поддерживать такой иск, что представляется нелогичным.

Отрадно отметить, что Федеральным законом от 1 июля 2021 г. № 282-ФЗ «О внесении изменений в статью 52 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» компетенция прокурора была еще более расширена за счет отнесения к числу дел, по которым прокурор имеет право на обращение в арбитражный суд, споров о признании недействительными сделок, совершенных с нарушением требований законодательства в сфере государственного оборонного заказа, в том числе государственными заказчиками государственного оборонного заказа, головными исполнителями поставок продукции по государственному оборонному заказу и исполнителями, участвующими в поставках продукции по государственному оборонному заказу, и о применении последствий недействительности таких сделок; о признании недействительными сделок, совершенных с нарушением требований законодательства о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, в том числе заказчиками, поставщиками (подрядчиками, исполнителями), субподрядчиками, соисполнителями, участвующими в обеспечении государственных и муниципальных нужд, и о применении последствий недействительности таких сделок; о возмещении ущерба, причиненного Российской Федерации, субъектам Российской Федерации и муниципальным образованиям в результате нарушения законодательства в сфере государственного оборонного заказа, а также законодательства о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд.

Участники Всероссийской конференции уделили внимание не только актуальным вопросам безопасности на транспорте, но и современным проблемам формирования и развития новой отрасли – образовательного права – в части, связанной с надлежащим обеспечением классического юридического образования. Участники Всероссийской конференции констатировали: юридическое образование представляет высокую социально-политическую ценность, поскольку юридические вузы, институты и факультеты готовят своих выпускников к таким важным для государства видам профессиональной деятельности, как нормотворческая, правоприменительная, правоохранительная, организационно-управленческая. Массово коммерческое юридическое образование – негативный опыт прошлого. Указанный феномен 90-х годов прошедшего века и нулевых годов этого тысячелетия стал возможным в силу того обстоятельства, что юридическое образование рентабельно, легко капитализируется и является универсальным. Эти и другие связанные с ним особенности негативно в свое время сказались на эффективности государственного управления, да и продолжают отрицательно сказываться по сей день. Тотальная

коммерциализация юридического образования – угроза национальной безопасности России.

Наоборот, необходимо и целесообразно усиление государственного регулирования и контроля в сфере юриспруденции – нашего общественного блага и общего ресурса, направленного в том числе на формирование механизмов правового обеспечения рынка современной России, создание системы надежной охраны здоровых общественных отношений, надежной охраны транспортной безопасности. Эти обстоятельства возлагают на профессорско-преподавательский состав, работодателей и на обучающихся большую ответственность.

Учитывая в значительной степени практическую направленность мероприятия и состав его участников, Организационный комитет Всероссийской научно-практической конференции «К 300-летию российской прокуратуры: Прокурорский надзор в сфере безопасности на транспорте» обратился с резолюцией по итогам состоявшегося научно-практического форума. В принятом документе была подчеркнута особая роль Юридического института федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева» в подготовке высококвалифицированных кадров, последовательно и творчески воплощающих правовые принципы и новации во благо обеспечения законности и правопорядка.

В итоговом документе Всероссийской конференции обращается внимание, что славные традиции юридического образования имеют в России вековую историю – первый юридический факультет был открыт в 1755 году М. В. Ломоносовым. Сильной стороной юридического образования является сочетание фундаментальности и практической ориентированности, а также его значительное влияние на развитие профессионального правосознания студентов. Выпускники юридических факультетов, институтов и университетов являются основой государственного аппарата нашей страны и региона, без их участия оказалось бы невозможным функционирование политической и хозяйственной системы Российской Федерации.

Кадровая политика показывает, что последовательное и полноценное освоение юридических дисциплин является критически необходимым для соискателей должностей в государственных органах власти и управления. Не случайно 6 февраля 2020 года Президент Российской Федерации В. В. Путин подписал Закон о внесении изменений в Закон Российской Федерации «О прокуратуре», предусмотрев, что прокурором может быть назначено только лицо, имеющее квалификацию «магистр» по направлению подготовки «Юриспруденция», при наличии диплома бакалавра по тому же направлению подготовки. Аналогичное положение содержится и в законодательстве о статусе судей. Тем самым на высоком

уровне подчеркнута практическая важность специальной юридической подготовки.

Прокурор, судья и следователь должны обладать глубокими теоретическими знаниями в области права, особенно в условиях интенсивно изменяющегося законодательства, правильно и эффективно использовать предусмотренные законом средства защиты прав и свобод человека и гражданина, интересов общества и государства, что предполагает наличие высокого уровня профессионального образования у выпускников в области юриспруденции.

Организационный комитет конференции с удовлетворением констатировал, что, сохраняя лучшие традиции классического юридического образования, Юридический институт при поддержке руководства Самарского университета и ведущих работодателей оперативно реагирует на актуальные задачи учебного и научного плана, активно внедряет современные образовательные технологии и программы, развивает инновационные формы взаимодействия и осуществления интеграции профессионального образования, науки и правоприменительной практики.

В Юридическом институте успешно на протяжении более пяти лет реализуется система специальных курсов по самостоятельному выбору обучающихся, ориентированная на правовые области и объекты профессиональной юридической деятельности выпускников с формированием требуемых ведущими работодателями профессиональных компетенций. Устоявшиеся и хорошо зарекомендовавшие себя практико-ориентированные дисциплины по выбору обучающихся создают условия для достижения целей и решения задач,

поставленных перед юридическим образованием и наукой в современных условиях, способствуют постоянному совершенствованию получаемого в стенах института классического образования, свидетельствуют об организации деятельности Юридического института на высочайшем профессиональном уровне.

В целях дальнейшего совершенствования подготовки кадров для системы прокуратуры, следствия и судебной власти отмечается, что логика формирования и набор специальных дисциплин по выбору обучающихся в области юриспруденции должна определяться прежде всего актуальными правоохранными и правоприменительными задачами, в необходимых случаях с учетом мнения ведущих работодателей.

Конференция в лице оргкомитета резюмировала, что для успешной реализации задач, стоящих перед органами прокуратуры, следствия и судебной власти, формирования высококвалифицированного кадрового потенциала, необходимо: 1) сохранить на должном уровне практико-ориентированный подход в юридическом образовании; 2) акцентировать внимание на выработке у обучающихся профессиональных компетенций, направленных на решение правоприменительных и правоохранных задач в деятельности юриста; 3) обеспечить высокое качество специальной юридической подготовки в целях реализации стоящей перед классическим юридическим образованием миссии по выработке необходимых юристу профессиональных компетенций, соответствующих содержанию области юридической деятельности и востребованных для решения современных правоприменительных и правоохранных задач.

ТЕОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА THEORY OF LAW AND STATE

DOI: 10.18287/2542-047X-2021-7-2-14-20

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 340.1

Дата поступления: 17.03.2021
рецензирования: 26.04.2021
принятия: 25.05.2021

Правозащитная деятельность: правовые и морально-нравственные аспекты

П. П. Ланг

Одиннадцатый арбитражный апелляционный суд, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: petr.lang@mail.ru

Аннотация: В статье правозащитная деятельность рассматривается как явление, составляющее неотъемлемую часть правового общества. Выявляются проблемы теоретического и практического характера, связанные со сложностями в данной сфере, вызванные как пандемией COVID-19, так и иными причинами. Предпринята попытка оценить правовые и морально-нравственные стороны столь необходимой деятельности на современном этапе развития общественных отношений, уделяется внимание позиции международных органов относительно правозащитной деятельности, ее целям и задачам. Важность и актуальность темы объясняется тем, что, по мнению самих правозащитников, вся система защиты прав человека, созданная после одного из самых страшных периодов в современной мировой истории, переживает на данном историческом этапе кризис, который все больше обостряется под влиянием многочисленных проблем политического и экономического характера. Военные конфликты, миграция, пандемия ярко демонстрируют очевидную необходимость обращения к вопросу сущности правозащитной деятельности, в том числе ее морально-нравственной составляющей.

Ключевые слова: правозащитная деятельность; права человека; правовые ценности; аксиология; нравственность.

Цитирование. Ланг П. П. Правозащитная деятельность: правовые и морально-нравственные аспекты // Юридический вестник Самарского университета. 2021. Т. 7, № 2. С. 14–20. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2021-7-2-14-20>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Ланг П.П., 2021

Петр Петрович Ланг – кандидат юридических наук, начальник отдела анализа, статистики и обеспечения судопроизводства, Одиннадцатый арбитражный апелляционный суд, 443070, Российская Федерация, г. Самара, ул. Аэродромная, 11 А.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 17.03.2021
Revised: 26.04.2021
Accepted: 25.05.2021

Human rights activities: legal and moral aspects

P. P. Lang

Eleventh Arbitration Appeal Court, Samara, Russian Federation
E-mail: petr.lang@mail.ru

Abstract: The article considers human rights activities as a phenomenon that constitutes an integral part of the legal society. It identifies problems of a theoretical and practical nature associated with difficulties in this area, caused by both the COVID-19 pandemic and other reasons. An attempt has been made to assess the legal and moral and ethical aspects of such a necessary activity at the present stage of the development of public relations, attention is paid to the position of international bodies regarding human rights activities, its goals and objectives. The importance and relevance of the topic is explained by the fact that, in the opinion of human rights defenders themselves, the entire system of human rights protection, created after one of the most terrible periods in modern world history, is going through a crisis at this historical stage, which is increasingly aggravated under the influence of numerous problems of political and economic nature. Military conflicts, migration, a pandemic clearly demonstrate the obvious need to address the issue of the essence of human rights activities, including its moral and ethical component.

Key words: advocacy; human rights; legal values; axiology; morality.

Citation. Lang P. P. *Pravozashchitnaya deyatel'nost': pravovye i moral'no-nravstvennye aspekty* [Human rights activities: legal and moral aspects]. *Juridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2021, vol. 7, no. 2, pp. 14–20. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2021-7-2-14-20> [in Russian].

Information about the conflict of interests: author declares no conflict of interests.

© Lang P. P., 2021

Petr Petrovich Lang – Candidate of Legal Sciences, head of the Division of Analysis, Statistics and Judicial Support, Eleventh Arbitration Appeal Court, 11 A, Aerodromnaya Street, Samara, 443090, Russian Federation.

Обеспокоенность ситуацией с повсеместными нарушениями прав человека высказал в ходе программного выступления на заседании, посвященном работе ООН в 2021 году, Генеральный секретарь Антониу Гутерриш¹. Представив странам – членам Организации приоритеты работы на 2021 год, на одно из первых мест в списке глава ООН поставил противостояние «опасной тенденции посягательства на права человека».

Столь пристальное внимание к данной теме объясняется и тем, что объявленная пандемия COVID-19, а точнее, меры, принимаемые правительствами различных стран для борьбы с ней, обострили ситуацию. И здесь мы имеем яркий пример того, как меры, принимаемые для защиты права человека на жизнь, существенным образом ограничивают иные основные права, а нередко и вовсе не соответствуют основным правовым нормам.

В выполнении задачи по преодолению пандемии COVID-19 одной из важнейших проблем видится соблюдение прав человека, независимо от благосостояния самого государства, в котором проживает человек. «Решение задачи по распространению вакцин – первое серьезное испытание нравственного состояния нашего общества», – считает Гутерриш.

Восстановление экономики, проблемы климата и биоразнообразия непосредственно затрагивают права каждого человека, и для их обеспечения необходимо провести ряд международных мероприятий, которые помогут решить вопросы, связанные с «зеленой» энергетикой, здоровьем океанов, продовольственными системами, устойчивым транспортом и развитием городов.

Помимо пандемии COVID-19 глава ООН провозгласил особое внимание уделить борьбе с «пандемией нищеты и неравенства». По его словам, несправедливо, что «шансы людей на успех в жизни зависят от их пола, расы, семейного и этнического происхождения, наличия или отсутствия у них инвалидности и других факторов». Из-за этой несправедливости люди теряют доверие к власти, считает Генсек ООН.

Сегодня ситуация еще более ухудшилась в связи с пандемией, в результате которой в первую очередь страдают самые уязвимые слои населения.

Генеральный секретарь вновь призвал страны «заключить новый общественный договор», чтобы обеспечить защиту каждому жителю планеты. «Образование и цифровые технологии должны быть двумя мощными факторами, открывающими и уравнивающими возможности людей, – отметил он. – Решающее значение будут иметь реформи-

вание рынков труда и принятие энергичных усилий по борьбе с коррупцией, налоговыми убежищами, отмыванием денег и незаконными финансовыми потоками».

Названные проблемы, безусловно, затрагивают права каждого, опасность же посягательств на эти права, по мнению главы ООН, начала проявляться еще задолго до пандемии, которая, в свою очередь, «спровоцировала кризис в этой области»: язык вражды, ограничение деятельности журналистов и правозащитников, ущемление прав меньшинств, всплеск неонацизма.

В такой ситуации как никогда важна правозащитная деятельность. Но, к сожалению, не кажутся беспочвенными опасения правозащитников, которые говорят об атаке на всю систему защиты прав человека.

Для того чтобы подтвердить или опровергнуть данные опасения, видится необходимым обратиться к истории правозащитного движения, а также рассмотреть его правовые и морально-нравственные аспекты.

Начало правозащитному движению было положено Всеобщей Декларацией прав человека 1948 года, которая явила собой результат объединенных усилий мировых специалистов в области права, осознавших необходимость закрепления основных, защищаемых на государственном уровне прав любого без исключения человека, и впервые провозгласила, что все народы и все государства должны стремиться к защите прав человека. Речь идет в первую очередь о естественных правах человека, данных ему от рождения и никак не зависящих от государственного устройства или политической воли. Это права человека: на жизнь, свободу передвижения, свободу совести, мысли, слова, собраний и вероисповеданий и многие другие. Но если мы утверждаем, что данные права человека никак не зависят от государственного устройства и политической воли, то гарантии данных прав, их защита от каких-либо посягательств зависят именно и от того, и другого. Несправедливость принимаемых в государстве законов, действия правительств отдельно взятых государств могут идти в разрез с естественным правом человека. И не имеет значения, направлены ли действия, нарушающие права человека, на граждан внутри государства, или на граждан других государств, как не имеет значения и то, с какой целью нарушаются эти права. В ином случае найдутся оправдания и деяния Пола Пота, прикрывающего свои преступления программой, основой которой стали лозунги о прекращении разорения крестьянства, выходе страны из-под зависимости иностранных государств, ликвидации коррупции, и Адольфа Гитлера, заявлявшего в своей политической программе требования национализации промышленных трестов, распределения прибыли

¹ Совет по правам человека ООН. URL: <https://www.ohchr.org/RU/HRBodies/HRC> (дата обращения: 14.03.2021).

крупных коммерческих предприятий среди рабочих и служащих, значительного увеличения пенсионного обеспечения для стариков.

Не случайно именно Вторая мировая война с ее газовыми камерами, уничтожением целых народов и невероятных страданий мирных жителей привела к беспрецедентному обязательству, которое взяли на себя люди, пережившие все эти ужасы, по защите прав человека во всем мире.

Всеобщая декларация прав человека была принята в рамках ООН, когда, невзирая на острые противоречия в международных отношениях, был провозглашен принцип всеобщего равенства и утверждено важнейшее право всех, независимо от принадлежности к расе, религии, национальности, владения языком или политических предпочтений, – право на жизнь.

Несмотря на то что в мире остро стоит проблема выживания, обеспечение права на жизнь не может ограничиваться только проблемой ее сохранения в биологическом смысле. Изначально право на жизнь рассматривается именно с этой точки зрения, совпадающей с классическим мировоззрением, которое использует понятие «жизнь» в качестве философской категории и трактует ее как биологическое состояние. И это понятно, если человек может быть произвольно, насильственным путем лишен биологической жизни, то рассуждения о других правах теряют всяческий смысл. Привнесение в философскую категорию «жизнь» Ф. Ницше, А. Бергсоном, З. Фрейдом, М. Хайдеггером, О. Шпенглером и другими, социокультурного и гуманитарного содержания позволило понять, что человеческая жизнь выходит за пределы ее биологических смыслов. Одним из тех, кто первым воспринял понятие «жизнь» в качестве первичной данности, целостности бытия, первопричины всего и вся, «протекающей как воля к власти», был Ф. Ницше [1, с. 187].

Понимание жизни и как категории, и как феномена получило свое развитие в современной неоклассической философии, неопределимым вкладом в это развитие можно назвать работы Ж. Батая, Ж. Бодрийера, В. И. Вернадского, С. П. Курдюмова, М. К. Мамардашвили, И. Пригожина, В. Франкла, И. Т. Фролова, Э. Фромма, М. Фуко, С. Хокинга, А. Швейцера и других.

Современные научные взгляды сформировали восприятие жизни как уникальной ценности, которая является не средством, а высшей самоценностью бытия, в необходимости доказывания которой нет нужды ни перед кем и ни перед чем.

Недопустимо относиться к жизни человека как к вещи, средству, оценивая, полезна она или нет. Жизнь не нуждается в оправдании, она выше критерия полезности, само существование жизни выполняет задачу бытия мироздания, а человек выполняет свою миссию – жить в качестве человека [2]. Представляя собой самостоятельную ценность, она не утрачивает смысла до последнего дыхания [3, с. 306].

Не инстинкты и среда определяют поведение человека, в отличие от животного, а смысл жизни, в чем и состоит ее уникальность [4, с. 14–14].

Именно поэтому, говоря о главном праве человека – праве на жизнь, правозащитники рассматривают его с широкой точки зрения, не только с точки зрения права на сохранение жизни в биологическом смысле, но и права каждого человека на жизнь достойную. Ненапрасно «достойность» является конституционной категорией, неким ориентиром для любого социального государства, призванного создать условия, обеспечивающие достойную жизнь и свободное развитие человека, а также формирование эффективных механизмов защиты прав и свобод человека.

Являясь естественным правом человека, право на защиту было провозглашено в указанной декларации прав человека, которым, по сути, создана обязанность для всех государств обеспечить нормативно-правовое закрепление и реализацию правозащитных принципов.

Права человека в принципе ни одним государством дароваться не могут. Государственная система должна лишь закрепить их своими внутренними правовыми актами и обеспечить их реализацию, а в необходимых случаях – и защиту.

Оценивая жизнь человека на соответствие или несоответствие данной морально-нравственной категории, правозащитники в своей деятельности следуют тем принципам, которые были закреплены Генеральной Ассамблеей ООН, провозгласившей в качестве главной задачи содействие уважению прав и свобод человека, их обеспечению. Названы и пути решения данной задачи. Это образование и просвещение, организация и проведение прогрессивных мероприятий различного уровня.

Принятие Всеобщей декларации прав человека далось международному сообществу непросто. Не последней причиной для этого стали идеологизированные позиции как западных стран, так и Советского Союза ввиду их принадлежности к разным общественным системам.

Преодолеть разногласия государствам – членам ООН удалось сознательной общностью формулировок понятий, смысл которых состоял в соблюдении приемлемых для всех общедемократического и общечеловеческого принципов.

Но, несмотря на достаточную общность сформулированных понятий, представители социалистического лагеря воздержались при голосовании, обосновав свою позицию нарушением принятым документом суверенитета государства, а также отсутствием гарантий осуществления основных прав и свобод [5, с. 379–390].

С момента утверждения Экономическим и социальным советом ООН Комиссии по правам человека, которой и была поручена разработка Международного билля по правам человека, прошло 20 лет, прежде чем 16 декабря 1966 г. Генеральной Ассамблеей ООН были приняты два важнейших документа: Пакт об экономических, социальных и культурных правах и Пакт о гражд-

данских и политических правах. Вместе с Пактом о гражданских и политических правах Генеральной Ассамблеей ООН был принят протокол, согласно которому Комитет по правам человека наделялся правом рассмотрения жалоб отдельных лиц.

Вторым важным документом к Пакту о гражданских и политических правах стал принятый в 1989 году протокол, направленный на отмену смертной казни.

Развитие отношений между государствами в области защиты прав человека в дальнейшем происходило под влиянием принятых Ассамблеей документов. Самыми значительными из последующих международных актов, принятых по правам человека, являются международные соглашения, входящие в Международный билль о правах человека и представляющие собой международные конвенции. Это учрежденная в 1965 году Конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации; в 1979 году – Конвенция о ликвидации дискриминации в отношении женщин; в 1984 году – Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания; в 1989 году – Конвенция о правах ребенка; в 1990 году – Конвенция о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей; в 2006 году – Конвенция о правах инвалидов и Международная конвенция для защиты всех лиц от насильственных исчезновений. В качестве контрольных органов за исполнением соглашений были учреждены соответствующие комитеты.

Перечень правовых актов, регламентирующих обязанности государства поощрять, развивать эффективное осуществление гражданских, политических, экономических, социальных, культурных и других прав и свобод, которые все вытекают из достоинства, присущего человеческой личности, и являются существенными для ее свободного и полного развития на сегодняшний день достаточно велик, и он не ограничивается международными нормами. Подробный анализ всех нормативно-правовых актов, как международных, так и национальных, дает доктор юридических наук, профессор В. В. Гриб [6]. При этом автор выделяет акты, регулирующие правозащитную деятельность, в том числе в различных правовых системах. Особое внимание уделяется универсальным международным правовым актам, таким как Устав ООН, Всеобщая декларация прав человека 1948 года, а также Международный пакт о гражданских и политических правах и Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах. Уважаемый профессор понимает вопрос влияния актов так называемого «мягкого права», к которым относит рекомендательные, имеющие информативное содержание, и актов «жесткого права». В состав первых ученый включает резолюцию Генеральной Ассамблеи ООН, доклады Генерального секретаря ООН и тому подобное, ко вторым относит Всеобщую декларацию прав человека.

Интересен анализ, проведенный В. В. Грибом, в отношении норм международного права в кон-

тексте их влияния на право внутригосударственное. Автор подробно останавливается на анализе конституционных норм и федерального законодательства, затрагивающего вопросы регулирования правозащитной деятельности ее субъектов.

Видится, что именно вопрос определения субъектов правозащитной деятельности имеет много спорных моментов.

Вообще, несмотря на то что при изучении правозащитной деятельности в той или иной мере затрагиваются такие вопросы, как ее сущность [7], правовая природа и специфика, основной массе исследований присущ узкий взгляд на данное явление. Одни из них исследуют правозащитную деятельность со стороны ее субъектного состава и в качестве ее субъектов рассматривают государственные органы [8], прокуратуру [9–11], нотариат [12; 13].

В той или иной мере исследователи затрагивают вопросы определения понятия правозащитной деятельности, ее правовой природы и специфики, с тем отличием, которое обеспечивает призма восприятия проблемы и отношение к ней.

Само понятие правозащитной деятельности выступает предметом изучения как теоретиков права [14; 15], так и практических деятелей [16–18], и в контексте ее изучения оперируют как термином «защита прав человека», так и термином «правозащитная деятельность». На вопрос, являются ли они синонимами, отрицательно отвечает Е. В. Скрыкова, отмечая их колоссальное различие [19]. И если в первом случае целью является человек, то смысл второго обусловлен правом как таковым.

В качестве субъектов правозащитной деятельности и, соответственно, основных ее понятий, изучаемых применительно к данным субъектам, рассматриваются Общественная палата [20], адвокатура [21], неправительственные правозащитные организации [22], Комиссия по правам человека [23].

9 декабря 1998 года резолюцией 53/144 Генеральной Ассамблеи ООН была принята Декларация о правозащитниках. Необходимость принятия данного документа была вызвана преследованием и подавлением правозащитников, существующими во всем мире, и именно в нем впервые определено право на защиту прав человека.

В соответствии с Декларацией, к правозащитникам может быть отнесено любое лицо, выступающее за продвижение и защиту прав человека и основных свобод ненасильственным путем.

В связи с небезопасностью правозащитной деятельности, угрозами и реальными их исполнениями в отношении правозащитников были приняты и документы международного и внутригосударственного уровня. В качестве таких документов можно назвать Резолюцию Комиссии ООН по правам человека об учреждении института Специального докладчика по ситуации с правозащитниками, Декларацию Комитета министров о действиях Совета Европы по улучшению защиты правозащитников и содействию их деятельности.

Из внутренних документов нашего государства, регулирующих вопросы правозащитного движения, необходимо отметить Указ Президента РФ от 13.06.1996 № 864 «О некоторых мерах государственной поддержки правозащитного движения в Российской Федерации», Указ Президента Российской Федерации от 25.09.2004 № 1237 «О дополнительных мерах государственной поддержки правозащитного движения в Российской Федерации», Указание Генеральной Прокуратуры Российской Федерации от 17.11.2002 № 74 «Об организации взаимодействия органов прокуратуры с правозащитными и иными общественными организациями».

Анализируя указанные документы, а также особенность деятельности правозащитников, нельзя согласиться с мнением некоторых теоретиков, относящих к субъектам правозащитной деятельности прокуратуру и государственные органы. Все принятые в сфере защиты прав человека правовые документы указывают на то, что нарушение этих прав происходит исключительно со стороны государственных, властных структур. Нарушения допускаются представителями данных структур различного уровня. Только наделенное властными

по отношению к человеку полномочиями лицо может допустить нарушение его прав, которое может проявляться как в действиях, так и бездействиях. При этом не исключается правозащитная деятельность со стороны государственных органов, например органов прокуратуры.

Подводя итоги вышесказанного, можно сделать вывод о высочайшей миссии правозащитной деятельности, которая, несмотря на сложности и опасности, содействует пониманию и уважению прав и свобод человека, закрепленных Всеобщей декларацией прав человека, и обеспечению путем национальных и международных прогрессивных мероприятий всеобщего признания и осуществления этих прав. Однако следует отдельно обратить внимание на недопустимость проявления злоупотреблений со стороны правозащитников, когда под видом благородной цели – защиты прав человека, заинтересованные лица преследуют иные результаты (корыстные, политические и так далее). Представляется, что подобные явления претят морально-нравственной составляющей именно правозащитной деятельности и, как следствие, нивелируют весь ценностный, позитивный потенциал последней.

Библиографический список

1. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла // Ницше Ф. Сочинения: в 2 т. Т. 1, 2. Москва: Мысль, 1990. 829 с. URL: http://lib.ru/NICSHNE/dobro_i_zlo.txt.
2. Меньчиков Г. П. Жизнь как философская категория // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2008. № 5. С. 13–17. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhizn-kak-filosofskaya-kategoriya/viewer>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=12805334> (дата обращения: 09.03.2021).
3. Швейцер А. Культура и этика. Москва: Прогресс, 1973. 343 с. URL: <http://lib.ru/CULTURE/SHWEJCER/kultura.txt>.
4. Франкл В. Душа и доктор. Санкт-Петербург: Ювента, 1997. 287 с. URL: <https://www.rulit.me/books/doktor-i-dusha-logoterapiya-i-ekzistencialnyj-analiz-read-452631-1.html>.
5. Вышинский А. Я. Вопросы международного права и международной политики. Москва, 1951. 391 с. URL: <http://militera.lib.ru/1/cats/all/v/n56372/index.html>.
6. Гриб В. В. Правовые основы правозащитной деятельности на международном и федеральном уровне // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 1 (41). С. 48–57. DOI: <http://doi.org/10.24411/2078-5356-2018-00006>.
7. Глушенко П. П., Боер М. В. Юридическая сущность института правозащитной деятельности // Социология и право. 2013. № 3 (20). С. 31–36. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20619285>.
8. Калнина М. Ю. Правозащитная деятельность государственных органов субъектов Российской Федерации: конституционно-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2009. 197 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/pravozashchitnaya-deyatelnost-gosudarstvennykh-organov-subektov-rossiiskoi-federatsii-konsti>.
9. Бойченко С. И. Правозащитная деятельность прокуратуры Российской Федерации: конституционно-правовое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Белгород, 2009. 23 с. URL: <https://www.prlib.ru/item/360394>.
10. Росинский В. В. Правозащитная функция прокуратуры Российской Федерации: конституционно-правовое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2007. 25 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30321717>; <https://www.dissercat.com/content/pravozashchitnaya-funktsiya-prokuratury-rossiiskoi-federatsii-konstitutsionno-pravovoe-issle/read>.
11. Самойлова Т. Н. Проблемные аспекты правозащитной деятельности прокурора в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2009. 29 с. URL: https://new-disser.ru/_avtoreferats/01004357955.pdf.
12. Бегичев А. В. Правозащитная деятельность нотариата в сфере соблюдения прав и законных интересов участников гражданского оборота при обеспечении доказательств: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2016. 376 с. URL: http://dissovet.rudn.ru/web-local/prep/rj/?id=28&mod=dis&dis_id=1288.
13. Моисеева О. В. Правореализационная практика нотариата в России: дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2019. 229 с. URL: <https://diss.unn.ru/files/2019/915/diss-Moiseeva-915.pdf>.

14. Рыбаков О. Ю. Ценностные основания российского конституционализма // Конституция Российской Федерации и современный правопорядок: материалы конференции: в 5 ч. Москва, 2019. С. 332–335. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=37250838>.
15. Рыбаков О. Ю., Тихонова С. В. Модернизация права и социогуманитарная наука: проблемы диалога // Общественные науки и современность. 2011. № 6. С. 101–109. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17051913>; <https://ecsocman.hse.ru/data/2014/01/16/1251305159/Rybakov.pdf>.
16. Атагимова Э. И., Рыбакова О. С. К вопросу о повышении эффективности правового регулирования отношений в сфере оказания бесплатной юридической помощи в Российской Федерации // Мониторинг правоприменения. 2020. № 4. С. 8–21. DOI: <http://doi.org/10.21681/2226-0692-2020-4-8-21>.
17. Руднева Ю. В. Социальная юридическая помощь и доступ к правосудию // Наука XXI века: актуальные направления развития: материалы международной заочной научно-практической конференции. Самара, 2015. С. 1067–1073. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23983436>.
18. Рыбакова О. С. Безопасность ребенка в контексте конституционных ценностей Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15, № 3. С. 103–111. DOI: <http://doi.org/10.17803/1994-1471.2020.112.3.103-111>.
19. Скрыжова Е. В. Размышления о сути правозащитной работы: постановка проблемы. // Будущее прав человека в России: альманах. Вып. 1. Пермь: Пермская гражданская палата, 2006. С. 41–50.
20. Назаров А. В. Правозащитная деятельность Общественной палаты Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2011. 169 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/pravozashchitnaya-deyatelnost-obshchestvennoipalaty-rossiiskoi-federatsii>.
21. Поташник И. М. Основы правозащитной деятельности адвокатуры в условиях судебно-правовой реформы в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2013. 22 с. URL: https://new-disser.ru/_avtoreferats/01006764393.pdf.
22. Ботнев Ю. В. Конституционно-правовое регулирование деятельности неправительственных правозащитных организаций в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2008. 25 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/konstitutsionno-pravovoe-regulirovanie-deyatelnosti-nepravitelstvennykh-pravozashchitnykh-or-read>.
23. Чуксина В. В. Институт комиссий по правам человека в Российской Федерации: В свете мирового опыта: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2005. 27 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/institut-komissii-popravam-cheloveka-v-rossiiskoi-federatsii-v-svete-mirovogo-opyta/read>.

References

1. Nietzsche F. *Po tu storonu dobra i zla* [Beyond Good and Evil: Prelude to a Philosophy of the Future]. In: *Nietzsche F. Sochineniya: v 2 t. T. 1, 2* [Writings: in 2 vols. Vol. 1, 2]. Moscow: Mysl', 1990, 829 p. Available at: http://lib.ru/NICSHE/dobro_i_zlo.txt [in Russian].
2. Menchikov G. P. *Zhizn' kak filosofskaya kategoriya* [Life as a philosophical category]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of the Moscow state University of culture and arts], 2008, no. 5, pp. 13–17. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhizn-kak-filosofskaya-kategoriya/viewer>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=12805334> (accessed 09.03.2021) [in Russian].
3. Schweitzer A. *Kul'tura i etika* [Culture and ethics]. Moscow: Progress, 1973, 343 p. Available at: <http://lib.ru/CULTURE/SHWEJCER/kultura.txt> [in Russian].
4. Frankl V. *Dusha i doktor* [Spirit and doctor]. Saint Petersburg: Yuventa, 1997, 287 p. Available at: <https://www.rulit.me/books/doktor-i-dusha-logoterapiya-i-ekzistencialnyj-analiz-read-452631-1.html> [in Russian].
5. Vyshinskii A. Ya. *Voprosy mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodnoi politiki* [Issues of international law and international politics]. Moscow, 1951, 391 p. Available at: <http://militera.lib.ru/1/cats/all/v/n56372/index.html> [in Russian].
6. Grib V. V. *Pravovye osnovy pravozashchitnoi deyatel'nosti na mezhdunarodnom i federal'nom urovne* [Legal basis for human rights activities at the international and federal level]. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii* [Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2018, no. 1 (41), pp. 48–57. DOI: <http://doi.org/10.24411/2078-5356-2018-00006> [in Russian].
7. Glushchenko P. P., Boer M. V. *Yuridicheskaya sushchnost' instituta pravozashchitnoi deyatel'nosti* [The legal essence of the human rights activities institute]. *Sotsiologiya i pravo* [Sociology and Law], 2013, no. 3 (20), pp. 31–36. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20619285> [in Russian].
8. Kalnina M. Ju. *Pravozashchitnaya deyatel'nost' gosudarstvennykh organov sub"ektov Rossiiskoi Federatsii: konstitutsionno-pravovoe issledovanie: dis. ... kand. yurid. nauk* [Human rights activities of state bodies of the constituent entities of the Russian Federation: constitutional and legal research: Candidate's of Legal Sciences thesis]. Moscow, 2009, 197 p. Available at: <https://www.dissercat.com/content/pravozashchitnaya-deyatelnost-gosudarstvennykh-organov-subektov-rossiiskoi-federatsii-konsti> [in Russian].
9. Boichenko S. I. *Pravozashchitnaya deyatel'nost' prokuratury Rossiiskoi Federatsii: konstitutsionno-pravovoe issledovanie: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Human rights activities of the prosecutor's office of the Russian

Federation: constitutional and legal research: author's abstract of Candidate's of Legal Sciences thesis]. Belgorod, 2009, 23 p. Available at: <https://www.prlib.ru/item/360394> [in Russian].

10. Rosinsky V. V. *Pravozashchitnaya funktsiya prokuratury Rossiiskoi Federatsii: konstitutsionno-pravovoe issledovanie: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Human rights function of the prosecutor's office of the Russian Federation: constitutional and legal research: author's abstract of Candidate's of Legal Sciences thesis]. Moscow, 2007, 25 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30321717>; <https://www.dissercat.com/content/pravozashchitnaya-funktsiya-prokuratury-rossiiskoi-federatsii-konstitutsionno-pravovoe-issle/read> [in Russian].

11. Samoilova T. N. *Problemyne aspekty pravozashchitnoi deyatel'nosti prokurora v ugovnom sudoproizvodstve: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Problematic aspects of the human rights activities of the prosecutor in criminal proceedings: author's abstract of Candidate's of Legal Sciences thesis]. Izhevsk, 2009, 29 p. Available at: https://new-disser.ru/_avtoreferats/01004357955.pdf [in Russian].

12. Begichev A. V. *Pravozashchitnaya deyatel'nost' notariata v sfere soblyudeniya prav i zakonnykh interesov uchastnikov grazhdanskogo oborota pri obespechenii dokazatel'stv: dis. ... d-ra yurid. nauk* [Human rights activities of the notary in the field of observance of the rights and legitimate interests of participants in civil circulation in the provision of evidence: Doctoral of Law thesis]. Moscow, 2016, 376 p. Available at: http://dissovet.rudn.ru/web-local/prep/rj/?id=28&mod=dis&dis_id=1288 [in Russian].

13. Moiseeva O. V. *Pravorealizatsionnaya praktika notariata v Rossii: dis. ... kand. yurid. nauk* [Legal implementation practice of notaries in Russia: Candidate's of Legal Sciences thesis]. Nizhniy Novgorod, 2019, 229 p. Available at: <https://diss.unn.ru/files/2019/915/diss-Moiseeva-915.pdf> [in Russian].

14. Rybakov O. Yu. *Tsennostnye osnovaniya rossiiskogo konstitutsionalizma* [Value foundations of Russian constitutionalism]. In: *Konstitutsiya Rossiiskoi Federatsii i sovremennyyi pravoporyadok: materialy konferentsii: v 5 ch.* [Constitution of the Russian Federation and modern legal order: conference proceedings: in 5 parts]. Moscow, 2019, pp. 332–335. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=37250838> [in Russian].

15. Rybakov O. Ju., Tikhonova S. V. *Modernizatsiya prava i sotsiogumanitarnaya nauka: problemy dialoga* [Modernization of the law and socio-humanitarian science]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Contemporary World], 2011, no. 6, pp. 101–109. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17051913>; <https://ecsocman.hse.ru/data/2014/01/16/1251305159/Rybakov.pdf> [in Russian].

16. Atagimova E. I., Rybakova O. S. *K voprosu o povyshenii effektivnosti pravovogo regulirovaniya otnoshenii v sfere okazaniya besplatnoi yuridicheskoi pomoshchi v Rossiiskoi Federatsii* [On the question of improving the efficiency of legal regulation of relations in the field of rendering free legal aid in the Russian Federation]. *Monitoring pravoprimeneniya* [Monitoring of Law Enforcement], 2020, no. 4, pp. 8–21. DOI: <http://doi.org/10.21681/2226-0692-2020-4-8-21> [in Russian].

17. Rudneva Yu. V. *Sotsial'naya yuridicheskaya pomoshch' i dostup k pravosudiyu* [Social legal assistance and access to justice]. In: *Nauka XXI veka: aktual'nye napravleniya razvitiya: materialy mezhdunarodnoi zaochnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Science of the XXI century: current directions of development: materials of the international correspondence research and practical conference]. Samara, 2015, pp. 1067–1073. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23983436> [in Russian].

18. Rybakova O. S. *Bezopasnost' rebenka v kontekste konstitutsionnykh tsennostei Rossiiskoi Federatsii* [Child safety in the context of the Russian Federation constitutional values]. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava* [Actual Problems of Russian Law], 2020, vol. 15, no. 3 (112), pp. 103–111. DOI: <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2020.112.3.103-111> [in Russian].

19. Skryakova E. V. *Razmyshleniya o suti pravozashchitnoi raboty: postanovka problemy* [Reflections on the essence of human rights work: problem statement]. In: *Budushchee prav cheloveka v Rossii: Al'manakh. Vyp. 1* [Future of human rights in Russia: Almanac. Issue 1]. Perm: Permskaya grazhdanskaya palata, 2006, pp. 41–50 [in Russian].

20. Nazarov A. V. *Pravozashchitnaya deyatel'nost' Obshchestvennoi palaty Rossiiskoi Federatsii: dis. ... kand. yurid. nauk* [Human rights activities of the Civic Chamber of the Russian Federation: Candidate's of Legal Sciences thesis]. Moscow, 2011, 169 p. Available at: <https://www.dissercat.com/content/pravozashchitnaya-deyatelnost-obshchestvennoi-palaty-rossiiskoi-federatsii> [in Russian].

21. Potashnik I. M. *Osnovy pravozashchitnoi deyatel'nosti advokatury v usloviyakh sudebno-pravovoi reformy v Rossiiskoi Federatsii: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Fundamentals of the human rights activity of the legal profession in the context of judicial and legal reform in the Russian Federation: author's abstract of Candidate's of Legal Sciences thesis]. Moscow, 2013, 22 p. Available at: https://new-disser.ru/_avtoreferats/01006764393.pdf [in Russian].

22. Botnev Yu. V. *Konstitutsionno-pravovoe regulirovanie deyatel'nosti nepravitel'stvennykh pravozashchitnykh organizatsii v Rossiiskoi Federatsii: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Constitutional and legal regulation of the activities of nongovernmental human rights organizations in the Russian Federation: author's abstract of Candidate's of Legal Sciences thesis]. Moscow, 2008, 25 p. Available at: <https://www.dissercat.com/content/konstitutsionno-pravovoe-regulirovanie-deyatelnosti-nepravitel'stvennykh-pravozashchitnykh-or/read> [in Russian].

23. Chuksina V. V. *Institut komissii po pravam cheloveka v Rossiiskoi Federatsii: V svete mirovogo opyta: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Institute of Human Rights Commissions in the Russian Federation: In the light of world experience: author's abstract of Candidate's of Legal Sciences thesis]. Irkutsk, 2005, 27 p. Available at: <https://www.dissercat.com/content/institut-komissii-po-pravam-cheloveka-v-rossiiskoi-federatsii-v-svete-mirovogo-opyta/read> [in Russian].

DOI: 10.18287/2542-047X-2021-7-2-21-25

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 340.142

Дата поступления: 11.04.2021
рецензирования: 15.05.2021
принятия: 25.05.2021

**Трансформация правового регулирования общественных отношений
в условиях пандемии**

М. Г. Смирнова

Северо-Западный филиал Российского университета правосудия, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: msm777@inbox.ru

Аннотация: В статье исследуются проблемы правового регулирования деятельности субъектов права и отношений. Анализируются основные характеристики правового регулирования, такие как предмет, метод, способы и типы правового регулирования. В настоящее время, в условиях пандемии COVID-19, правовое регулирование общественных отношений претерпевает серьезные трансформационные изменения. Существенное изменение предмета правового регулирования, обусловленное созданием ситуации серьезной угрозы для здоровья населения, понудило законодателя к введению ограничений основных прав и свобод субъектов права, а также к преимущественному использованию запретов и позитивных обязываний как способов регулирования общественных отношений. В связи с этим начинает доминировать разрешительный тип правового регулирования общественных отношений, который базируется на принципе «запрещено все, кроме того, что прямо разрешено законом». Вышеизложенное наглядно свидетельствует о явной трансформации правового регулирования в условиях пандемии.

Ключевые слова: правовое регулирование; предмет правового регулирования; метод правового регулирования; способы правового регулирования; типы правового регулирования; трансформация; пандемия.

Цитирование. Смирнова М. Г. Трансформация правового регулирования общественных отношений в условиях пандемии // Юридический вестник Самарского университета. 2021. Т. 7, № 2. С. 21–25. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2021-7-2-21-25>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Смирнова М. Г., 2021

Марина Геннадьевна Смирнова – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского процессуального права; юридический факультет, Северо-Западный филиал Российского университета правосудия, 197046, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Александровский парк, 5.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 11.04.2021
Revised: 15.05.2021
Accepted: 25.05.2021

**Transformation of legal regulation of public relations in the context
of the pandemic**

M. G. Smirnova

North-West branch, Russian State University of Justice, Saint Petersburg, Russian Federation
E-mail: msm777@inbox.ru

Abstract: The article examines the problems of legal regulation of the activities of legal entities and relations. The main characteristics of legal regulation, such as the subject, method, methods and types of legal regulation, are analyzed. Currently, in the context of the COVID-19 pandemic, the legal regulation of public relations is undergoing serious transformational changes. A significant change in the subject of legal regulation, due to the creation of a situation of serious threat to public health, forced the legislator to introduce restrictions on the fundamental rights and freedoms of legal entities, as well as to the preferential use of prohibitions and positive obligations as ways to regulate public relations. In this regard, the permissive type of legal regulation of public relations begins to dominate, which is based on the principle of everything is prohibited, except what is directly permitted by law. The above clearly indicates a clear transformation of legal regulation.

Key words: legal regulation; subject of legal regulation; method of legal regulation; methods of legal regulation; types of legal regulation; transformation; pandemic.

Citation. Smirnova M. G. *Transformatsiya pravovogo regulirovaniya obshchestvennykh otnoshenii v usloviyakh pandemii* [Transformation of legal regulation of public relations in the context of the pandemic]. *Juridicheskiy vestnik Samarского университета* [Juridical Journal of Samara University], 2021, vol. 7, no. 2, pp. 21–25. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2021-7-2-21-25> [in Russian].

Information about the conflict of interests: author declares no conflict of interests.

© Smirnova M. G., 2021

Marina G. Smirnova – Doctor of Laws, associate professor, professor of the Department of Civil Procedure Law, Faculty of Law, Russian State University of Justice, 5, Alexandrovsky Garden, Saint Petersburg, 197046, Russian Federation.

В современной юридической науке проблемам правового регулирования общественных отношений, а именно предмету, методам, способам, приемам, типам правового регулирования посвящено немало научных работ. Механизм правового регулирования, его элементы и правовое регулирование в целом включены в предмет как общетеоретических, так и отраслевых юридических исследований. Можно констатировать, что проблемы правового регулирования, а также использования юридических инструментов для регулирования общественных отношений были и остаются актуальными вопросами юридических дисциплин [2–6].

Основоположником конструкции механизма правового регулирования является известный теоретик С. С. Алексеев, который в работе «Механизм правового регулирования в социалистическом государстве» (1966) [7] заложил фундаментальные начала теории правового регулирования в целом. Под правовым регулированием ученый понимал осуществляемое при помощи права и всей совокупности правовых средств юридическое воздействие на общественные отношения. По мнению С. С. Алексеева, право потому и возникает, что в соответствии с требованиями экономического базиса на определенной стадии развития общества оказывается необходимым при помощи юридических средств упорядочить общественные отношения, ввести их в определенные рамки, обеспечить их дальнейшее развитие, известным образом юридически воздействовать на них. Идеи правового регулирования получили свое дальнейшее освещение и в последующих трудах С. С. Алексеева [8, с. 47; 9, с. 300; 10, с. 260–287]

Изучение правового регулирования было продолжено в трудах таких российских правоведов, как М. И. Байтин, А. В. Малько, С. А. Жинкин, Е. М. Савельев, В. А. Сапун, К. В. Шундилов.

Правовое регулирование выступает одним из видов воздействия права на общественные отношения. Правовое воздействие является более широким понятием, чем правовое регулирование, и представляет собой результативное, нормативно-организационное влияние на общественные отношения как специальную систему собственно правовых средств (норм права, юридических фактов, правоотношений, актов реализации и применения права), иных правовых явлений, таких как правосознание, правовая культура, правовые принципы, правотворчество и т. д.

Предмет, методы, способы и типы правового регулирования являются основополагающими характеристиками правового регулирования.

По мнению автора, в настоящее время, в условиях пандемии COVID-19, правовое регулирование общественных отношений претерпевает серьезные трансформационные изменения. Данная пандемия вызвана стремительным распространением коронавирусной инфекции COVID-19. Всемирная организация здравоохранения объявила о чрезвычайной ситуации в области обще-

ственного здравоохранения 30 января 2020 года, имеющей международное значение. 11 марта 2020 года она была признана пандемией. По состоянию на 02.02.2021 в ходе пандемии было зарегистрировано 103 377 424 случая заболевания в более чем 188 странах и территориях; более 2 236 454 человек скончалось¹.

Всемирная организация здравоохранения еще в марте 2020 года призвала государства принять неотложные и самые решительные меры, чтобы обуздать распространение коронавируса, отметив вызывающие тревогу уровень его распространения и тяжесть. Таким образом, существенное изменение предмета правового регулирования, обусловленное созданием ситуации серьезной угрозы для здоровья населения, предопределило и применение соответствующих приемов и способов регулирования общественных отношений.

В науке выделяют три основных способа регулирования общественных отношений: дозволение, позитивное обязывание и запрещение (запрет). Дозволение как «способ правового регулирования выражается в предоставлении участникам правовых отношений субъективных прав (управомочивание). Он проявляется в делегировании комплекса дозволений управомоченному лицу на совершение определенных действий» [12, с. 148]. Данный способ является одним из основополагающих в правовом регулировании. В условиях пандемии практически все государства были вынуждены ввести ограничения основных прав и свобод граждан.

Жизнь и здоровье человека являются высшими ценностями. В этой связи нормы международного права в области прав и свобод человека прежде всего гарантируют наивысший уровень здоровья и закрепляют правила, которые обязывают государства принимать самые необходимые меры для предотвращения угрозы здоровью населения и оказания соответствующей медицинской помощи тем гражданам, кто в ней нуждаются.

Международное законодательство предусматривает, что в ситуациях серьезных угроз для здоровья населения и чрезвычайных положений, угрожающих жизни нации в целом, возможны ограничения определенных прав и свобод. Однако данные ограничения необходимо вводить только в соответствующем порядке, установленном законом. Международные стандарты в области прав человека гласят, что вводимые ограничения должны быть научно обоснованными и, безусловно, необходимыми. Также вводимые ограничения должны быть соразмерными преследуемой цели и ограничены по времени действия, при этом должно соблюдаться человеческое достоинство.

Так, Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах² признает за каж-

¹ Официальная статистика [6].

² Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) [3].

дым человеком право на «наивысший достижимый уровень физического и психического здоровья» и обязывает государства вводить необходимые меры для «предупреждения и лечения эпидемических, эндемических, профессиональных и иных болезней и борьбы с ними».

Стоит констатировать, что пандемия COVID-19 по своему масштабу и последствиям создала реальную угрозу здоровью населения. В этих условиях вводимые государствами ограничения прав и свобод человека представляются, безусловно, оправданными. Примерами таких ограничений выступают ограничение свободы передвижения в связи с карантином или изоляцией.

Данные ограничения неизбежно порождают нарушение привычного уклада жизни, дезорганизацию, недовольство населения ими. Ограничения прав не должны быть избыточно широкими и должны соответствовать определенным критериям.

В 1984 году Экономическим и социальным советом ООН по правам человека были приняты Сиракузские принципы, содержащие важные рекомендации по вводимым государствами ограничениям прав и свобод в интересах охраны здоровья населения или в условиях чрезвычайного положения. Согласно Сиракузским принципам, любые вводимые ограничения прав и свобод в рамках мер, принимаемых для защиты населения, должны быть законными, необходимыми и соразмерными. Ограничения прав и свобод должны учитывать непропорциональные последствия для отдельных категорий населения и маргинализованных групп, должны быть ограничены во времени действия.

Кроме того, Сиракузские принципы провозглашают, что вводимые ограничения должны преследовать законную цель, осуществляться в соответствии с законом, основываться на научных фактах, обеспечивать достижение такой цели при минимальных ущемлениях и ограничениях, а применение ограничительных мер не должно иметь дискриминационного или произвольного характера.

Международный пакт о гражданских и политических правах³ также дублирует положения Сиракузских принципов. Данный документ провозглашает, что ограничения прав и свобод в интересах защиты здоровья населения должны быть необходимыми, соразмерными и законными и подлежать контролю.

Прекращение работы предприятий и организаций, полный карантин, не ограниченный по времени, как правило, вводятся в спешке, без обеспечения защиты тех, кто находится на карантине, особенно групп риска, и, соответственно, не отвечают установленным требованиям. Введение на законодательном уровне таких мер, полное закрытие предприятий, в том числе общественного

питания, часто носит дискриминационный и произвольный характер.

Кроме введения ограничения основных прав и свобод субъектов права в условиях пандемии основными способами регулирования общественных отношений становятся запреты и позитивные обязывания.

Под способом правового регулирования общественных отношений, таким как позитивные обязывания, понимается возложение на субъекта активной обязанности совершения каких-либо действий (например, обязанность платить налоги собственником помещения). Запрет как способ регулирования общественных отношений подразумевает возложение соответствующей обязанности воздерживаться от совершения определенных действий (например, работодателю запрещено привлекать несовершеннолетних к сверхурочным работам).

Данные способы имеют определенное сходство – и тот и другой предполагают возложение обязанностей, но если в одном случае обязанности носят позитивный, активный характер, то в другом – пассивный [12].

Так, согласно Постановлению правительства Санкт-Петербурга от 13.03.2020 г. № 121 «О мерах по противодействию распространению в Санкт-Петербурге новой коронавирусной инфекции (COVID-19)» (с изменениями, внесенными 22.10.2020)⁴, а именно п. 2.1.17 была запрещена деятельность ресторанов, кафе, столовых, баров, закусочных и иных предприятий общественного питания с 23.00 до 06.00, а также, согласно п. 2.1.18, запрещена деятельность в области отдыха и развлечения на территории объектов общественного питания. В соответствии с п. 1.4.1 вышеуказанного постановления введена обязанность для граждан использовать средства индивидуальной защиты при пользовании общественным транспортом. Нахождение пассажиров во всех видах транспорта общего пользования без средств индивидуальной защиты запрещено. В свою очередь, п. 1.4.2 обязывает перевозчиков при оказании услуг по перевозкам пассажиров и багажа не допускать нахождения работников и пассажиров во всех видах транспорта общего пользования, в том числе такси, без средств индивидуальной защиты органов дыхания и рук. Также, согласно п. 1.5, с 01.11.2020 запрещена деятельность организаций (индивидуальных предпринимателей), не имеющих уникального QR-кода. Это только небольшой перечень приведенных ограничений, запретов и обязываний. Субъекты РФ в зависимости от эпидемиологической ситуации полномочны вводить новые ограничения, запреты и позитивные обязывания.

Изучение судебной практики по делам, связанным с оспариванием гражданами и юридическими

³ Международный пакт о гражданских и политических правах (принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) [3].

⁴ Постановление правительства Санкт-Петербурга от 13.03.2020 № 121 (ред. от 05.11.2020) «О мерах по противодействию распространению в Санкт-Петербурге новой коронавирусной инфекции (COVID-19)» [1].

лицами вводимых в условиях пандемии ограничений прав и свобод субъектов, наглядно свидетельствует, что большинство поданных заявлений в части оспаривания нормативных правовых актов судами субъектов были возвращены заявителям по формальным основаниям.

В части принятых к производству суда исковых заявлений были приняты решения, согласно которым было отказано в удовлетворении требований заявителей.

Например, по делу № 3а-176/2020 Санкт-Петербургский городской суд отказал со следующей формулировкой: «Рассматривая доводы административных истцов относительно нарушения оспариваемыми нормами их прав, свобод и законных интересов, суд принимает во внимание, что оспариваемыми нормами введены временные правила поведения, исключающие опасность непосредственного контакта с лицами, на которых может быть оказано негативное влияние, выраженное в распространении инфекции; введенные правила направлены не на ограничение прав граждан, а на защиту их жизни и здоровья»⁵.

За несоблюдение запретов и неисполнение соответствующих обязанностей предусмотрены меры ответственности. Возложение юридической ответственности за совершенное правонарушение, т. е. применение соответствующих мер принуждения многие ученые относят к вспомогательным (дополнительным) способам правового регулирования. Полагаем, что этот способ правового воздействия выступает таковым, поскольку представляет собой вид обязанности претерпевать наказания, лишения.

В качестве примера может служить следующая ситуация: проверка Роспотребнадзора в середине сентября 2020 года в Первом Санкт-Петербургском государственном медицинском институте имени Павлова выявила нарушения, в частности, на входе не у всех проверяют температуру, на втором этаже в холле толпились студенты без масок и соблюдения социальной дистанции, персонал кафедры терапии не обеспечен дезинфицирующими салфетками, допущение использования средств индивидуальной защиты сотрудниками кафедр с нарушением правил ношения маски (с открытым носом) и т. д. К ответственности привлечли исполняющего обязанности заведующего отделом, Петроградский районный суд Санкт-Петербурга назначил должностному лицу штраф в размере 25 000 рублей, это меньше низшего предела по части 2 статьи 6.3. КоАП РФ.

В условиях пандемии изменение предмета правового регулирования общественных отношений привело также к применению преимущественно императивного метода правового регулирования,

⁵ Информационная система судебной практики «СудАкт» [5].

который построен на использовании таких способов регулирования, как позитивные обязывания и запрещение (запрет). Важно отметить, что именно предмет правового регулирования предопределяет, соответственно, и методы, т. е. совокупность способов правового воздействия на общественные отношения.

Императивный метод регулирования характеризуется явным неравноправием субъектов. Отношения, складывающиеся между субъектами, отличаются субординацией и прямым подчинением, поскольку одним из участников отношений выступает компетентный государственно-властный орган.

На основе способов правового регулирования построены два основных типа правового регулирования. Первый тип – «дозволено все, кроме прямо запрещенного в законе». На этой формуле построен общедозволительный тип правового регулирования. Этот тип правового регулирования общественных отношений отличается строго и четко установленными запретами. Стоит отметить, что объем этих запретов при данном типе правового регулирования невелик, а объем дозволений не определен: все, что не запрещено [12]. Данный тип правового регулирования способствует проявлениям самостоятельности, активности, инициативности участников общественных отношений. Такие отрасли права, как гражданское, семейное, характеризуются наличием данного типа правового регулирования.

Второй тип правового регулирования сформулирован как: «запрещено все, кроме прямо разрешенного». При данном типе регулирования участники правовых отношений могут совершить только действия, которые прямо разрешены законом. Остальные действия запрещены. «Данный тип правового регулирования носит название разрешительного. Примером отрасли права, которой присущ данный тип регулирования, выступает административное право. Поскольку в законодательстве объем полномочий государственно властных органов определен их компетенцией. Все, что выходит за пределы компетенции, категорически запрещено» [11, с. 16–23].

Подводя итог, можно прийти к выводу, что в условиях пандемии государствами вводятся существенные ограничения основных прав и свобод субъектов права, кроме того, основными способами регулирования общественных отношений становятся запреты и позитивные обязывания. В этой связи можно утверждать, что во многих отраслях права начинает доминировать разрешительный тип правового регулирования общественных отношений, который базируется на принципе «запрещено все, кроме того, что прямо разрешено законом». Вышеизложенное наглядно свидетельствует о явной трансформации правового регулирования в условиях пандемии.

Библиографический список

1. Постановление правительства Санкт-Петербурга от 13.03.2020 № 121 (ред. от 05.11.2020) «О мерах по противодействию распространению в Санкт-Петербурге новой коронавирусной инфекции (COVID-19)» // Администрация Санкт-Петербурга: офиц. сайт. URL: <https://docs.cntd.ru/document/564437085>.

2. Хронология действий ВОЗ по борьбе с COVID-19. URL: <https://www.who.int/ru/news/item/29-06-2020-covidtimeline>.
3. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах» (принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. 28 апреля. № 17. Ст. 291. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.shtml.
4. COVID-19 и права человека. URL: <https://www.hrw.org/ru/news/2020/04/01/339654> (дата обращения: 01.04.2020).
5. Информационная система судебной практики «СудАкт». URL: <https://sudact.ru>.
6. Официальная статистика. URL: <https://news.google.com/covid19/map?hl=ru&gl=RU&ceid=RU%3Aru>.
7. Алексеев С. С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. Москва, 1966. 187 с. URL: http://www.adhdportal.com/book_3475.html.
8. Алексеев С. С. Право: азбука – теория – философия: Опыт комплексного исследования. Москва: Статут, 1999. 709 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20767680>; https://royallib.com/read/alekseev_serгей/pravo___azbuka_teorija_filosofiya_opit_kompleksnogo_issledovaniya.html#0.
9. Алексеев С. С. Государство и право. Начальный курс. Москва, 1999. 320 с.
10. Алексеев С. С. Восхождение к праву. Поиски и решения. 2-е изд., перераб. и доп. Москва, 2002. 608 с. URL: <http://alekseev-museum.ru/wp-content/uploads/2017/12/Voshozhdenie-k-pravu.-Poiski-i-resheniya.-S.S.-Aleksееva.-2001.pdf>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=20910931>.
11. Брызгалин А. В. Философия налогов // Налоги и финансовое право. 2009. № 5. С. 16–23. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=12600497>.
12. Спасенников Б. А. Теория государства и права. Курс лекций. Москва: ФЛИНТА, 2013. 290 с. URL: <https://be5.biz/pravo/t036/index.html>.

References

1. *Postanovlenie pravitel'stva Sankt-Peterburga ot 13.03.2020 № 121 (red. ot 05.11.2020) «O merakh po protivodeistviyu rasprostraneniyu v Sankt-Peterburge novoi koronavirusnoi infektsii (COVID-19)»* [Resolution of the Government of Saint Petersburg dated 13.03.2020 № 121 (last updated 05.11.2020) «On measures to combat the spread in St. Petersburg of a new coronavirus infection (COVID-19)»]. Retrieved from the official website of the St. Petersburg Administration. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/564437085> [in Russian].
2. *Khronologiya deistvii VOZ po bor'be s COVID-19* [Listings of WHO's response to COVID-19]. Available at: <https://www.who.int/ru/news/item/29-06-2020-covidtimeline> [in Russian].
3. *Mezhdunarodnyi pakt ob ekonomicheskikh, sotsial'nykh i kul'turnykh pravakh (Prinyat 16.12.1966 Rezolyutsiei 2200 (XXI) na 1496-m plenarnom zasedanii General'noi Assamblei OON)* [International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights (Adopted 16.12.1966 by the Resolution 2200 (XXI) in 1496 plenary meeting of the UN General Assembly)]. *Vedomosti Verkhovnogo Soveta SSSR*, 1976, 28.04, no. 17, article 291. Available at: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.shtml [in Russian].
4. *COVID-19 i prava cheloveka* [COVID-19 and human rights]. Available at: <https://www.hrw.org/ru/news/2020/04/01/339654> (accessed 01.04.2020) [in Russian].
5. *Informatsionnaya sistema sudebnoi praktiki «SudAkt»* [Information system of judicial practice «SudAkt»]. Available at: <https://sudact.ru> [in Russian].
6. *Ofitsial'naya statistika* [Official statistics]. Available at: <https://news.google.com/covid19/map?hl=ru&gl=RU&ceid=RU%3Aru> [in Russian].
7. *Alekseev S. S. Mekhanizm pravovogo regulirovaniya v sotsialisticheskom gosudarstve* [Mechanism of legal regulation in the socialist state]. Moscow, 1966, 187 p. Available at: http://www.adhdportal.com/book_3475.html [in Russian].
8. *Alekseev S. S. Pravo: azbuka – teoriya – filosofiya: Opyt kompleksnogo issledovaniya* [Law: ABC – theory – philosophy: Experience of complex research]. Moscow: Statut, 1999, 709 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20767680>; https://royallib.com/read/alekseev_serгей/pravo___azbuka_teorija_filosofiya_opit_kompleksnogo_issledovaniya.html#0 [in Russian].
9. *Alekseev S. S. Gosudarstvo i pravo. Nachal'nyi kurs* [State and law. Initial course]. Moscow, 1999, 320 p. [in Russian].
10. *Alekseev S. S. Voskhozhdenie k pravu. Poiski i resheniya. 2-e izd., pererab. i dop.* [Ascent to the law. Searches and solutions. 2nd edition, revised and enlarged]. Moscow, 2002, 608 p. Available at: <http://alekseev-museum.ru/wp-content/uploads/2017/12/Voshozhdenie-k-pravu.-Poiski-i-resheniya.-S.S.-Aleksееva.-2001.pdf>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=20910931> [in Russian].
11. *Bryzgalin A. V. Filosofiya nalogov* [Philosophy of taxes]. *Nalogi i finansovoe pravo* [Tax and Financial Law], 2009, no. 5, pp. 16–23. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=12600497> [in Russian].
12. *Spasennikov B. A. Teoriya gosudarstva i prava. Kurs lektzii* [Theory of state and law. Course of lectures]. Moscow: FLINTA, 2013, 290 p. Available at: <https://be5.biz/pravo/t036/index.html> [in Russian].

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 340

Дата поступления: 18.03.2021
рецензирования: 23.04.2021
принятия: 25.05.2021

Правовое просвещение в России: современные проблемы теории и практики

М. А. Истомин

Уральский государственный юридический университет, г. Екатеринбург, Российская Федерация
E-mail: mistomin1997@gmail.com

А. В. Нечкин

Уральский государственный юридический университет, г. Екатеринбург, Российская Федерация
E-mail: super.nechkin@gmail.com

Аннотация: В статье рассматривается история развития правового просвещения в России, его современное нормативно-правовое регулирование, а также теоретическая основа, связанная с его осуществлением. Выявляя первостепенное значение правового просвещения для становления гражданского общества и правового государства, авторы указывают на необходимость создания единой системы нормативно-правовых актов, регулирующих данную деятельность. В настоящее время правовое регулирование деятельности различных субъектов по правовому просвещению бессистемно, так как на разных уровнях существует большое количество не связанных друг с другом правовых актов, что затрудняет достижение целей правового просвещения. В исследовании проведен комплексный теоретический анализ деятельности по правовому просвещению, на основе которого авторы, с одной стороны, делают вывод о единстве рациональных и иррациональных моментов в указанной деятельности, с другой – о первичности воздействия на эмоционально-волевую сторону человека в процессе правового просвещения. Связывая структуру правового просвещения с элементами правосознания – правовой идеологией и правовой психологией, авторы указывают на единство правового обучения и правового воспитания в рамках правового просвещения, предлагая свою дефиницию к понятию правового просвещения.

Ключевые слова: правовое просвещение; правовое образование; правовое обучение; правовое воспитание; правосознание; правовая идеология; правовая психология.

Цитирование. Истомин М. А., Нечкин А. В. Правовое просвещение в России: современные проблемы теории и практики // Юридический вестник Самарского университета. 2021. Т. 7, № 2. С. 26–33. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2021-7-2-26-33>.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Истомин М. А., Нечкин А. В., 2021

Максим Александрович Истомин – ассистент кафедры теории государства и права, Уральский государственный юридический университет, 620137, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21.

Андрей Вадимович Нечкин – кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного права, Уральский государственный юридический университет, 620137, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 18.03.2021
Revised: 23.04.2021
Accepted: 25.05.2021

Legal enlightenment in Russia: modern problems of theory and practice

M. A. Istomin

Ural State Law University, Yekaterinburg, Russian Federation
E-mail: mistomin1997@gmail.com

A. V. Nechkin

Ural State Law University, Yekaterinburg, Russian Federation
E-mail: super.nechkin@gmail.com

Abstract: The article examines the history of the development of legal enlightenment in Russia, its modern legal regulation, as well as the theoretical basis associated with its implementation. Revealing the paramount importance of legal enlightenment for the formation of civil society and state of law, the authors point out the need to create a unified system of normative legal acts regulating this activity. Currently, the legal regulation of the activities of various subjects of legal enlightenment is unsystematic, since at different levels there are a large number of unrelated legal acts, which makes it difficult to achieve the goals of legal enlightenment. Among other things, the study carried out a comprehensive theoretical analysis of activities in legal enlightenment, on the basis of which the authors, on the one hand, conclude

about the unity of rational and irrational moments in this activity, on the other, about the primary impact on the emotional-volitional side of a person in the process of legal enlightenment. Linking the structure of legal enlightenment with elements of legal awareness – legal ideology and legal psychology, the authors point to the unity of legal training and legal literacy within the framework of legal enlightenment, offering their definition of the concept of legal enlightenment.

Key words: legal enlightenment; legal education; legal training; legal literacy; legal awareness; legal ideology; legal psychology.

Citation. Istomin M. A., Nechkin A. V. *Pravovoe prosveshchenie v Rossii: sovremennye problemy teorii i praktiki* [Legal enlightenment in Russia: modern problems of theory and practice]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2021, vol. 7, no. 2, pp. 26–33. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2021-7-2-26-33> [in Russian].

Information about the conflict of interests: authors declare no conflict of interests.

© Istomin M. A., Nechkin A. V., 2021

Maxim A. Istomin – teaching assistant of the Department of Theory of State and Law, Ural State Law University, 21, Komsomolskaya Street, Yekaterinburg, 620137, Russian Federation.

Andrey V. Nechkin – Candidate of Legal Sciences, associate professor of the Department of Constitutional Law, Ural State Law University, 21, Komsomolskaya Street, Yekaterinburg, 620137, Russian Federation.

Правовое просвещение является одним из основных способов воспитания гражданского общества и, как следствие, создания правового государства, построение которого невозможно без высокого уровня массового правосознания. Как отмечает С. С. Алексеев, «наряду с рассмотрением сложных проблем права начальное и первостепенное значение имеет правовое просвещение» [1, с. 248]. Развивая мысли немецкого философа И. Канта, ученый считал, что «правовое воспитание и правовое просвещение являются важнейшими и необходимейшими средствами обеспечения господства права в жизни общества» [2, с. 9]. Только идея правового просвещения, выражающая стремление человечества к праву как феномену высшего Разума [3, с. 81], способна создать стабильное и процветающее общество.

Великим примером пользы правового просвещения и просвещения вообще является история Древней Греции и Рима. Благодаря царившему в эпоху Античности культу разума [4, с. 195] ярчайшими теоретиками которого выступали Платон и Аристотель, воспитание и образование (в особенности политическое и правовое) приобрели первостепенное значение. Существовавшая в Античности многоуровневая система образования включала, помимо чтения и письма, также и основы философии, общественно-политической жизни и права. Потребность в правовых знаниях в развивающемся римском обществе была настолько велика, что первый понтифик из плебейского сословия Тиберий Корунканий стал допускать к своим юридическим консультациям всех желающих [5, с. 170], постепенно приоткрывая завесу тогда еще сакральной юриспруденции. В последующем практика консультаций и уроков отошедших от дел римских юристов получила широкое распространение среди граждан.

В истории нашего Отечества также немало внимания уделялось просвещению. Еще в дореволюционной России в 1880–1890 гг. появились бесплатные общедоступные курсы, а в начале XX века – народные университеты. Особого упоминания заслуживает учрежденное в 1947 году Всесоюзное общество «Знание», целью которого являлось распространение среди широких масс политических

и научных знаний, в частности, правовых. Под эгидой данного общества после 70-х годов народные университеты получили широкое распространение и со временем трансформировались в курсы при высших и средних учебных заведениях [6]. Так, советское общество находилось на передовых позициях по уровню развития культуры не только благодаря эффективной системе образования, но и благодаря активной просветительской деятельности.

В советское время теме правового просвещения было посвящено множество научных работ. Теоретическая разработка подкреплялась непрерывной практической деятельностью – проведением лекций, изданием научно-популярной правовой и политической литературы, созданием клубов по интересам, кружков, секций, проведением тематических вечеров и пр. Заслуживает внимания осуществлявшаяся Всесоюзным обществом «Знание» разработка цикла лекций по основам государства и права для школ и средних специальных заведений [7, с. 359]. Интерес представляют также проводимые в зале судебного заседания беседы, в рамках которых адвокат и прокурор разъясняли с точки зрения права всем присутствующим разрешаемое в суде дело (Государственный архив Кемеровской области. Ф. Р-359. Оп. 1 Д. 48. Л. 5.).

Таким образом, советская система правовой пропаганды была направлена на включение и научно-педагогических, и практических работников в процесс правового просвещения, благодаря чему реализовывался огромный потенциал распространения юридических знаний. Так, в обществе буквальным образом возвращалась атмосфера постоянного присутствия права в жизни людей, включенности населения в правовую жизнь, создавались условия для постоянного правового диалога между учеными-юристами, практиками и обществом.

В настоящее время вопросы, связанные с просвещением, на государственном уровне в нашей стране стоят особо остро. Так, по итогам недавней конституционной реформы (Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функци-

онирования публичной власти») в России, п. «е» ч. 1 ст. 71 Конституции Российской Федерации, закрепляющий предметы исключительного ведения федерации, был дополнен формулировкой – «установление единых правовых основ системы здравоохранения, системы воспитания и образования». Введением данной нормы, в сущности, была заложена основа для создания единой системы воспитания в Российской Федерации.

Указанная идея получила свое дальнейшее развитие путем внесения изменений (Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 304-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об образовании в Российской Федерации” по вопросам воспитания обучающегося») в Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». В частности, была существенно расширена, содержащаяся в п. 2 ч. 1 ст. 2 дефиниция понятия «воспитание», которое на данный момент должно предполагать в том числе и «формирование у обучающегося... уважения к... закону и правопорядку».

На основании изложенного можно с уверенностью сделать вывод, что частью воспитания на территории Российской Федерации в обязательном порядке должна являться и деятельность по правовому воспитанию. Более того, учебным организациям необходимо принять соответствующие рабочие планы и программы, предусматривающие мероприятия по воспитанию обучающихся, в том числе и мероприятия по воспитанию правовому.

Таким образом, законодатель фактически начал создание широкой системы воспитания, в том числе правового, среди обучающихся. Организация и деятельность на данном направлении в настоящее время являются крайне актуальными, так как существует реальная возможность обеспечить в создаваемой воспитательной системе одно из ведущих мест правовому просвещению, являющемуся залогом построения гражданского общества и правового государства.

Нельзя также не отметить, что интерес к правовому просвещению в России и в других государствах СНГ возник задолго до рассмотренных выше преобразований.

Еще в начале 2000-х годов в Санкт-Петербурге на пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ был принят «Модельный закон о просветительской деятельности» (принят Постановлением от 07.12.2002 № 20-15), согласно положениям которого право на просвещение признавалось производным от права на образование и относилось к естественным правам человека, а правовое просвещение причислялось к направлениям просветительской деятельности (ст. 10 и ст. 18). Однако следует также упомянуть, что в новой действующей редакции данного Модельного закона от 20 мая 2016 года положения о правовом просвещении как виде просветительской деятельности были по непонятным причинам намеренно изъяты.

В 2011 году были приняты Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан (утв. Президентом РФ 28 апреля 2011 г. № Пр-1168), содержащие основные цели, направления и меры в данной области. В частности, данный акт детально описывает важность юридического обучения и воспитания, разработку программ дошкольного и школьного образования подобного рода, важность научного осмысления вопросов, связанных с правовым просвещением.

На основе и во исполнение данного акта в ряде субъектов Российской Федерации были разработаны собственные концепции и программы развития правовой грамотности и правосознания граждан (например, в Свердловской и Самарской области, Хабаровском крае, ХМАО-Югре, Республике Тыве и других).

Так, например, Концепция развития правовой грамотности и правосознания граждан в Свердловской области 2012 года (утв. Постановлением Правительства Свердловской области от 16 апреля 2012 г. № 377-ПП) ставит конкретные цели и задачи в сфере правового просвещения на территории Свердловской области, описывает механизм реализации поставленных задач, подразумевает создание «единой системы качественного просвещения всех социальных, профессиональных, возрастных групп населения» в сфере правовых знаний, говорит о необходимости «правового образования во всех сферах обучения», о внедрении правового образования и воспитания в учебные курсы различных образовательных программ.

Стоит также отметить, что в ряде субъектов Российской Федерации региональные законодатели (в части развития правовой грамотности и правосознания граждан) пошли намного дальше и приняли специализированные законы о правовом просвещении граждан (например, в Воронежской, Курганской и Самарской областях).

Подобная качественная разница в подходах к правовому регулированию общественных отношений, связанных с правовым просвещением граждан, привела к тому, что Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации в своем Ежегодном докладе за 2019 год прямо отметил, что «назрела насущная потребность унифицировать подходы при реализации правового просвещения в российских регионах» [8, с. 246].

В связи с этим нельзя не заметить, что на уровне федерального законодательства имеются нормативно правовые акты, которые так или иначе содержат положения, касающиеся правового воспитания и обучения. К числу таких актов можно отнести Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» (ст. 17 и ст. 18), Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» (ст. 28), Федеральный конституционный закон от 26 февраля 1997 г.

№ 1-ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» (ст. 1). Обязанность осуществлять правовое просвещение также предусмотрена и в федеральных законах, а также иных нормативно-правовых актах, регулирующих деятельность различных правоохранительных органов.

Таким образом, следует констатировать, что на современном этапе развития российского государства деятельность по правовому просвещению граждан не является эффективной, главным образом по причине того, что отсутствует необходимый уровень ее теоретической разработки. В силу чего отсутствует и единая законодательная модель системы правового просвещения [8, с. 246], единые стандарты, планы обучения, подходы, методы работы, а имеющиеся программные акты не способны выстроить эффективную линию работы по данному направлению. Так, правовое просвещение становится бессистемным, разрозненным, обладает низким качеством и, как следствие, неэффективным.

Следует сказать, что и правотворчество, и правореализация как интеллектуально-волевая деятельность человека в правовой сфере неминуемо проходит через его сознание, которое в конечном счете определяет смысл и значение всех юридических поступков. Именно человек, его сознание является той основой, которая творит правовую действительность. Какими бы совершенными ни были нормы права, их реализация без труда разбивается о низкий уровень правового сознания субъектов, участвующих в правоотношениях.

Еще Аристотель отмечал, что «никакой пользы не принесут самые полезные законы... если граждане не будут приучены к государственному порядку и в духе его воспитаны» [9, с. 250–251]. Используя диалектическую терминологию, можно утверждать, что невозможно придать соответствующему явлению форму, расходящуюся с его содержанием: если уровень развития правосознания и правовой культуры низок, то построить реальное правовое государство в такой ситуации не представляется возможным. Именно в данной ситуации обнаруживается роль правового просвещения как инструмента воздействия на массовое правосознание.

При этом понятие правового просвещения, механизм его осуществления в науке права разработаны крайне слабо, хотя на законодательном уровне термин «правовое просвещение» используется регулярно. Дефиниция же правового просвещения имеется только в двух действующих нормативно-правовых актах и одном законопроекте.

Так, Закон города Москвы от 19 марта 2008 года № 14 «О системе профилактики правонарушений в городе Москве» определяет правовое просвещение в связке с правовым информированием, подразумевая под ним «деятельность органов и учреждений системы профилактики правонарушений или лиц... по доведению до сведения граждан и организаций информации, направленной на обе-

спечение защиты прав и свобод человека и гражданина...» Правовое просвещение также является предметом рассмотрения в уже упомянутом выше «Модельном законе о просветительской деятельности» в первоначальной редакции от 7 декабря 2002 года, где в ст. 18 под ним понимается «распространение знаний о гражданских правах, свободах и обязанностях человека и о свободах их реализации».

Более того, в Законопроекте № 1057895-7 «О внесении изменений в Федеральный закон “Об образовании в Российской Федерации” (в части введения просветительской деятельности)» предлагается ввести понятие «просветительская деятельность», под которой предлагается понимать «осуществляемую вне рамок образовательных программ деятельность, направленную на распространение знаний, умений, навыков, установок, опыта и компетенции в целях интеллектуального, духовно-нравственного, творческого, физического и (или) профессионального развития человека...»

Приведенные дефиниции указывают в основном на информационный компонент деятельности в сфере правового просвещения, связывают ее с простой трансляцией знаний о праве. Данный подход представляется поверхностным, так как не отражает сути явления – глубинного воздействия транслируемой информации на сознание человека.

Следует сказать, что сам термин «просвещение» начал широко использоваться в XVII веке после выхода в свет статьи И. Канта «Ответ на вопрос: что такое Просвещение?» [10] и носил скорее декларативный характер, нежели научный, обозначив начало периода, который позже получил название эпохи Просвещения. Исходной идеей данного периода являлся культ науки и прогресс человечества, а сами просветители заботились в первую очередь о распространении знаний в широких массах. Таким образом, термин «просвещение» подразумевал распространение знаний в широких массах, привнесение в них света разума.

С точки зрения теории права чаще принято говорить не о правовом просвещении, а о правовом обучении и правовом воспитании. Так, «воспитание влияет в основном на эмоционально-волевою, ценностную, мировоззренческую сторону сознания, а обучение – на когнитивно-рациональную» [11, с. 337], но различие между ними можно провести лишь условно, так как оба аспекта находятся в постоянном взаимодействии.

Как отмечает К. Н. Княгинин, «в реальной же отдельной акции по правовому воспитанию (в широком смысле. – *Прим. авт.*) обычно можно проследить проявляющиеся одновременно, пусть и с разной степенью интенсивности, собственно юридико-информационные моменты и моменты идеологического облачения» [12, с. 3–4]. При этом употребление категорий правового воспитания и правового обучения является наиболее органичным с точки зрения связи их со структурой правосознания, включающего в себя два условно укрупненных блока:

правовую идеологию (совокупность рациональных компонентов, знаний о праве) и правовую психологию (совокупность эмоциональных представлений о праве) [11, с. 325–326].

Таким образом, любая образовательная и просветительская деятельность должна включать и правовое воспитание, и правовое обучение как основу своей деятельности. Сама трансляция информации о праве, ее распространение выступает лишь методом воздействия на эмоциональную и рациональную основы правосознания, но не отражает сути явления.

Более корректным с этой точки зрения, по сравнению с имеющимися в законодательстве дефинициями, является научное определение правового просвещения, данное в методических материалах Научного центра правовой информации при Минюсте Российской Федерации, где оно понимается как «целенаправленная деятельность определенного круга субъектов по распространению знаний о гражданских правах, свободах и обязанностях человека и способах их реализации, систематическому воздействию на сознание и поведение подрастающего поколения в целях формирования позитивных представлений, взглядов, ценностных ориентаций, установок, обеспечивающих соблюдение, исполнение и использование юридических норм, а также по формированию правосознания и правовой культуры» [13, с. 9].

В данном определении отражен как рациональный момент (распространение объективных знаний), так и иррациональный (формирование позитивных представлений). Единства рационального и иррационального компонентов придерживались и советские ученые. Однако речь велась не о правовом просвещении, а о правовом воспитании.

Так, по мнению Н. К. Семерновой и А. К. Щединой, под правовым воспитанием понимается «широкий комплекс учебно-воспитательных (курсив иой. – Прим. авт.) и организационно-культурных индивидуальных и массовых мероприятий, направленных на повышение уровня правосознания и правовой культуры...» [14, с. 69–70]. Иные советские ученые утверждали, что правовое воспитание «включает одновременно образование, обучение, формирование убеждений, привычек и навыков правового поведения, социально-правовой активности» [15, с. 10].

В целом же правовое воспитание (воздействие на ценностные ориентиры человека) и правовое обучение (трансляция рациональных знаний) являются первичными элементами в процессе трансляции юридических знаний. Как уже указывалось, воздействие на человека ведется посредством этих двух направлений, поэтому так или иначе они являются базовыми структурными элементами правового просвещения.

Исходя из вышесказанного, можно дать следующее определение: правовое просвещение – это процесс целенаправленного воздействия на рациональные и иррациональные характеристики широких слоев населения, не обладающих профес-

сиональными юридическими знаниями, с целью формирования у них высокого уровня правовых знаний и позитивных представлений о праве.

Таким образом, ключевыми признаками правового просвещения являются, во-первых, целенаправленность данной деятельности, так как она осуществляется осознанно и с определенными целями. Во-вторых, воздействие ведется посредством воздействия на рациональные элементы и на иррациональные сознания человека (то есть в данном случае используются различные методы воздействия). В-третьих, исходя из второго признака, воздействие несет в себе цели формирования правовых знаний (рациональных) и правовых эмоций, оценок (иррациональных). В-четвертых, правовое просвещение носит массовый характер, то есть воздействует на большую группу людей в указанных целях.

В целом, о единстве правового обучения и правового воспитания свидетельствует и понимание в толковых словарях понятия просвещения как системы воспитательно-образовательных мероприятий [16]. В то же время это более органично и с точки зрения воздействия на разные структуры правосознания, так как методика влияния на рациональные и иррациональные его компоненты различна.

При этом в работе с широкими массами более важным и, подчеркнем, первоочередным является правовое воспитание, так как именно оно задействует эмоционально-волевую сферу деятельности, благодаря чему осваивается человеком гораздо легче и является основой для последующего углубленного обучения.

«Правовое воспитание... не даст ожидаемых плодов, если не будет сформирована внутренняя среда для аккумуляции правового чувства» [17, с. 25], следовательно, правовые знания могут эффективно применяться лишь тогда, когда имеется их эмоциональное подкрепление [15, с. 9–10]. Как в детском возрасте человек получает базовые знания о праве и морали через сказки и мифы, обучающие его плохому и хорошему не на основе сложных логических конструкций, а на основе чувственных представлений, так и широкие массы должны начать свое развитие в сфере права с формирования у них эмоционально-волевых установок к праву.

В то же время любое иррациональное воздействие должно подкрепляться рациональным его закреплением, поэтому воспитание всегда должно быть подкреплено обучением. Как мораль является во многом основой для права, так и воспитание – первичной основой для обучения. В целом же правовое воспитание, оперируя оценочными категориями хорошего или плохого в отношении права, действует через мораль, которая выступает как «духовный фактор, возвышает объективное право, придает ему не только регулятивную, но и самую высокую духовную значимость» [18, с. 676].

Именно такая методика позволит развивать социально активное поведение субъектов права и

постепенно переходить в рамках правового регулирования от метода правового принуждения к методу правового убеждения, тем самым формируя сначала гражданское общество, а затем и правовое государство.

При этом следует уделить внимание теоретической разработке вопросов правового воспитания и обучения с точки зрения права, психологии, социологии, журналистики и других наук, на которых должна строиться деятельность по правовому просвещению – в данном случае важен междисциплинарный подход. Создание единых методик работы с массами, разработка программ и методической литературы является важным элементом любого воспитательно-образовательного процесса.

Не менее важен и сам механизм, посредством которого будет осуществляться правовое просвещение и будет доводиться соответствующая информация до широких слоев населения: правовые школы, юридические клиники, газеты, журналы, научно-популярная литература, учебники, трансляции в СМИ, аудиторные выступления, лекции, клубы и пр. Особенно важна работа с использованием интернет-ресурсов (группы в социальных сетях, online-занятия, образовательные платформы и т. д), которые сейчас приобрели огромное значение в социальной жизни. Именно посредством широкого использования современных информационно-телекоммуникационных технологий, недоступных ранее, появляется реальная возможность придать правовому просвещению не виданную ранее массовость.

В заключении, резюмируя все вышесказанное, хотелось бы отметить, что без активного развития правового просвещения, которое на протяжении последних тридцати лет в России находилось в состоянии очевидного упадка, сформировать гражданское общество, а значит, и приблизиться к конституционно закреплённому идеалу правового государства, не получится никакими средствами.

Для решения обозначенной проблемы целесообразным видится создание единой обще-

государственной законодательной базы правового просвещения посредством принятия специализированного федерального закона о правовом просвещении в Российской Федерации, где были бы четко обозначены понятийный аппарат, формы, субъекты, а также механизм реализации деятельности по правовому просвещению и в соответствие с которым также были бы приведены уже имеющиеся законы субъектов Российской Федерации по данному вопросу.

При этом правовое просвещение, по нашему мнению, стоит понимать как единство воспитания и обучения, рационального и иррационального компонентов воздействия. В целом же, в сфере правового просвещения можно выделять четыре направления работы: воспитательное, образовательное, научное и информационное. Создание единой нормативно-правовой базы должно это учитывать.

Для начала работы в данном направлении следует принять Концепцию правового просвещения граждан Российской Федерации, а также Федеральную государственную программу по вопросам правового просвещения с целью выделения и эффективного расходования средств федерального бюджета, зарезервированных на эти цели. Тем более что на данную необходимость указал Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации в своем докладе за 2019 год, абсолютно справедливо отметив, что «в России отсутствует государственная программа по вопросам правового просвещения, которая обеспечивала бы взаимодействие всех институтов, занимающихся правопросветительской деятельностью, и построила их работу на основе единой методологии. Поэтому актуальным вопросом по-прежнему остается разработка Концепции правового просвещения и образования в области прав человека как идеологического документа и Федеральной государственной программы по вопросам правового просвещения и образования в области прав человека как документа стратегического планирования» [8, с. 248].

Библиографический список

1. Алексеев С. С. Собрание сочинений: в 10 т. Москва: Статут, 2010. Т. 8. 480 с. URL: https://vk.com/doc535382391_580304473?hash=55074b2747b98cbfef&dl=dd28ae752d16f361b3.
2. Алексеев С. С. Социальная ценность права в советском обществе. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2019. 223 с. URL: http://alekseev-museum.ru/wp-content/uploads/2019/10/Alekseev_Sots_tsennost_prava_2019.pdf.
3. Алексеев С. С. Право – предназначение. Доклад при вручении Демидовской премии 2010 года. Екатеринбург: Институт частного права, 2011, 82 с. URL: http://www.uran.ru/gazetanu/2011/03/nu06_07/wvmmu_p7_06_07_032011.htm.
4. Малинова И. П. Философия права и юридическая герменевтика: монография. 2-е изд., доп. Екатеринбург: Издательский дом Уральского государственного юридического университета, 2017. 200 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29803639>.
5. Покровский И. А. История римского права. Москва: Статут, 2004. 540 с. URL: <http://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=1524230000>.
6. Народные университеты // Энциклопедия «Всемирная история»: сайт. URL: https://w.histrf.ru/articles/article/show/narodnyie_universitety (дата обращения: 17.03.2021).
7. Гаврилова А. В., Боголюбов Е. А. Теоретическая и практическая взаимосвязь правовой идеологии и правовой пропаганды в советском обществе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2018. Т. 22, № 3. С. 346–369. <http://doi.org/10.22363/2313-2337-2018-22-3-346-369>.

8. Ежегодный доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2019 год. 323 с. // Уполномоченный по правам человека в РФ: офиц. сайт. URL: https://ombudsmanrf.org/upload/files/docs/lib/doc2019_fin_compressed.pdf (дата обращения: 17.03.2021).
9. Аристотель. Политика. Москва: АСТ, 2019. 384 с. URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Aristotel_Politika.pdf.
10. Кант И. Собрание сочинений: в 6 т. Москва: Мысль, 1966. Т. 6. 743 с. URL: https://platon.net/load/knigi_po_filosofii/istorija_nemeckaja_klassicheskaja/kant_immanuel_sochinenija_v_6_tomakh/12-1-0-1481.
11. Теория государства и права: учебник для юридических вузов и факультетов / под ред. В. М. Корельского и В. Д. Первалова. Москва: НОРМА–ИНФРА–М, 1999. 570 с. URL: http://www.adhdportal.com/book_4051.html.
12. Правовое воспитание в условиях демократизации советского общества / отв. ред. А. П. Семитко. Свердловск: Уральское отделение АН СССР, 1991. 79 с.
13. Право знать право: методические рекомендации по организации правового просвещения участников образовательного процесса / авт.-сост. Э. И. Атагимова, Е. В. Горбачева. Москва: ФБУ НЦПИ при Минюсте России, 2016. 76 с. URL: https://edu.pskov.ru/sites/default/files/pravo_znat_pravo_metodicheskie_rekomendacii_po_organizacii_pravovogo_prosveshcheniya.pdf.
14. Семернева Н. К., Щедрина А. К. Правовые формы общественного воспитания несовершеннолетних. Москва: Юрид. лит., 1980. 96 с.
15. Правовое воспитание несовершеннолетних: пособие для слушателей / А. И. Долгова, А. П. Кожевникова, А. М. Медведев. Москва: Знание, 1977. 96 с.
16. Просвещение (образование) // Большая советская энциклопедия: сайт. URL: <http://bse.sci-lib.com/article093450.html> (дата обращения: 17.03.2021).
17. Татаринцева Е. В. Правовое воспитание (методология и методика): метод. пособие. Москва: Высшая школа, 1990. 175 с.
18. Алексеев С. С. Право: азбука – теория – философия: Опыт комплексного исследования. Москва: Статут, 1999. 712 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20767680>; https://royallib.com/read/alekseev_sergey/pravo_azbuka_teorija_filosofiya_opit_kompleksnogo_issledovaniya.html.

References

1. Alekseev S. S. *Sobranie sochinenii: v 10 t.* [Collected works: in 10 volumes]. Moscow: Statut, 2010. Vol. 8, 480 p. Available at: https://vk.com/doc535382391_580304473?hash=55074b2747b98cbfef&dl=dd28ae752d16f361b3 [in Russian].
2. Alekseev S. S. *Sotsial'naya tsennost' prava v sovetskom obshchestve* [Social value of law in the Soviet society]. Yekaterinburg: Gumanitarnyi universitet, 2019, 223 p. Available at: http://alekseev-museum.ru/wp-content/uploads/2019/10/Alekseev_Sots_tsennost_prava_2019.pdf [in Russian].
3. Alekseev S. S. *Pravo – prednaznachenie. Doklad pri vruchenii Demidovskoi premii 2010 goda* [Right is purpose. Report at the presentation of the Demidov Prize in 2010]. Yekaterinburg: Institut chastnogo prava, 2011, 82 p. Available at: http://www.uran.ru/gazetanu/2011/03/nu06_07/wvmnu_p7_06_07_032011.htm [in Russian].
4. Malinova I. P. *Filosofiya prava i yuridicheskaya hermenevtika: monografiya. 2-e izd., dop.* [Philosophy of law and legal hermeneutics. 2nd edition, enlarged]. Ekaterinburg: Izdatel'skii dom Ural'skogo gosudarstvennogo yuridicheskogo universiteta, 2017, 200 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29803639> [in Russian].
5. Pokrovskii I. A. *Istoriya rimskogo prava* [History of Roman law]. Moscow: Statut, 2004, 540 p. Available at: <http://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=1524230000> [in Russian].
6. *Narodnye universitety* [Folk high schools]. Retrieved from *Entsiklopediya «Vsemirnaya istoriya»* [Encyclopedia of World History]. Available at: https://w.histrf.ru/articles/article/show/narodnye_universitety (accessed 17.03.2021) [in Russian].
7. GavriloVA A. V., Bogolyubov E. A. *Teoreticheskaya i prakticheskaya vzaimosvyaz' pravovoi ideologii i pravovoi propagandy v sovetskom obshchestve* [Theoretical and practical interaction between legal ideology and legal propaganda in the Soviet society]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Yuridicheskie nauki* [RUDN Journal of Law], 2018, vol. 22, no. 3, pp. 346–369. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2018-22-3-346-369> [in Russian].
8. *Ezhegodnyi doklad o deyatelnosti Upolnomochennogo po pravam cheloveka v Rossiiskoi Federatsii za 2019 god.* 323 s. [Annual report on the activities of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation for 2019. 323 p.]. Retrieved from *Upolnomochennyi po pravam cheloveka v RF: ofits. sait* [Commissioner for Human Rights in the Russian Federation: official website]. Available at: https://ombudsmanrf.org/upload/files/docs/lib/doc2019_fin_compressed.pdf (accessed 17.03.2021) [in Russian].
9. Aristotle. *Politika* [Politics]. Moscow: AST, 2019, 384 p. Available at: https://www.civisbook.ru/files/File/Aristotel_Politika.pdf [in Russian].
10. Kant I. (1966) *Sobranie sochinenii: v 6 t.* [Collected works: in 6 vols.]. Moscow: Mysl', 1966, vol. 6, 743 p. Available at: https://platon.net/load/knigi_po_filosofii/istorija_nemeckaja_klassicheskaja/kant_immanuel_sochinenija_v_6_tomakh/12-1-0-1481 [in Russian].

11. *Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik dlya yuridicheskikh vuzov i fakul'tetov. Pod red. V. M. Korel'skogo i V. D. Perevalova* [Korelsky V. M., Perevalov V. D. (Eds.) (1999) Theory of state and law: textbook for law schools and faculties]. Moscow: NORMA–INFRA-M, 1999, 570 p. Available at: http://www.adhdportal.com/book_4051.html [in Russian].
12. *Pravovoe vospitanie v usloviyakh demokratizatsii sovetskogo obshchestva. Otv. red. A. P. Semitko* [Semitko A. P. (Ed.) Legal literacy in the conditions of democratization of Soviet society]. Sverdlovsk: Ural'skoe otделение AN SSSR, 1991, 79 p. [in Russian].
13. *Pravo znat' pravo: metodicheskie rekomendatsii po organizatsii pravovogo prosveshcheniya uchastnikov obrazovatel'nogo protsessa. Avt. sost. E. I. Atagimova, E. V. Gorbacheva* [Atagimova E. I., Gorbacheva E. V. *Pravo znat' pravo: metodicheskie rekomendatsii po organizatsii pravovogo prosveshcheniya uchastnikov obrazovatel'nogo protsessa* [The right to know the right: guidelines for organizing legal enlightenment of participants in the educational process]. Moscow: FBU NTsPI pri Minyuste Rossii, 2016, 76 p. Available at: https://edu.pskov.ru/sites/default/files/pravo_znat_pravo._metodicheskie_rekomendacii_po_organizacii_ppravovogo_prosveshcheniya.pdf [in Russian].
14. Semerneva N. K., Shchedrina A. K. (1980) *Pravovye formy obshchestvennogo vospitaniya nesovershennoletnikh* [Legal forms of social education of minors]. Moscow: Yurid. lit., 1980, 96 p. [in Russian].
15. Dolgova A. I., Kozhevnikova A. P., Medvedev A. M. (1977) *Pravovoe vospitanie nesovershennoletnikh: posobie dlya slushatelei* [Legal education of minors: a guide for listeners]. Moscow: Znanie, 1977, 96 p. [in Russian].
16. *Prosveshchenie (obrazovanie)* [Enlightenment (education)]. Retrieved from *Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya: sait* [Great Soviet Encyclopedia: website]. Available at: <http://bse.sci-lib.com/article093450.html> (accessed 17.03.2021) [in Russian].
17. Tatarintseva E. V. *Pravovoe vospitanie (metodologiya i metodika): metod. posobie* [Legal literacy (methodology and methods)]. Moscow: Vysshaya shkola, 1990, 175 p. [in Russian].
18. Alekseev S. S. *Pravo: azbuka – teoriya – filosofiya: Opyt kompleksnogo issledovaniya* [Law: ABC – theory – philosophy: experience of comprehensive research]. Moscow: Statut, 1999, 712 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20767680>; https://royallib.com/read/alekseev_servey/pravo___azbuka_teoriya_filosofiya_opit_kompleksnogo_issledovaniya.html [in Russian].

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО CONSTITUTIONAL LAW

DOI: 10.18287/2542-047X-2021-7-2-34-41

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 342

Дата поступления: 05.03.2021
рецензирования: 20.04.2021
принятия: 25.05.2021

Методы, принципы и презумпции конституционно-конфликтной диагностики

И. А. Третьяк

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, г. Омск, Российская Федерация
E-mail: irina.delo@yandex.ru. SPIN-код: 3455-2600. Author ID: 762457

Аннотация: В статье исследуются основные элементы конституционно-конфликтной диагностики, представляющей собой систему последовательно применяемых методов, юридических принципов и презумпций, направленных на получение информации о причинах, содержании, последствиях и способах предупреждения и разрешения конституционно-правового конфликта. Конституционно-конфликтная диагностика теоретически обосновывается автором как новый метод науки конституционного права, позволяющий юристам исследовать конституционно-правовые конфликты и конституционные нормы конфликтологического типа. Применение конституционно-конфликтной диагностики позволит установить и исследовать причинно-следственную связь между формированием права, его нормативным выражением и последующим правоприменением, в котором будет отражен конституционно-правовой конфликт. Автор полагает, что в ходе диагностики конституционного конфликта применяются следующие методы: диалектический, системный, исторический, статистический, методы формальной логики, формально-юридический метод, метод правового моделирования и др. Автор также предлагает рассматривать в качестве принципов такой диагностики: принцип учета конкретно-исторической обстановки, диалектического единства, системности изучения конфликта и принцип верховенства права. В качестве презумпций, применяемых в ходе конституционно-конфликтной диагностики, автор предлагает рассматривать: презумпцию неизбежности конституционно-правовых конфликтов, презумпцию разрешимости конституционно-правовых конфликтов и презумпцию превенции конфликтов.

Ключевые слова: метод исследования; конституционный конфликт; диагностика; юридический конфликт; правовой принцип; презумпция; конституционная конфликтология.

Цитирование. Третьяк И. А. Методы, принципы и презумпции конституционно-конфликтной диагностики // Юридический вестник Самарского университета. 2021. Т. 7, № 2. С. 34–41. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2021-7-2-34-41>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Третьяк И. А., 2021

Ирина Александровна Третьяк – кандидат юридических наук, доцент кафедры государственного и муниципального права, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, 644077, Российская Федерация, г. Омск, пр. Мира, 55 а.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 05.03.2021
Revised: 20.04.2021
Accepted: 25.05.2021

Methods, principles and presumptions of constitutional and conflict diagnostics

I. A. Tretyak

Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russian Federation
E-mail: irina.delo@yandex.ru. SPIN-код: 3455-2600. Author ID: 762457

Abstract: The article examines the main elements of constitutional and conflict diagnostics, which is a system of consistently applied methods, legal principles and presumptions, aimed at obtaining information about the causes, content, consequences and methods of preventing and resolving a constitutional conflict. Constitutional and conflict diagnostics is theoretically justified by the author as a new method of the science of constitutional law, which allows lawyers to study constitutional conflicts and constitutional norms of the conflictological type. The use of constitutional and conflict diagnostics will allow to establish and investigate the causal relationship between the formation of law, its normative expression and subsequent law enforcement, which will reflect the constitutional conflict. The author believes that the following methods are used in the course of diagnosing a constitutional conflict: dialectical, systematic, historical,

statistical, methods of formal logic, formal-legal method, method of legal modeling, and other methods. The author also proposes to consider as the principles of such diagnostics: the principle of taking into account the specific historical situation, dialectical unity, systematic study of the conflict and the principle of the rule of law. The author suggests considering the following presuppositions used in the course of constitutional and conflict diagnostics: the presumption of the inevitability of constitutional conflicts, the presumption of the solvability of constitutional conflicts, and the presumption of the prevention of conflicts.

Key words: research method; constitutional conflict; diagnostics; legal conflict; legal principle; presumption; constitutional conflictology.

Citation. Tretyak I. A. *Metody, printsipy i prezumpsii konstitutsionno-konfliktnoi diagnostiki* [Methods, principles and presumptions of constitutional and conflict diagnostics]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2021, vol. 7, no. 2, pp. 34–41. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2021-7-2-34-41> [in Russian].

Information about the conflict of interests: author declares no conflict of interests.

© Tretyak I. A., 2021

Irina A. Tretyak – Candidate of Legal Sciences, associate professor of the Department of State and Municipal Law, Dostoevsky Omsk State University, 55 a, Mira Avenue, Omsk, 644077, Russian Federation.

Конституционно-конфликтная диагностика представляет собой систему последовательно применяемых методов и юридических принципов, направленных на получение информации о причинах, содержании, последствиях и способах предупреждения и разрешения конституционно-правового конфликта. В свою очередь, под конституционно-правовым конфликтом возможно понимать сложное, многоаспектное явление, заключающееся в противостоянии и (или) противодействии субъектов конституционного права по поводу конституционной ценности или ценностей, реализующееся в форме конституционного правоотношения и разрешаемое специальными конституционно-правовыми способами.

В науке конституционного права пока только формируется «общее поле» взглядов ученых по вопросам определения конституционно-правового конфликта, его структуры, участников и способов разрешения, а также по поводу формирования конституционной конфликтологии в качестве нового раздела науки конституционного права, в рамках которого возможно изучение конфликтных проявлений в конституционном праве [1].

При вышеизложенном подходе к определению конституционно-конфликтной диагностики ее составными элементами будут выступать общенаучные, частно-научные и специальные методы научного познания, юридические принципы и презумпции. Рассмотрим подробнее каждый элемент.

Традиционной и общепризнанной является классификация методов на общие, частно-научные и специальные методы познания объекта и предмета.

Первая группа методов: общенаучные методы, применяемые в ходе конституционно-конфликтной диагностики, представлена диалектическим методом, который заключается в исследовании объекта диагностики в непрерывном развитии, трансформации.

Как точно указывает С. И. Захарцев, в диалектическом развитии раскрываются такие обязательные свойства научного знания, как предметность, определенность, точность, системность,

логичность, проверяемость, теоретическая и эмпирическая обоснованность, практическая полезность. Совокупность этих свойств определяет и гарантирует объективность научного знания, и именно диалектика является методом, жизненно необходимым для любой науки, в том числе (а может быть, и в первую очередь) для правовых дисциплин [2, с. 182].

Именно диалектический метод позволяет нам установить объект и предмет конституционно-конфликтной диагностики, определив их логическую связь друг с другом, а также их связь с социальной действительностью, что определит в конечном итоге практическую полезность полученных выводов.

Основными законами диалектики являются: единство и борьба противоположностей; переход количественных показателей в качественные; отрицание отрицания. В рамках закона единства и борьбы противоположностей конституционно-конфликтная диагностика исследует общественные отношения в контексте сосуществования разнонаправленных сил и интересов их участников, вступивших в конфликт, причем эти силы одновременно находятся в единстве и противоречии друг с другом.

Закон перехода количественных изменений в качественные проявляется в том, что количественное накопление данных в ходе конституционно-конфликтной диагностики позволяет сделать качественно новые выводы относительно исследуемых явлений. При рассмотрении данного закона В. С. Нерсесянц отмечал, например, что качественные изменения философско-правового знания связаны с переходом от прежнего понятия права к новому понятию права, с формулированием новой философско-правовой теории с соответствующим новым методом и новым предметом. Разумеется, степень подобных качественных изменений может быть различной, но новые понятия выражают качественный скачок в процессе развития философско-правового познания и процессе философско-правовой мысли [3, с. 12].

В. К. Бабаев верно указывал, что каждый из диалектических законов проявляет себя в любом

юридическом явлении, процессе, поскольку любая юридическая норма отражает единство и противоположность регулируемых общественных отношений, совпадающие и в то же время противоречивые интересы. Она проявляется тогда, когда изменения в социальной жизни, постепенно накапливаясь, достигают нового качественного состояния и требуют принципиально иной юридической нормы. Новые общественные отношения сменяют прежние, а вновь принятая юридическая норма, регулирующая эти отношения, отрицает старые, предшествующие ей, правовые предписания [4, с. 42].

Диалектика является традиционным методом познания для юридических наук, поскольку общественные отношения, даже конституционно-правовые, несмотря на их учредительный характер и стабильность, все же изменяются, новые виды отношений приходят на смену устаревшим, и данный процесс непрерывен, что особенно ярко проявляется в конституционно-правовых конфликтах, через которые конституционное право обновляется. Это своего рода «черные дыры» в «галактике» системы права, которые хотя и прорывают правовую ткань государства, но через них можно попасть в другое «пространство и измерение», совершив качественный скачок к новому стандарту правопонимания.

Как точно отметили В. И. Новосельцев и Ю. Л. Полевой, конфликты обладают уникальным свойством – в них нарушается привычный ход событий, разрушаются стереотипы, возникают принципиально новые проблемные ситуации, в которых сентенции прошлого становятся малоэффективными, а зачастую и вредными, поскольку конфликты – это процессы, теряющие контроль над самими собой. В них «обнуляются» накопленные знания о прошлом и происходит не то, что было, а то, чего еще никогда не было. Вследствие этого при разрешении текущих конфликтных проблем недостаточно опираться только на опыт, необходимо знать закономерности развития конфликтов, понимать фундаментальные причины их возникновения и научиться строить модели, позволяющие имитировать динамику и синтезировать технологии рационального управления ими [5, с. 243].

Именно по этой причине отдельно взятый метод научного исследования, не подчиненный единой цели, задачам и принципам конституционно-конфликтной диагностики, не в состоянии дать представление о пространственных закономерностях развития исследуемого конфликта, его динамике и возможных способах разрешения.

Приведем пример такого процесса. Под «занавес» уходящего 2020 года Конституционный Суд Российской Федерации принял Постановление от 25.12.2020 № 49-П по делу о проверке конституционности подпункта 3 пункта 5 постановления губернатора Московской области «О введении в Московской области режима повышенной готовности для органов управления и сил Московской областной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и некоторых мерах

по предотвращению распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-2019) на территории Московской области» в связи с запросом Протвинского городского суда Московской области¹.

Это было первое дело об ограничениях конституционных прав граждан в связи с распространением новой коронавирусной инфекции, рассмотренное Конституционным Судом РФ. Данные ограничения конституционных прав носили массовый характер² и были введены в нарушение части 3 статьи 55 Конституции РФ не федеральным законом, а региональными нормативными правовыми актами.

Конституционные конфликты возникали между гражданами и органами публичной власти по поводу таких конституционных ценностей, как свобода передвижения, общественная безопасность и эпидемиологическое благополучие населения. Очевидно, что каждая из сторон данного конфликта защищала свою конституционную ценность.

При рассмотрении данного дела Конституционный Суд РФ принял во внимание мировой опыт ограничения свободы передвижения, отметив, что меры изоляции и самоизоляции граждан по месту их проживания (пребывания), получившие международное обозначение lockdown, не являются особенностью Российской Федерации. В апреле 2020 года они в той или иной степени применялись более чем в 90 странах мира и, таким образом, охватывали более половины населения планеты.

Также суд отметил, что в сложившейся экстраординарной ситуации губернатором Московской области как высшим должностным лицом государственной власти субъекта Российской Федерации (это относится к большинству регионов), по сути, было осуществлено оперативное (опережающее) правовое регулирование, впоследствии (спустя незначительный период) легитимированное правовыми актами федерального уровня, что само по себе, по смыслу правовой позиции, неоднократно высказанной Конституционным Судом Российской Федерации, не может расцениваться как противоречие положениям Конституции

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 25.12.2020 № 49-П по делу о проверке конституционности подпункта 3 пункта 5 постановления губернатора Московской области «О введении в Московской области режима повышенной готовности для органов управления и сил Московской областной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и некоторых мерах по предотвращению распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-2019) на территории Московской области». URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDDecision507676.pdf> (дата обращения: 09.02.2021).

² Суд отклонил иск к мэру Москвы об оспаривании штрафов за нарушение самоизоляции. URL: <https://www.interfax.ru/moscow/711617> (дата обращения: 18.02.2021); Москвичи обжаловали в судах штрафы за нарушение карантина более чем на 270 млн рублей. URL: <https://www.forbes.ru/obshchestvo/412083-moskvichi-obzhalovali-v-sudah-shtrafy-za-narushenie-karantina-boleechem-na-270> (дата обращения: 18.02.2021).

Российской Федерации. При этом динамика одно-временного автономного развития нормативного регулирования по данному вопросу на федеральном и региональном уровне отчетливо отражает экстраординарность ситуации, в которой каждый из уровней государственной власти в рамках конституционной обязанности по защите жизни и здоровья граждан предпринимал усилия по минимизации ущерба для этих ценностей регулятивными средствами, причем понимание необходимости этих средств было общим и для федерального, и для регионального уровня публичной власти. В этой связи то обстоятельство, что осуществленное в постановлении губернатора Московской области регулирование носило опережающий характер (особенно принимая во внимание масштаб угрозы распространения коронавирусной инфекции), не может служить основанием для вывода о признании его в конкретно-исторической ситуации противоправным и противоречащим положениям Конституции Российской Федерации даже в короткий период до принятия федеральных актов, придавших ему формально-юридическую легитимацию.

В данном случае Конституционный Суд РФ осуществил расширительное толкование части 3 статьи 55 Конституции РФ, основываясь в том числе, на конкретно-исторической ситуации и опыте зарубежных стран по борьбе с эпидемией. При этом суд проанализировал именно развитие событий и общую цель правового регулирования. Таким образом, Конституционный Суд РФ подошел к разрешению данного спора с диалектических позиций, несмотря на неоднократно ранее сформулированные им же правовые позиции о допустимости ограничения конституционных прав граждан только федеральным законодателем.

Данная ситуация продемонстрировала, что цель введения ограничения конституционных прав в конкретных исторических обстоятельствах может нивелировать ненадлежащую форму, в которой это ограничение было осуществлено. И государство, даже в лице его региональных органов публичной власти, в ситуации отсутствия адекватного правового регулирования не может уклониться от своей обязанности по предотвращению и сокращению случаев наступления смертей и тяжелых заболеваний. Подобное бездействие означало бы устранение государства от исполнения его важнейшей конституционной обязанности, состоящей в признании, соблюдении и защите прав и свобод человека и гражданина, и, по сути, приводило бы к ее игнорированию в силу сугубо формальной интерпретации конституционного принципа верховенства закона без учета того, что *интересы защиты жизни и здоровья граждан при определенных обстоятельствах могут преобладать над ценностью сохранения обычного правового режима* реализации иных прав и свобод, а право на свободу передвижения по своей природе не является абсолютным.

Такой подход, безусловно, является прогрессивным и задает новые стандарты правового регу-

лирования ограничения прав граждан, требующие учета социально-исторического контекста, единства целей правового регулирования, осуществляемого различными уровнями публичной власти, а также учета мировой практики введения ограничений и т. д. Очевидно, что такой диалектический подход, основанный на учете различных факторов борьбы с эпидемией, вносит новые штрихи к, казалось бы, такому знакомому «портрету» принципа верховенства закона и правового государства.

Далее, в конституционно-конфликтной диагностике применяется системный метод, с помощью которого конституционно-правовой конфликт рассматривается как сложно организованная система, входящая, в свою очередь, в системы более высокого уровня, например в категорию юридического конфликта.

Системный подход также позволяет увидеть конституционный конфликт за рядом типичных юридических споров. Ведь для защиты конституционных ценностей используются различные способы защиты права: восстановление положения, существовавшего до нарушения права; пресечение действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения; признание недействительным акта государственного органа или органа местного самоуправления; самозащита права; возмещение убытков; прекращение или изменение правоотношения; неприменение судом акта государственного органа или органа местного самоуправления, противоречащего закону; привлечение к юридической ответственности и т. д.

При изучении конституционно-правовых конфликтов автор столкнулся с тем, что поскольку объективное проявление такого конфликта носило зачастую характер спора о праве, то конституционная природа данного конфликта учеными и практиками не усматривалась, в связи с чем звучала критика того рода, что это всего лишь гражданско-правовой либо, скажем, административный спор и так далее.

Вместе с тем, на наш взгляд, очевидно, что, например, экономический спор между юридическими лицами о взыскании задолженности по договору поставки не тождественен экономическому спору, связанному со взысканием убытков, возникших по причине исполнения публичной обязанности муниципальным образованием за субъект Российской Федерации ввиду отсутствия законодательного разделения компетенции по спорному вопросу.

Иными словами, проблема заключена в том, что конституционно-правовой конфликт подобен айсбергу, и в первом приближении видна только его верхушка, которая, с учетом отраслевой направленности исследователя, может рассматриваться и как гражданско-правовой спор, и как административный, финансовый и иной юридический спор. И именно системный метод позволяет определить основу данного «айсберга» – имеются ли там противодействие и разногласия по поводу конституционной ценности, либо нет.

Ведь именно в таком виде дела о конкретном нормоконтроле доходят, например, до Конституционного Суда РФ, который за «деревьями» правоприменительной практики по конкретным гражданским, административным и иным делам видит «лес», представляющий собой конституционный спор о конкретных конституционных правах и обязанностях.

Системность подхода к изучаемым правоотношениям позволяет выявить те из них, в которых присутствует именно конституционная конфликтологическая парадигма, и оставить «за скобками» исследования обычные гражданско-правовые, административные споры о праве.

Далее, с помощью структурно-функционального метода конституционно-правовые конфликты рассматриваются на предмет их внутреннего строения и внешнего проявления. Выявляется состав участников конфликта, их правовой статус. Определяются объект и предмет конституционно-правового конфликта.

В конституционно-конфликтной диагностике задействована также группа частно-научных методов познания в составе:

1) исторического метода, позволяющего изучить конкретные социально-исторические условия, в которых разворачивается конституционно-правовой конфликт: место, время, обстановка в обществе. Например, конституционный спор о способе наделения полномочиями высшего должностного лица субъекта Российской Федерации был разрешен Конституционным Судом РФ с учетом изменения исторической обстановки. Конкретная социально-историческая обстановка была учтена и при принятии вышеописанного постановления по делу об ограничениях конституционных прав граждан в связи с распространением новой коронавирусной инфекции. Исторический метод дает понимание конфликтной ситуации, сложившейся в связи с избранием оппозиционных губернаторов и их последующим отрешением от должности и т. д.;

2) методов формальной логики: анализа, сравнения отдельных элементов, видов конституционно-правового конфликта, способов его разрешения;

3) статистического метода, позволяющего учитывать статистические данные при исследовании тех или иных конституционно-правовых конфликтов и причин, их породивших, а также просчитывать последствия таких конфликтов. Например, статистические данные о результатах голосования на выборах дают представление о масштабах нарушения пассивного избирательного права граждан в случае противоправного прекращения полномочий избранных ими должностных лиц.

В конституционно-конфликтной диагностике непосредственно задействованы юридические методы научного познания:

а) формально-юридический метод, предполагающий изучение норм конституционного права конфликтологического типа;

б) сравнительно-правовой метод, заключающийся в сравнении, например, опыта зарубежных стран по разрешению конституционно-правовых конфликтов;

в) метод прогнозирования юридических последствий развития конституционно-правового конфликта.

Как любое научное исследование, конституционно-конфликтная диагностика должна базироваться на основополагающих началах руководящего характера, позволяющих получить достоверное знание, – соответствующих принципам.

А. В. Садкова отмечает, что к основным принципам, обуславливающим результативность исследования конфликтов, относятся следующие:

– принцип развития, который позволяет при изучении конфликтов выявлять тенденции их эволюции;

– принцип всеобщей связи, который ориентирует на исследование максимального количества существенных связей конфликта с другими явлениями и между его подструктурами;

– принцип диалектического единства теории, эксперимента и практики, который ориентирует на раскрытие диалектики движения знания к истине и определяющей роли практики в процессе познания;

– принцип конкретно-исторического подхода указывает на необходимость учета в процессе изучения конфликтов всех конкретных условий их развития;

– принцип объективности требует минимизировать влияние личных и групповых интересов, установок, других субъективных факторов на процесс и результаты исследования конфликтов [6, с. 202].

Приведенные принципы являются общенаучными и наиболее часто выделяются конфликтологами в качестве основных принципов исследования конфликтов [7, с. 143–144; 8, с. 44].

Полагаем, что принципы, на которых основана конституционно-конфликтная диагностика, во многом обусловлены применяемыми в ходе диагностики методами, а природа таких принципов зависит от исследуемого явления.

В нашем случае объектом исследования выступают правовые явления – конституционно-правовые конфликты, в связи с чем правовая составляющая должна быть отражена и в принципах, которыми будет руководствоваться исследователь.

Итак, с учетом вышеописанных методов научного поиска, применяемых в конституционно-конфликтной диагностике, можно выделить следующие принципы изучения конституционно-правовых конфликтов в ходе их диагностики.

Принцип учета конкретно-исторической обстановки, в которой конфликт возник. Поскольку конституционно-правовой конфликт выражается в общественных отношениях, которые складываются в объективной реальности, он всегда развивается в определенных «декорациях» места, времени, при определенной политической расста-

новке сил и т. д. Зачастую, именно исторический контекст дает представление о причинах, породивших конституционно-правовой конфликт. Именно поэтому данный принцип призван «приземлить» теоретические суждения о конституционно-правовых конфликтах, связав их, таким образом, с непосредственной правоприменительной практикой, сделать их предметными.

Принцип диалектического единства в изучении конституционно-правового конфликта предполагает не только изучение всех сущностных связей и признаков конфликта, но также единство применяемого для исследования научного юридического знания и правоприменительной практики. Также данный принцип означает единство формы и содержания конституционно-правового конфликта. Ранее мы уже упоминали, что конституционно-правовые конфликты в силу множества правовых средств, применяемых для защиты права, могут принимать форму гражданско-правовых, административных и конституционных споров, что, однако, не отменяет содержания таких правоотношений, как противодействие по поводу конституционной ценности. В связи с этим форма, в которой нашел свое выражение конституционно-правовой конфликт, не может отменять сущности такого противодействия сторон конфликта.

Принцип системности изучения конституционно-правовых конфликтов, который ориентирует на изучение всех элементов и характеристик конфликта в их взаимосвязи, а также в контексте систем более высокого порядка.

Принцип верховенства права в исследовании конституционно-правовых конфликтов означает, что в обязательном порядке должны быть изучены нормы права, регулирующие тот или иной конституционно-правовой конфликт, содержащие его конфликтоген. Способ разрешения конфликта или его предупреждения также должен быть установлен правовыми средствами и выражен в конкретных правовых нормах.

В связи с тем что объект исследования представляет собой противодействие сторон, наделенных конституционной правосубъектностью, по поводу конституционной ценности, а не рядовой межличностный конфликт двух людей по поводу необходимости мытья посуды после обеда, его элементы существуют в правовом поле, в связи с чем и изучены они должны быть с полным пониманием исследователем системы права, основ конституционного строя и т. д.

В качестве научной гипотезы также хотелось бы предложить ряд презумпций, допустимых при конституционно-конфликтной диагностике.

Презумпция неизбежности конституционно-правовых конфликтов. Данная презумпция основана на следующих постулатах конфликтологии:

– конфликт закономерен, объективен и выступает неотъемлемым свойством социального бытия, закономерностью социального развития, его источником и атрибутом;

– изменяя и преобразуя социальные структуры, социальный конфликт в то же время выступает

стабилизационным фактором функционирования социальной системы. Конфликт функционален, содержит конструктивную и деструктивную составляющую;

– социальный конфликт есть комплексное социальное явление и процесс, имеющий структурные, пространственно-временные и динамические характеристики [9, с. 44; 10, с. 46];

– органическая связь юридического конфликта с правом. Юридический конфликт возникает по поводу правовых явлений, реализуется под воздействием и с применением правовых норм, разрешается на основе нормативно-правового регулирования [11].

Очевидно, что, коль скоро конфликт выступает неотъемлемым атрибутом социального бытия, соответственно, его существование объективно закономерно и в конституционных отношениях. Ведь любое конфликтное общественное отношение можно считать конфликтным юридическим отношением в той его части, в какой оно охватывает общественное отношение, имеющее правовую форму либо способное таковую иметь [12, с. 22]. Таким образом, так или иначе любой социальный конфликт может приобретать юридическую форму на определенных стадиях своего развития.

Юридический конфликт зачастую может отражать деформации правовой действительности, указывать на дефекты правовой системы, несовершенство законодательства и судебной практики, выявлять дисбаланс в организации и функционировании государственно-правовых институтов [12, с. 38]. Закономерен и обратный процесс, когда несовершенство законодательства и правоприменительной практики являются причинами возникновения конституционных конфликтов.

Р. Дарендорф предложил такую модель конфликта, согласно которой власть и авторитет, представляющие весьма дефицитные ресурсы, являются главными источниками конфликтных интересов и перемен в обществе [13, с. 12–26]. Современная практика государственного и муниципального строительства, в том числе отечественная, в полной мере доказала справедливость данной гипотезы. С учетом этого необходимо сделать вывод, что чем выше «градус» властных отношений, тем выше их конфликтность. Данное обстоятельство, помимо прочего, свидетельствует о правильно выбранном фокусе настоящего исследования, поскольку сложно представить более властные отношения, чем конституционно-правовые, где зачастую оба субъекта правоотношения обладают властными полномочиями. Конкуренцию в этом плане конституционному праву может составить только право административное, где, собственно, впервые из юридических наук и исследовались проблемы юридического конфликта.

Поскольку в конституционных правоотношениях власть не иссякает, являясь базовой категорией, следовательно, конституционно-правовые конфликты неизбежны.

Презумпция разрешимости конституционно-правовых конфликтов. Неразрешенные конституционно-правовые конфликты дестабилизируют общество, подрывают доверие граждан к представителям власти и их действиям, представляют собой угрозу социальной справедливости и солидарности общества.

Следовательно, противодействия сторон такого конфликта должны быть разрешены, будь то в силу применения мер конституционно-правового принуждения, согласительных процедур или иным способом, предусмотренным нормами конституционного права. Если конституционное право, принципы аналогии права, толкование права не позволяют выявить способ разрешения конституционно-правового конфликта, исследователь должен предложить механизмы разрешения такого конфликта.

Презумпция превенции конституционно-правовых конфликтов означает, что любой конституционно-правовой конфликт должен быть предупрежден, если таковые юридические средства имеются, нежели впоследствии разрешен. Данная презумпция основана на негативных последствиях, которые могут наступить при развитии конституционно-правового конфликта для важнейших для стабильности правовой системы государственных общественных отношений. Если существует способ такой конфликт предупредить, он должен быть использован уполномоченным субъектом вне зависимости от его усмотрения.

В заключение отметим, что последовательное применение конституционно-конфликтной диагностики позволит в новом, конфликтологическом ключе взглянуть и на природу норм конституционного права, моделировать их возможное «конфликтное» правоприменение с тем, чтобы предупреждать конфликтные взаимодействия либо

устранить их причины на стадии правотворчества.

С учетом вышеизложенного приведем ряд положений из не утратившего актуальности доклада Макса Вебера, прочитанного им зимой 1918 года в Мюнхенском университете и посвященного науке как призванию и профессии. Ученый отмечал важное значение методологии научного исследования, ее последовательность и указывал, что «идея дилетанта с научной точки зрения может иметь точно такое же или даже большее значение, чем открытие специалиста; но дилетант отличается от специалиста только тем, что ему не хватает надежности рабочего метода, и поэтому он большей частью не в состоянии проверить значение внезапно возникшей догадки, оценить ее и провести в жизнь». Также Макс Вебер призывал ученых обратиться к своей работе и соответствовать «требованию дня» – как человечески, так и профессионально [14].

Полагаем, что в условиях стремительно осуществленной конституционной реформы в 2020 году отечественным ученым в области конституционного права как никогда требуется соответствовать вызовам времени, «вооружившись» при этом таким рабочим методом, который позволял бы им увидеть причину и следствие для того, чтобы предотвратить угрозу возникновения конституционно-правовых конфликтов, которые неизбежно возникнут хотя бы по причине внутренней несогласованности конституционного текста.

Верность и надежность рабочего метода для исследователя – вот тот ключ, который, по мнению выдающегося социолога, открывает двери новых знаний. В связи с этим автор надеется, что конституционно-конфликтная диагностика пополнит методологический арсенал современного ученого-конституционалиста и будет способствовать появлению новых научных идей.

Библиографический список

1. Третьяк И. А. Конституционная конфликтология. Москва: Проспект, 2021. 208 с.
2. Захарцев С. И. Философия права и диалектика // Мир политики и социологии. 2012. № 11. С. 180–189. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23173433>.
3. Нерсесянц В. С. Философия права. Москва, 2011. 835 с. URL: https://royallib.com/read/nersesyants_vladik/filosofiya_prava_uchebnik_dlya_vuzov.html.
4. Общая теория права / под ред. В. К. Бабаева. Нижний Новгород, 1993. 544 с. URL: <http://kursach.com/biblio/0010004/000.htm>.
5. Новосельцев В. И., Полевой Ю. Л. Теория конфликта: заблуждения и перспективы // Известия Тульского государственного университета. Технические науки. 2013. № 2. С. 240–247. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-konflikta-zabluzhdeniya-i-perspektivy>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19095028>.
6. Садкова А. В. Социальный конфликт: методологические подходы, принципы анализа // Акмеология. 2014. № 4 (52). С. 200–205. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22498973>.
7. Конфликтология / А. Я. Анцупов, А. И. Шипилов. Москва: ЭКСМО, 2009. 512 с. URL: <https://sdo.mgaps.ru/books/KP1/M11/file/1.pdf>.
8. Лавренко М. Ф. Принципы и основные подходы к изучению конфликта как системного социально-психологического явления // Конфликты в образовании и социальной сфере: теоретические и прикладные аспекты: материалы 1-й Международной науч.-практ. конф. / отв. ред.: Д. А. Яковец, Н. Г. Брюхова. Астрахань, 2018. С. 41–45. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36968610>.
9. Прощанов С. Л. Становление социологии конфликта в России (теоретико-методологическое и институционально-организационные основы): дис. ... д-ра. соц. наук: 22.00.01. Москва, 2007. 367 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/stanovlenie-sotsiologii-konflikta-v-rossii-teoretiko-metodologicheskie-i-institutsionalno-or>.

10. Рогова А. В. Региональная конфликтология: исследовательская парадигма: социолого-управленческий аспект: дис. ... канд. соц. наук: 22.00.08. Москва, 2008. 204 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/regionalnaya-konfliktologiya-issledovatel'skaya-paradigma-sotsiologo-upravlencheskii-aspekt>.
11. Основы юридической конфликтологии и медиации / О. В. Лукьяновская, Р. Г. Мельниченко. Волгоград: ФГОУ ВПО «Волгоградская академия государственной службы», 2011. 96 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20244909>.
12. Худойкина Т. В. Юридический конфликт: теоретико-прикладное исследование: дис. ... д-ра юрид. наук. Нижний Новгород, 2002. 488 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=16031883>; <https://www.dissercat.com/content/yuridicheskii-konflikt-teoretiko-prikladnoe-issledovanie>.
13. Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. Москва: РОССПЭН, 2002. 284 с. URL: https://vk.com/doc4648149_527391223?hash=38bd66329b9a26d4bf&dl=ec8d0d94f83b615b7e.
14. Вебер М. Избранные произведения. Москва: Прогресс, 1990. С. 707–735. URL: https://royallib.com/book/veber_maks/izbrannye_proizvedeniya.html.

References

1. Tretyak I. A. *Konstitutsionnaya konfliktologiya* [Constitutional conflictology]. Moscow: Prospekt, 2021, 208 p. [in Russian].
2. Zakhartzev S. I. *Filosofiya prava i dialektika* [Philosophy of law and dialectics]. *Mir politiki i sotsiologii* [The world of politics and sociology], 2012, no. 11, pp. 180–189. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23173433> [in Russian].
3. Nersesyants V. S. *Filosofiya prava* [Philosophy of law]. Moscow, 2011, 835 p. Available at: https://royallib.com/read/nersesyants_vladik/filosofiya_prava_uchebnik_dlya_vuzov.html [in Russian].
4. *Obshchaya teoriya prava. Pod redaktsiei V. K. Babaeva* [Babaev V. K. (Ed.) General theory of law]. Nizhny Novgorod, 1993, 544 p. Available at: <http://kursach.com/biblio/0010004/000.htm> [in Russian].
5. Novoseltsev V. I., Polevoy Y. L. *Teoriya konflikta: zabluzhdeniya i perspektivy* [Theory of conflict: delusions and perspectives]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Tekhnicheskie nauki* [News of the Tula state university. Technical sciences], 2013, no. 2, pp. 240–247. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-konflikta-zabluzhdeniya-i-perspektivy>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19095028> [in Russian].
6. Sadkova A. V. *Sotsial'nyi konflikt: metodologicheskie podkhody, printsipy analiza* [Social conflict: methodological approaches and principles of analysis]. *Akmeologiya*, 2014, no. 4 (52), pp. 200–205. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22498973> [in Russian].
7. Antsupov A. J., Shipilov A. I. *Konfliktologiya* [Conflictology]. Moscow: EKSMO, 2009, 512 p. Available at: <https://sdo.mgaps.ru/books/KP1/M11/file/1.pdf> [in Russian].
8. Lavrenyuk M. F. *Printsipy i osnovnye podkhody k izucheniyu konflikta kak sistemnogo sotsial'no-psikhologicheskogo yavleniya* [Principles and basic approaches to the study of conflict as a systemic socio-psychological phenomenon]. In: *Konflikty v obrazovanii i sotsial'noi sfere: teoreticheskie i prikladnye aspekty: materialy 1-i Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Otvetstvennye redaktory: D. A. Yakovets, N. G. Bryukhova* [Yakovets D. A., Bryukhova N. G. (Eds.) Conflicts in education and the social sphere: theoretical and applied aspects: materials of the 1st International research and practical conference]. Astrakhan, 2018, pp. 41–45. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36968610> [in Russian].
9. Proschanov S.L. *Stanovlenie sotsiologii konflikta v Rossii (teoretiko-metodologicheskoe i institutsional'no-organizatsionnye osnovy): dis. ... d-ra. sots. nauk: 22.00.01* [Formation of the sociology of conflict in Russia (theoretical-methodological and institutional-organizational foundations): Doctoral of Sociological Sciences thesis: 22.00.01]. Moscow, 2007, 367 p. Available at: <https://www.dissercat.com/content/stanovlenie-sotsiologii-konflikta-v-rossii-teoretiko-metodologicheskie-i-institutsionalno-or> [in Russian].
10. Rogova A. V. *Regional'naya konfliktologiya: issledovatel'skaya paradigma: sotsiologo-upravlencheskii aspekt: dis. ... kand. sots. nauk: 22.00.08* [Regional conflictology: research paradigm: social and managerial aspect: Candidate's of Sociological Sciences thesis: 22.00.08]. Moscow, 2008, 204 p. Available at: <https://www.dissercat.com/content/regionalnaya-konfliktologiya-issledovatel'skaya-paradigma-sotsiologo-upravlencheskii-aspekt> [in Russian].
11. Lukyanovskaya O. V., Melnichenko R. G. *Osnovy yuridicheskoi konfliktologii i mediatsii* [Fundamentals of legal conflictology and mediation: textbook]. Volgograd: FGOU VPO «Volgogradskaya akademiya gosudarstvennoi sluzhby», 2011, 96 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20244909> [in Russian].
12. Khudoykina T. V. *Yuridicheskii konflikt: teoretiko-prikladnoe issledovanie: dis. ... d-ra yurid. nauk* [Legal conflict: theoretical and applied research: Doctoral of Law thesis]. Nizhny Novgorod, 2002, 488 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=16031883>; <https://www.dissercat.com/content/yuridicheskii-konflikt-teoretiko-prikladnoe-issledovanie> [in Russian].
13. Darendorf R. *Sovremennyi sotsial'nyi konflikt* [Modern social conflict]. Moscow: ROSSPEN, 2002, 284 p. Available at: https://vk.com/doc4648149_527391223?hash=38bd66329b9a26d4bf&dl=ec8d0d94f83b615b7e [in Russian].
14. Weber M. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. Moscow: Progress, 1990, pp. 707–735. Available at: https://royallib.com/book/veber_maks/izbrannye_proizvedeniya.html [in Russian].

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО CIVIL LAW

DOI: 10.18287/2542-047X-2021-7-2-42-47

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 347.15/18

Дата поступления: 02.03.2021
рецензирования: 12.04.2021
принятия: 25.05.2021

Публичные интересы как основание для получения и использования генетических данных человека без его согласия

Ю. С. Поваров

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: povus@mail.ru

Аннотация: В статье системно исследуется проблематика сбора, хранения, распространения и использования информации о частной жизни (включая генетические данные) без согласия субъекта данных под предлогом наличия публичных интересов. Соответствующее законоположение (абз. 2 п. 1 ст. 152.2 ГК РФ) подвергается тщательному критическому анализу в ракурсе: а) выявления его соотношения с нормой абз. 1 п. 1 ст. 152.2 ГК РФ, предусматривающей генеральный запрет на несогласованные операции с указанной информацией; б) широты и неопределенности содержания (в том числе по мотиву отсутствия какой-либо дифференциации регламентации, исходя из вида совершаемых по поводу информации действий, а также оценочности понятия «публичный интерес»). Отталкиваясь от тезиса о нецелесообразности безусловного отказа от использования категории «публичный интерес», автор подчеркивает актуальность формулирования и законодательной фиксации «алгоритмов» признания факта наличия публичного интереса (с учетом положений ч. 3 ст. 55 Конституции РФ), а равно установления ограничений субъектного, целевого, организационного и иного характера для случаев сбора, хранения, распространения и использования информации о частной жизни в публичных интересах. Особое внимание уделяется вопросу о добровольности участия лиц в запланированной всеобщей генетической паспортизации населения России (при этом подчеркивается, что игнорирование принципа согласия не может быть объяснено только ссылкой на присутствие публичного интереса).

Ключевые слова: неприкосновенность частной жизни; конфиденциальность информации; генетическая (геномная) информация; публичные интересы; согласие на получение и использование информации.

Благодарности. Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-14073.

Цитирование. Поваров Ю. С. Публичные интересы как основание для получения и использования генетических данных человека без его согласия // Юридический вестник Самарского университета. 2021. Т. 7, № 2. С. 42–47. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2021-7-2-42-47>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Поваров Ю. С., 2021

Юрий Сергеевич Поваров – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского и предпринимательского права, юридический институт, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

Тема кандидатской диссертации: «Предприятие как объект гражданских прав». Автор более 300 научных работ, в т. ч. монографий «Особенности правового положения гражданина-банкрота: цивилистический и нотариальный аспекты» (2020), «Согласие третьего лица на совершение сделки» (2018), «Решение общего собрания участников общества с ограниченной ответственностью: порядок принятия и нотариального удостоверения» (2017).

Область научных интересов: юридико-фактическая основа гражданских правоотношений, акты децентрализованного регулирования частных отношений, проблемы корпоративного и жилищного права.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 02.03.2021
Revised: 12.04.2021
Accepted: 25.05.2021

Public interests as a basis for the genetic information obtaining and using without consent of the person

Iu. S. Povarov

Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: povus@mail.ru

Abstract: The article systematically examines the collection, storage, dissemination and use of information about private life (including genetic data) without the consent of the data subject under the pretext of having public interests. The relevant legal provision (Article 152.2 of the Civil Code of the Russian Federation) is subjected to a thorough critical analysis from the perspective of: a) identifying its relationship with the norm of the Civil Code of the Russian Federation, which provides for a general ban on uncoordinated transactions with the specified information; b) the breadth and uncertainty of the content (including due to the absence of any differentiation of regulation based on the type of actions performed on the information, as well as the evaluative nature of the concept of «public interest»). Based on the thesis about the inexpediency of unconditional refusal to use the category of «public interest», the author emphasizes the relevance of the formulation and legislative fixation of «algorithms» for recognizing the fact of the presence of public interest (taking into account the provisions of Article 55 of the Constitution of the Russian Federation), as well as the establishment of restrictions of a subject, target, organizational and other nature for the collection, storage, dissemination and use of information about private life in the public interest. Particular attention is paid to the issue of the voluntary participation of individuals in the planned general genetic passporting of the population of Russia (it is emphasized that ignoring the principle of consent cannot be explained only by referring to the presence of public interest).

Key words: privacy; confidentiality of information; genetic (genomic) information; public interests; consent to receive and use information.

Acknowledgments. The article was prepared with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of research project № 18-29-14073.

Citation. Povarov Iu. S. *Publichnyye interesy kak osnovaniye dlya polucheniya i ispol'zovaniya geneticheskikh dannykh cheloveka bez ego soglasiya* [Public interests as a basis for the genetic information obtaining and using without consent of the person]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2021, vol. 7, no. 2, pp. 42–47. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2021-7-2-42-47> [in Russian].

Information about the conflict of interests: author declares no conflict of interests.

© Povarov Iu. S., 2021

Iurii S. Povarov – Candidate of Legal Sciences, associate professor, associate professor of the Department of Civil and Business Law, Law Institute, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Subject of Candidate's thesis: «Enterprise as an object of civil rights». Author of over 300 scientific papers, including monographs «Peculiarities of the legal status of a bankrupt citizen: civil and notarial aspects» (2020), «Consent of a third party to the transaction» (2018), «Decision of the general meeting of participants of a limited liability company: the procedure for acceptance and notarization» (2017).

Research interests: legal-factual basis of civil legal relations, acts of decentralized regulation of private relations, problems of corporate and housing law.

Важными и тесно взаимосвязанными (а в отдельных компонентах – пересекающимися, несмотря на законодательную «акцентуацию»¹) нематериальными благами, охраняемыми с помощью в том числе цивилистического правового инструментария, выступают неприкосновенность частной жизни физического лица, его личная и семейная тайна (см. ст. 150, 152.2 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ)). Воспринимаемый сегодня почти как априорный (а на самом деле – «выстраданный» в ходе длительной борьбы за права и свободы человека) постулат о необходимости всемерной и эффективной юридической защиты означенных ценностей органично сопрягается с трактовкой частной жизни в качестве области жизнедеятельности человека, которая относится к отдельному лицу и, при условии ее непротивоправного характера, не подлежит контролю со стороны общества и государства (определение Конституционного Суда РФ от 6 июня 2005 г. № 248-О²).

Корневое положение, резонно образующее нормативный каркас института охраны частной жизни гражданина в его гражданско-правовом «воплощении» (который, в свою очередь, фундируется на предписаниях ст. 23, 24 Конституции РФ, призван-

ных гарантировать естественный интерес частного лица в обеспечении приватности (см. определение Конституционного Суда РФ от 12 февраля 2019 г. № 274-О), «суверенитета» и автономии личности), сводится к **генеральному запрету сбора, хранения, распространения и использования любой информации о частной жизни индивида без «санкции» последнего** (абз. 1 п. 1 ст. 152.2 ГК РФ); тем самым, «право гражданина на неприкосновенность частной жизни, – по точному заявлению В. Д. Рузановой, – неразрывно связано с *режимом сведений* [здесь и далее курсив в цитатах наш. – Ю. П.] о его частной жизни» [1, с. 18], в рамках которого сугубо субъект данных, руководствуясь собственными соображениями (действуя своей волей и в своем интересе), должен определять, когда, как и в какой степени информация о нем станет доступной третьим лицам [2, с. 7]. В целом гармонична и понятна лаконичность (содержательная емкость) приведенной законодательной формулы, ибо отношения, возникающие в сфере частной жизни, как верно заключается в Постановлении Конституционного Суда РФ от 13 января 2020 г. № 1-П, не могут быть подвергнуты *интенсивному* правовому регулированию и необоснованному вмешательству любых субъектов.

Научный прорыв в области генетики (по факту – «генетическая революция») порождает новые и весьма серьезные вызовы и угрозы для действенной охраны частной жизни граждан.

¹ Примечательно, что в п. 1 ст. 152.2 ГК РФ к информации о частной жизни причисляются, в том числе, сведения о личной и семейной жизни.

² Здесь и далее ссылки на акты органов судебной власти приводятся из Справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

Сказанное обуславливается тем, что генетическая (геномная) информация, будучи «определяющим фактором морфологического строения, роста, развития, обмена веществ, психического склада, предрасположенности к заболеваниям и генетическим порокам организма» [3, с. 640] и касаясь «самого глубокого и потаенного биологического “измерения” личности – ее генетического наследия» [4, с. 147], приобретает огромное идентификационное и прогностическое значение, причем в разных секторах (поскольку она может использоваться и в медицинских, и в неклинических целях); неконтролируемое же владение посторонними лицами сведениями о генетической конституции определенного субъекта способно почти «обнулить» его право на приватность (сверх того особый статус генетических сведений, как справедливо констатируется в Международной декларации о генетических данных человека, принятой Генеральной конференцией ЮНЕСКО 16 октября 2003 г.³ (далее – Декларация 2003 г.), детерминируется и тем, что они могут оказывать сильное воздействие на протяжении нескольких поколений на семью, включая потомков, а порою – и на целую группу, в которой принадлежит соответствующее лицо). Поэтому взвешенность (по существу) утверждений о принадлежности геномной информации – в срезе гражданско-правовой регламентации – к нематериальным благам [4, с. 145; 5, с. 27] и об уместности экстраполяции на нее, учитывая социальную, индивидуальную и коммерческую ценность, в том числе режима тайны частной жизни [3, с. 644], практически бесспорна. В Декларации 2003 г., кстати, также рельефно постулируется, что сбор, обработка, использование и хранение генетических данных (причем и публичными, и частными структурами) заведомо предполагают дачу предварительного, свободного, осознанного и ясно выраженного согласия (см. ст. 2, 9, 14, 21 и др.).

Обсуждаемое универсальное предписание ГК РФ не является, в версии отечественного законодателя, абсолютно непреложным – *изъятия* из него (т. е. случаи правомерного отхода от режима согласования), согласно абз. 1 п. 1 ст. 152.2 ГК РФ, *могут быть предусмотрены законом*, при этом:

а) речь идет не о любых нормативных правовых актах, а исключительно о *федеральных законах* (это корреспондирует, среди прочего, «циркуляру» о легитимности ограничения гражданских прав только на основании федерального закона (см. п. 2 ст. 1 ГК РФ));

б) отступление от «стандарта» должно подкрепляться *прямой* законодательной оговоркой (употребление в п. 1 ст. 152.2 ГК РФ слова «прямо», конечно, усиливает категоричность требований к охране частной жизни, тем более что подобное словоупотребление в ГК РФ не является сверхчастотным).

Таким образом, принципиальная допустимость установления нормотворцем случаев сбора и «оборота» сведений о частной жизни вне зависимости

³URL: <http://www.un.org/ru/documents/decl-conv> (дата обращения: 22.01.2021).

от желания их носителя несколько «уравновешивается» введением требований к уровню и степени конкретности нормирования изъятий (они должны быть предельно высокими).

Специальные вариации «нейтрализации» действия анализируемой рестриктивной нормы закреплены непосредственно в ГК РФ. В частности, в силу абз. 2 п. 1 ст. 152.2 гражданско-правового кодификационного акта **не считаются нарушением запрета получение и «оборот» информации о частной жизни гражданина в государственных, общественных или других публичных интересах.**

Отметим, что нормативное обособление случаев несогласованного получения данных о частной жизни служит для ряда ученых поводом для вывода о видовом разнообразии такой *информации* по волевому критерию: к примеру, Э. П. Гаврилов, комментируя положения абз. 2 п. 1 ст. 152.2 ГК РФ, относит информацию, которая может быть использована в публичных интересах, к одной из трех особых категорий, выделяемых «из объема ... информации» о частной жизни [6, с. 19]; применительно к геномной сфере сходным образом рассуждает М. Н. Малеина, разграничивая, исходя из отношения человека к сбору геномной информации, сведения, полученные независимо от его желания, и информацию, представленную добровольно [7, с. 53]. Соглашаясь с теоретической и практической оправданностью размежевания связей по волевому признаку, подчеркнем, что объектом градации здесь все-таки выступает не информация *per se* (хотя объем ее правомерного получения, разумеется, может и должен рубрицироваться с учетом указанного фактора), а собственно *сбор, хранение и т. д.* информации.

Исследуемое законоположение, явно нацеленное на обеспечение относительного баланса частных и публичных интересов в информационной среде (что само по себе заслуживает, как представляется, позитивной оценки), может быть подвергнуто критике⁴, поскольку, в частности:

1) не до конца ясным оказывается момент его смысловой *интерпретации в ракурсе «взаимодействия» с нормой абз. 1 п. 1 ст. 152.2 ГК РФ* (являет ли собой разбираемое «ослабление» прямо предусмотренное законом *изъятие* из действующего по умолчанию разрешительного порядка либо речь идет об особом, *кумулятивно применяемом правиле?*); в этом контексте редакционно более «внятным» и удобным для правоприменителя является подход, избранный законодателем в п. 1 ст. 152.1 ГК РФ (где сначала заявляется о необходимости получения согласия на обнародование и дальнейшее использование изображения гражданина, а затем называются случаи, когда «такое согласие не требуется»).

Тем не менее идея законодателя достаточно «осязема» – в абз. 1 п. 1 ст. 152.2 ГК РФ подра-

⁴ Приводимые ниже критические замечания в целом приложимы и к иным названным в абз. 2 п. 1 ст. 152.2 ГК РФ ситуациям обращения с информацией независимо от (не)дачи согласия ее носителем (общедоступность информации и пр.).

зумеваются допущение сбора, хранения, распространения и использования информации о частной жизни лица *без его ведома*; именно такое толкование небесспорно является «шаблонным» в доктрине (так, по мнению Э. П. Гаврилова, исходя из публичных интересов, «использование... информации изымается из сферы... частного... права, оно регулируется нормами публичного права, которое уже *не зависит от согласия... гражданина*» [6, с. 19]);

2) нормативное предписание является слишком широким и неопределенным («аморфным») и дает судам и правоохранительным органам чрезмерную дискрецию, учитывая:

а) **отсутствие** какой-либо **дифференциации регулирования** с точки зрения вида (характера) совершаемых по поводу информации действий (сбор, распространение и пр.), хотя во многих ситуациях, уверенны, оправданными могут быть только некоторые не прошедшие согласование с носителем информации операции;

б) **абстрактность моделирования** ситуаций (незвизая на то, что в абз. 1 п. 1 ст. 152.2 ГК РФ, как уже говорилось, упоминается об обязательности *прямого* законодательного указания!) – их квалификация в качестве правомерного поведения должна производиться посредством **выявления публичного интереса**, в то время как понятие последнего во многом носит *оценочный характер*.

Вообще термину «публичные интересы», активно используемому в гражданском и ином законодательстве, в настоящее время обычно придается статус *родового понятия*, причем:

во-первых, в круг «обнимаемых» им интересов попадают (и разводятся) такие разновидности, как государственные и общественные интересы; в итоге оформляется своеобразная «триада» публичных интересов – государственных, общественных и всех иных. Данный прием их систематизации является «эталонным» (см., например, п. 1 ст. 152.1, п. 1 ст. 1362 ГК РФ); правда, нередко законодатель попросту не прибегает к какой-либо градации публичных интересов (см., в частности, п. 4 ст. 166, п. 2 ст. 168 ГК РФ);

во-вторых, перечень возможных публичных интересов формулируется неисчерпывающим образом (что, пожалуй, неизбежно).

Главный же «камень преткновения» – надлежащее определение и детализация параметров, позволяющих отграничить публичные интересы от интересов иной природы. Значимые (пусть и опять же довольно абстрактные) правовые позиции на сей счет сформулированы в судебной практике для, в частности, отношений по поводу обнародования и использования изображения гражданина: суды здраво придерживаются линии, в соответствии с которой публичный интерес присутствует, к примеру, тогда, когда гражданин является публичной фигурой и (одновременно!) обнародование и использование его изображения осуществляется в сопряжении с политической или общественной дискуссией либо интерес к данному лицу является общественно значимым (и, напротив, режим согласования сохраняет потенцию, если единственной

целью выступает удовлетворение бытового интереса к частной жизни или извлечение прибыли; применительно к средствам массовой информации особо подчеркивается, что как общественный⁵ стоит трактовать не любой интерес, проявляемый аудиторией, а, скажем, потребность общества в обнаружении и раскрытии угрозы демократическому правовому государству и гражданскому обществу, общественной безопасности, окружающей среде (см. пп. 25, 44 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»). Между тем, как нетрудно увидеть, приведенные разъяснения являются фрагментарными и, в частности, мало приложимыми к ситуациям использования геномной информации;

в) «**молчание**» ГК РФ **касаемо принятия в расчет каких-либо дополнительных факторов** для целей указанной квалификации (притом что ст. 24 Конституция РФ вовсе не предусматривает возможности введения законом случаев неполучения согласия на сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица; символично, что в литературе аргументируется мнение, в соответствии с которым обсуждаемая «норма... фактически противоречит... основополагающим конституционным принципам и общепринятым нормам международного права...» [8]).

В русле изложенного ученые и практики небеспричинно высказывают соображения в пользу целесообразности корректировки законоположений и (или) совершенствования судебной практики (ведь неочевидность контента и соотношения ключевых юридических понятий, как небезосновательно пишет Ю. С. Забудько, «создают... предпосылки и условия для вмешательства в частную жизнь граждан и нарушения права на ее неприкосновенность, как со стороны государства... так и многочисленных общественных объединений» [8]). Мера «радикальности» **рекомендуемых новаций** различна – озвучиваются, помимо прочего, предложения:

а) об **исключении** (вообще!) из п. 1 ст. 152.2 ГК РФ оговорки о публичных интересах (в Государственную думу, кстати, внесен соответствующий законопроект [9]);

б) о необходимости установления замкнутого и конкретного набора случаев, при которых допускается нивелирование действия согласительной процедуры [8];

в) о потребности в разработке «...отсутствующих в российской доктрине и судебной практике четких критериев публичности лиц и дифференцированного подхода к рассмотрению споров, а *не в исключении публичного интереса* из ст. ... 152.2 ГК РФ» [9].

⁵ Закон РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации» (Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 7. Ст. 300 (с послед. изм и доп.)), в отличие от ГК РФ, не оперирует термином «публичный интерес», оговаривая возможность не санкционированного гражданином распространения информации о его личной жизни для защиты *общественных* интересов (см. ст. 49, 50).

Полагаем, что безусловный и тотальный **отказ от использования категории «публичный интерес» едва ли возможен** и целесообразен (тем более, что обращение к данному понятию в целях выработки сбалансированных нормативных решений является весьма распространенным при централизованном нормировании самых разных сегментов общественных отношений). Это, однако, совершенно **не исключает востребованности:**

а) формулирования и законодательной **фиксации «алгоритмов» признания факта наличия публичного интереса** (обобщенно и контекстно) в развитие предусмотренных ч. 3 ст. 55 Конституции РФ условий «умаления» прав и свобод человека и гражданина («в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства»);

б) **установления ограничений субъектного, целевого, организационного и иного толка** для случаев сбора, хранения, распространения и использования «интимной» информации в публичных интересах.

В отношении геномной информации поставленная проблематика особенно актуальна в свете предстоящей всеобщей генетической паспортизации российского населения и формирования его генетического профиля (эта суперамбициозная задача, напомним, четко озвучена в подп. 8 п. 13 Основ государственной политики РФ в области обеспечения химической и биологической безопасности на период до 2025 года и дальнейшую перспективу, утв. Указом Президента РФ от 11 марта 2019 г. № 97⁶); при этом, хотя «темпы развития геномной регистрации... в нашей стране не соответствуют современным требованиям» («...в федеральной базе данных находятся ДНК-профили менее 1 % населения России»), делаются первые шаги в заявленном направлении, в частности, уже запрограммировано «создать три генетических центра мирового уровня, на строительство и запуск которых запланировано потратить 12,2 млрд рублей» [10, с. 104–105]. Крайне симптоматично, что со-

временные экспертные опросы демонстрируют глубокие опасения по части соблюдения прав человека и гражданина при проведении геномных исследований [11, с. 51].

Думается, что **игнорирование принципа добровольности при проведении всеобщей генетической паспортизации**, даже памятуя о реальности и весомости угроз химической и биологической безопасности, **необоснованно** и **ущербно** (не может быть объяснено только ссылкой на присутствие публичного интереса); кроме того, здесь надлежит принимать во внимание наступление серьезных последствий в плане обеспечения конфиденциальности информации, охраняемых в формате специальных режимов тайны (например, тайны усыновления, поскольку «создание индивидуальной карт, генетическая паспортизация, – как справедливо подмечает О. В. Романовская, – ...приведут к тому, что вопрос об отсутствии генетической совместимости с родителями будет постоянно подниматься при обращении усыновленного к врачу» [12, с. 40]).

Любопытным и в общем **приемлемым видится ограничительный подход** (предполагающий наличие пределов усмотрения по поводу легализации «принудительного» сбора информации о частной жизни), получивший поддержку у Европейского Суда по правам человека (ЕСПЧ). Так, в «нашумевшем» казусе, рассмотренном в 2008 г. ЕСПЧ по жалобам *S. and Marper v. United Kingdom* (№ 30562/04, 30566/04), «Соединенное Королевство обвинялось в незаконном хранении образцов ДНК людей, которые по итогам расследования были признаны невиновными... После вынесения решения ... не только Великобритания, но и другие члены Совета Европы приняли решение об удалении *излишне* собранных образцов ДНК» [3, с. 643] (это очень важно, имея в виду не только защиту права лица на приватность, а и неожиданное появление новых страшных угроз «кражи генетической идентичности» [5, с. 26]). Не сомневаемся, что формирование генетических баз данных должно осуществляться на основе сочетания принципов обязательности и добровольности, а равно сопровождаться повышением уровня конфиденциальности геномной информации.

⁶ Собрание законодательства РФ. 2019. № 11. Ст. 1106.

Библиографический список

1. Рузанова В. Д. Проблемы соотношения защиты права на неприкосновенность частной жизни и права на защиту персональных данных // *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2019. № 9. С. 17–22. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41025827>.
2. Westin A. *Privacy and Freedom*. New York: Atheneum, 1967. 487 p.
3. Берг Л. Н., Голубцов В. Г. Направления правового воздействия в сфере геномных исследований: российский и международный опыт // *Вестник Пермского университета. Юридические науки*. 2020. Вып. 50. С. 638–649. DOI: <http://doi.org/10.17072/1995-4190-2020-50-638-649>.
4. Рассолов И. М., Чубукова С. Г., Микурова И. В. Анализ возможного применения к регулированию отношений по поводу генетической информации институтов персональных данных, личной тайны, врачебной тайны // *Lex Russica*. 2020. Т. 73, № 4. С. 143–151. DOI: <http://doi.org/10.17803/1729-5920.2020.161.4.143-151>.
5. Богданова Е. Е. Правовые проблемы и риски генетической революции: генетическая информация и дискриминация // *Lex Russica*. 2019. № 6. С. 18–29. DOI: <http://doi.org/10.17803/1729-5920.2019.151.6.018-029>.
6. Гаврилов Э. П. Гражданско-правовая охрана частной жизни гражданина: комментарий к ст. 152.2 ГК РФ // *Хозяйство и право*. 2014. № 4 (447). С. 17–25. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23999083>.

7. Малеина М. Н. Понятие и классификация геномной (генетической) информации // *Lex Russica*. 2020. Т. 73, № 7. С. 50–58. DOI: <http://doi.org/10.17803/1729-5920.2020.164.7.050-058>.
8. Забудько Ю. С. Конституционное право на неприкосновенность частной жизни, личной и семейной тайны и его законодательные ограничения: сравнительно-правовая характеристика // *Государственная власть и местное самоуправление*. 2014. № 5. С. 8–12. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21526271>; <https://wiselawyer.ru/poleznoe/77008-konstitucionnoe-pravo-neprikosnovennost-chastnoj-zhizni-lichnoj-semejnoj>.
9. Алейникова В. В. Охрана частной жизни гражданина (ст. 152.2 ГК РФ): теоретический и правоприменительный аспекты // *Закон*. 2019. № 7. С. 183–195. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=38590008>.
10. Ширшов Б. В., Синенко В. Д. К вопросу о всеобщей геномной паспортизации граждан в Российской Федерации // *Актуальные вопросы охраны общественного порядка и административной деятельности полиции: материалы межведомственной науч.-практ. конф. (Волгоград, 2 июня 2020 г.)*. Москва: Спутник+, 2020. С. 103–106. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44271514>.
11. Серебрякова А. А., Холопова Е. Н. Генетическая паспортизация населения и возможности ее осуществления // *Право и государство: теория и практика*. 2020. № 3. С. 51–54. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43419898>.
12. Романовская О. В. Тайна усыновления в российском праве // *Гражданин и право*. 2015. № 12. С. 29–40. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25031266>.

References

1. Ruzanova V. D. *Problemy sootnosheniya zashchity prava na neprikosnovennost' chastnoi zhizni i prava na zashchitu personal'nykh dannykh* [Problems of correlation of the protection of the right to privacy and the right to protection of personal data]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*, 2019, no. 9, pp. 17–22. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41025827> [in Russian].
2. Westin A. *Privacy and Freedom*. New York: Atheneum, 1967, 487 p. [in English].
3. Berg L. N., Golubtsov V. G. *Napravleniya pravovogo vozdeistviya v sfere genomnykh issledovaniy: rossiiskii i mezhdunarodnyi opyt* [Areas of Legal Impact in the Field of Genomic Research: Russian and International Experience]. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki* [Perm University Herald. Juridical Sciences], 2020, issue 50, pp. 638–649. DOI: <http://doi.org/10.17072/1995-4190-2020-50-638-649> [in Russian].
4. Rassolov I. M., Chubukova S. G., Mikurova I. V. *Analiz vozmozhnogo primeneniya k regulirovaniyu otnoshenii po povodu geneticheskoi informatsii institutov personal'nykh dannykh, lichnoi tainy, vrachebnoi tainy* [Analysis of possible application of personal data, personal secrets, and medical confidentiality to the regulation of relations concerning genetic information]. *Lex Russica*, 2020, no. 4 (161), pp. 143–151. DOI: <http://doi.org/10.17803/1729-5920.2020.161.4.143-151> [in Russian].
5. Bogdanova E. E. *Pravovye problemy i riski geneticheskoi revolyutsii: geneticheskaya informatsiya i diskriminatsiya* [Legal Problems and Risks of Genetic Revolution: Genetic Information and Discrimination]. *Lex Russica*, 2019, no. 6, pp. 18–29. DOI: <http://doi.org/10.17803/1729-5920.2019.151.6.018-029> [in Russian].
6. Gavrillov E. P. *Grazhdansko-pravovaya okhrana chastnoi zhizni grazhdanina: kommentarii k st. 152.2 GK RF* [Civil protection of private life of a citizen: commentary to Article 152.2 of the Civil Code of the Russian Federation]. *Khozyaistvo i pravo* [Business and Law], 2014, no. 4 (447), pp. 17–25. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23999083> [in Russian].
7. Maleina M. N. *Ponyatie i klassifikatsiya genomnoi (geneticheskoi) informatsii* [The Concept and Classification of Genomic (Genetic) Information]. *Lex Russica*, 2020, vol. 73, no. 7, pp. 50–58. DOI: <http://doi.org/10.17803/1729-5920.2020.164.7.050-058> [in Russian].
8. Zabu'd'ko Yu. S. *Konstitutsionnoe pravo na neprikosnovennost' chastnoi zhizni, lichnoi i semeinoi tainy i ego zakonodatel'nye ogranicheniya: sravnitel'no-pravovaya kharakteristika* [Constitutional right to the inviolability of private life, personal and family secrets and its legislative restriction: legal comparison]. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie* [State Power and Local Self-government], 2014, no. 5, pp. 8–12. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21526271>; <https://wiselawyer.ru/poleznoe/77008-konstitucionnoe-pravo-neprikosnovennost-chastnoj-zhizni-lichnoj-semejnoj> [in Russian].
9. Aleynikova V. V. *Okhrana chastnoi zhizni grazhdanina (st. 152.2 GK RF): teoreticheskii i pravoprimeritel'nyi aspekty* [Protection of privacy (Art. 152.2 of Russian Civil Code): theory and law enforcement]. *Zakon*, 2019, no. 7, pp. 183–195. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=38590008> [in Russian].
10. Shirshov B. V., Sinenko V. D. *K voprosu o vseobshchei genomnoi pasportizatsii grazhdan v Rossiiskoi Federatsii* [On the issue of universal genomic passporting of citizens in the Russian Federation]. In: *Aktual'nye voprosy okhrany obshchestvennogo poryadka i administrativnoi deyatel'nosti politzii: materialy mezhdvedomstvennoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Volgograd, 2 iyunya 2020 g.)* [Topical issues of protecting public order and administrative activities of the police: materials of an interdepartmental research and practical conference (Volgograd, June 2, 2020)]. Moscow: Sputnik+, 2020, pp. 103–106. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44271514> [in Russian].
11. Serebryakova A. A., Holopova E. N. *Geneticheskaya pasportizatsiya naseleniya i vozmozhnosti ee osushchestvleniya* [Genetic passporting of the population and the possibility of its implementation]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika* [Law and State: The Theory and Practice], 2020, no. 3, pp. 51–54. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43419898> [in Russian].
12. Romanovskaya O. V. *Taina usynovleniya v rossiiskom prave* [The secret of adoption in Russian law]. *Grazhdanin i pravo*, 2015, no. 12, pp. 29–40. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25031266> [in Russian].

УГОЛОВНОЕ ПРАВО CRIMINAL LAW

DOI: 10.18287/2542-047X-2021-7-2-48-56

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343.63

Дата поступления: 11.04.2021
рецензирования: 18.05.2021
принятия: 25.05.2021

Трудный путь института уголовной ответственности за посягательства на честь и достоинство личности, или проблемы целеполагания

Т. В. Кленова

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: klenova_tatiana@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена институту уголовной ответственности за посягательства на честь и достоинство личности. С использованием исторического метода рассматриваются этапы развития этого института и особенности охраны чести и достоинства личности с точки зрения ценностей современного демократического государства. Автор анализирует влияние явных и неявных целей уголовной политики на способы защиты чести и достоинства личности. Особое внимание уделяет целям криминализации и декриминализации клеветы и оскорбления. Исследование направлено на выявление проблем целеполагания при переменах в институте уголовной ответственности за посягательства на честь и достоинство, когда соответствующие уголовно-правовые нормы замещаются административно-правовыми нормами. Автор стремится деполитизировать вопросы защиты личного права на защиту чести и достоинства на основе принципа равенства граждан перед законом. Действующее российское уголовное законодательство в основном направлено на защиту чести и достоинства лиц в связи с их социальными принадлежностями. В рамках охранительной концепции уголовного права автор статьи обосновывает вывод о гарантировании права любого человека, пострадавшего от клеветы или оскорбления, на достижение истины и государственное порицание виновного. Такой взгляд будет интересен также исследователям уголовного процесса.

Ключевые слова: охранительные уголовно-правовые отношения; институт уголовного права; цели криминализации; цели декриминализации; преступления против чести и достоинства; клевета; оскорбление.

Цитирование. Кленова Т. В. Трудный путь института уголовной ответственности за посягательства на честь и достоинство личности, или проблемы целеполагания // Юридический вестник Самарского университета. 2021. Т. 7, № 2. С. 48–56. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2021-7-2-48-56>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Кленова Т.В., 2021

Кленова Татьяна Владимировна – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 11.04.2021
Revised: 18.05.2021
Accepted: 25.05.2021

Difficult way of the institution of criminal liability for attacks on the honor and dignity of the person, or problems of targeting

T. V. Klenova

Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: klenova_tatiana@mail.ru

Abstract: The article is devoted to the institution of criminal liability for attacks on the honor and dignity of the individual. The article, using the historical method, examines the stages of development of this institution and the features of protecting the honor and dignity of the individual from the point of view of the values of a modern democratic state. The author analyses the impact of explicit and implicit criminal policy objectives on the ways to protect the honor and dignity of the individual. Particular attention is paid to the criminalization and decriminalization of libel and slander. The research is aimed at identifying the problems of targeting in changes in the institution of criminal liability for attacks on honor and dignity, when the relevant criminal law norms are replaced by administrative law norms. The author seeks to depoliticize the protection of the personal right to honor and dignity on the basis of the principle of equality of citizens before the law. The current Russian criminal legislation is mainly aimed at protecting the honor and dignity of persons in connection with their social accessories. Within the protective concept of criminal law, the author of the article justifies

the conclusion that the right of anyone who has suffered from slander or insult to achieve the truth and state censure of the perpetrator is guaranteed. Such a view will also be interesting to researchers of the criminal process.

Key words: protective criminal law relations; institution of criminal law; goals of criminalization; goals of decriminalization; crimes against honor and dignity; slander; insult.

Citation. Klenova T. V. *Trudnyi put' instituta ugovnoy otvetstvennosti za posyagatel'stva na chest' i dostoinstvo lichnosti, ili problemy tselepolaganiya* [Difficult way of the institution of criminal liability for attacks on the honor and dignity of the person, or problems of targeting]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2021, vol. 7, no. 2, pp. 48–56. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2021-7-2-48-56> [in Russian].

Information about the conflict of interests: author declares no conflict of interests.

© Klenova T. V., 2021

Tatiana Klenova – Doctor of Law, professor, head of the Department of Criminal Law and Criminology, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Соотношение между фактическим результатом действия закрепленных в уголовном законе институтов и норм и их декларированными социальными целями зависит от того, правильно ли были оценены функциональные возможности соответствующих институтов и норм, и главное – не были ли беспочвенными, в том числе популистскими и конъюнктурными, законотворческие решения.

В соответствии с частью 1 статьи 2 Уголовного кодекса Российской Федерации (*далее – УК РФ*) задачами уголовного закона являются охрана важных социальных ценностей и общественных отношений от преступных посягательств и предупреждение преступлений. Первая из поставленных здесь задач отличается высокой социальной значимостью и крупномасштабностью, не теряет актуальности с течением времени, что позволяет судить о ней как о цели уголовного права. Генеральный характер цели охраны подтверждается при соотношении с задачей предупреждения преступлений, выполнение которой определяется по результатам регулирующего воздействия уголовного закона не в целом на общественные отношения, а на человека. Предупредительная задача не имеет ярко выраженного отраслевого своеобразия в уголовном праве. Дух этой отрасли права отражают не превентивные, а охранительные уголовно-правовые отношения, связанные с уголовной ответственностью виновного. Соответствующие отношения возникают, как раз когда задача предупреждения преступления не выполнена и лицо совершило преступление. Непосредственными целями охранительных отношений являются порицание лица, виновного в совершении преступления, его принуждение к правомерному поведению и в целом демотивация к совершению нового преступления, а также обеспечение законных интересов потерпевших. Как итог уголовно-правовая охрана предполагает реальное гарантирование законных прав и интересов личности, общества и государства, обеспечение правопорядка и нормализацию общественных отношений.

Хотя в УК РФ его цели прямо не определены, зато о целях говорится в связи с уголовным наказанием. Предупреждение совершения преступлений, определенное в ст. 2 не более как задачей Уголовного кодекса Российской Федерации, в ст. 43 признается целью наказания наряду с целями восстановления социальной справедливости

и исправления преступника. В то же время эти характеристики наказания, названные в законе его целями, непосредственно не соотнесены с легальной дефиницией задач уголовного закона. Охранительная функция наказания здесь не учитывается. Обычно она обсуждается научными исследователями в связи с концепцией наказания как кары для лиц, виновных в совершении преступлений, не востребованной в действующем уголовном законодательстве. Не всегда и не всеми, но об обеспечении законных интересов потерпевших говорится при трактовке такой цели наказания, названной в УК РФ, как восстановление социальной справедливости, то есть не в связи с охранительной или предупредительной функциями.

Нам же представляется, что цель охраны общественных отношений – это не атрибут отдельной концепции наказания, а универсальный социальный критерий оценки эффективности уголовного права. Определяя основания и перспективы развития институтов и норм уголовного права, и в законодательном процессе, и в правоприменительной деятельности необходимо учитывать доминанту охранительной цели, при этом соотносить ее ближайшие составляющие (порицание лица, виновного в совершении преступления, его принуждение к правомерному поведению и в целом демотивацию к совершению нового преступления, а также обеспечение законных интересов потерпевших) и отдаленные результаты (реальное гарантирование законных прав и интересов личности, общества и государства, обеспечение правопорядка и нормализацию общественных отношений).

С точки зрения охранительной цели должны освещаться факты не только криминализационного, но и декриминализационного процессов. Важно понять, когда декриминализация объективна и связана с функциональной неспособностью определенных институтов и норм уголовного права служить необходимыми средствами достижения охранительной цели уголовного права, а когда спровоцирована неэффективными решениями.

Особый интерес для исследования в заданном направлении вызывает институт уголовной ответственности за преступления против чести и достоинства личности, и поскольку это очевидный пример исчезающего института уголовного права, и потому что декриминализация его основных преступлений диссонирует с высокими гаранти-

ями личного права на защиту чести и достоинства.

Так, Всеобщая декларация о геноме человека и правах человека, принятая на 29-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО в 1997 г. и одобренная Генеральной Ассамблеей ООН в 1998 г., подчеркивает необходимость рассмотрения новых проблем защиты генома человека в свете приоритета личного права на защиту достоинства: «Каждый человек имеет право на уважение его достоинства и его прав, вне зависимости от его генетических характеристик. Такое достоинство непреложно означает, что личность человека не сводится к его генетическим характеристикам и требует уважения его уникальности и неповторимости».

В Конституции РФ утверждается: «Достоинство личности охраняется государством. Ничто не может быть основанием для его умаления» (ч. 1 ст. 21). При этом ценность достоинства личности подтверждена запретами: «Никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию. Никто не может быть без добровольного согласия подвергнут медицинским, научным или иным опытам» (ч. 2 ст. 21). В ч. 1 ст. 23 гарантировано личное право на защиту своей чести и доброго имени. Одновременно в ч. 1 и 3 ст. 29 провозглашены, соответственно, свобода мысли и слова и запрет принуждать кого бы то ни было к выражению своих мнений и убеждений или отказу от них. Это означает, что человек свободен в оценках другого человека и его поступков, но в публичное поле не могут выноситься сведения, во-первых, ложные, во-вторых, порочащие.

Гарантированность конституционных положений предполагает такую их обеспеченность в отраслевом законодательстве, которой достаточно для результативной реализации. Действующее уголовное законодательство не отвечает настоящему запросу, и право на защиту чести и достоинства личности сегодня не имеет достаточной государственной защищенности; защита чести и достоинства стала в основном личной проблемой, которая часто не решается, даже если человек обращается за помощью к государству.

На основе Конституции РФ в УК РФ установлена уголовная ответственность за посягательство на достоинство человека (ст. 128¹) во взаимосвязи с преступлениями против свободы (ст. 126, 127, 127¹, 127² и 128). Соответственно, эти классификационные группы преступлений объединены в гл. 17 «Преступления против свободы, чести и достоинства личности» УК РФ, хотя имеют существенные отличия по видам основных объектов. Обычной законодательской практикой в России является систематизация преступлений в кодифицированном уголовном законе с их закреплением в отдельных главах Особенной части, исходя из различий в объектах преступлений. В данном случае этого не произошло, может быть, из-за многочисленности статей о преступлениях против чести

и достоинства человека. В УК РФ, по состоянию на время принятия их было две (ст. 129 «Клевета», ст. 130 «Оскорбление»), в настоящее время – одна (ст. 128¹ «Клевета»).

А вот конституционный запрет на медицинские, научные или иные опыты над человеком без его добровольного согласия до сих пор не имеет уголовно-правового обеспечения.

Вопреки конституционному принципу равенства граждан перед законом в УК РФ в основном обеспечивается право на защиту чести и достоинства представителей отдельных социальных групп и государственных органов и должностных лиц, то есть в связи с социальными принадлежностями. Как следствие, нормы об уголовной ответственности за посягательства на честь и достоинство личности главным образом размещены в других главах УК РФ. Это нормы об уголовной ответственности за оскорбление чувств верующих (ст. 148 в гл. 19 «Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина»); унижение человеческого достоинства человека по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе (ст. 282 в гл. 29 «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства»); оскорбление судьи, присяжного заседателя или иного лица, участвующего в отправлении правосудия, а также участников судебного разбирательства (ст. 297 в гл. 31 «Преступления против правосудия»); клевету в отношении судьи, присяжного заседателя, прокурора, следователя, лица, производящего дознание, сотрудника органов принудительного исполнения Российской Федерации (ст. 298¹ – там же); оскорбление представителя власти (ст. 319 в гл. 32 «Преступления против порядка управления»); оскорбление военнослужащего (ст. 336 в гл. 33 «Преступления против военной службы»).

Многочисленность специальных составов посягательств на честь и достоинство при дефиците общих соответствующих составов может означать, что государственная власть недостаточно обеспечивает защиту чести и достоинства любого человека от преступных посягательств безотносительно к его социальным принадлежностям. Как принижение значения института уголовной ответственности за посягательства на честь и достоинство человека может трактоваться также сама его незакрепленность в отдельной главе УК РФ. Преступления против свободы, чести и достоинства объединены в гл. 17 УК РФ, хотя личные права на свободу и достоинство не повторяются одно в другом и должны признаваться самостоятельными видовыми объектами преступлений, а совокупности норм, запрещающих посягательства на свободу и честь и достоинство, – самостоятельными институтами уголовного права. М. С. Жук правильно пишет, что «институт ответственности за преступления против свободы» и «институт ответственности за преступления про-

тив чести и достоинства» необоснованно объединены в гл. 17 УК РФ и, пока не получают оформления в качестве отдельных структурных единиц (глав), не будут иметь развитого, законченного вида [1, с. 137].

Согласно рекомендации А. С. Горелика, ввиду существенных различий между свободой личности и ее честью и достоинством, не позволяющих дать единую общую характеристику соответствующих групп преступлений, целесообразно определять каждую из них отдельно, как это уже было сделано этим автором в Полном курсе уголовного права (издан в 2008 г. в Санкт-Петербурге в издательстве «Юридический центр Пресс») [2, с. 406].

В российском уголовном праве есть опыт структурного обособления института уголовной ответственности за посягательства на честь и достоинство личности. Такой сформированный характер этот институт уголовного права приобрел во второй половине XIX века. При этом соответствующая группа преступлений называлась без использования слова «достоинство» – с аргументацией, что честь субъективная (достоинство) недоступна для оскорбления, а разрушается только самооценкой лицом своих поступков, неуважением к самому себе [3, с. 120–121]. В Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. преступления против чести были определены в главе шестой «Об оскорблениях чести» в рамках раздела десятого «О преступлениях против жизни, здоровья, свободы и чести частных лиц» (ст. 1998–2024). Видовым объектом преступлений признавалась честь, рассматриваемая с внешней стороны, то есть как право на уважительное отношение со стороны других лиц, общества и государства.

Организованность института доказывается и существенными характеристиками: определенностью отраслевой задачи (уголовно-правовая охрана чести) и применением особенного способа уголовно-правового регулирования. Последнее подтверждается тем, что наряду с традиционными наказаниями за преступное оскорбление чести предусматривались обязанности испросить прощения и возместить ущерб («уплата бесчестия за обиду») непосредственно обиженному с его согласия. Также преступления, определенные в главе шестой, объединяло правило о том, что все уголовные дела об этих преступлениях возбуждались по жалобам самих обиженных или их законных представителей [4, с. 153].

В 1864 г. многие преступления, отнесенные к оскорблениям чести, были перенесены из Уложения о наказаниях уголовных и исправительных в Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, хотя превышали предполагающуюся компетенцию мирового судьи. Аргументировалось это решение тем, что производство по соответствующим уголовным делам начиналось не иначе как по жалобам обиженных и могло прекращаться примирением. Особенностью института ответственности за преступления против чести в Уставе о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, было

его дополнение специальной нормой об освобождении от наказания. В соответствии со ст. 138 за преступления, выраженные в оскорблении чести (ст. 130–137), наказание не назначалось: «1. Когда сам обиженный нанес обидчику равную или более тяжкую обиду; 2. Если обиженный требует рассмотрения дела в гражданском порядке».

Интересно, что применялись разные подходы к определению субъектного состава оскорбления и клеветы. Так, не ставился вопрос о наказании одного супруга за оскорбление другого супруга, за исключением случаев, когда обида была нанесена в публичном месте или с нарушением тишины и порядка. А вот нормы о клевете могли применяться к любому из супругов на общем основании. Кассационный департамент Сената разъяснил: «Клевета незаслуженно лишает доброго имени, которое не составляет, подобно семейной чести, общего достояния обоих супругов, и потерпевшему от клеветы не может быть отказано в праве возратить себе это имя и восстановить истину лишь потому, что клеветником был супруг; эта цель весьма нередко может быть достигнута только в суде. Предоставление супругу такого права особенно важно потому, что брачные связи могут прекратиться или вследствие развода, или вследствие смерти супруга-клеветника, и, следовательно, только в суде потерпевший будет избавлен от необходимости переносить все тяжелые последствия клеветы далеко после того момента, как с клеветником были порваны всякие близкие связи» [5, с. 306–307].

В советском уголовном законодательстве к исследуемым преступлениям было проявлено меньше интереса. При определении объекта преступлений фокус внимания законодателей сместился. Понятие «преступления против чести» исчезло, а вместо него было использовано понятие «преступления против достоинства личности». Возможен вывод, что в советском уголовном праве к достоинству личности было отношение некоторого принижения как к субъективной ценности (субъективной чести), но не существовавшему личному праву человека или общественному благу. Целью уголовной ответственности в случаях оскорбления и клеветы здесь определялась не защита права человека на уважительное отношение со стороны других лиц и общества или восстановление истины, а исправление и перевоспитание виновного для целей социалистического общежития. Представляется, что изменение акцентов при определении объекта преступлений было обусловлено нацеленностью всего уголовного законодательства на защиту государственных интересов и предупреждение конфликтов с государством [4, с. 155, 156].

Советские законодатели отказались также от идеи обособления соответствующих норм в структурном подразделении кодифицированного акта. Это был путь расформирования института. Например, в УК РСФСР 1960 г. были закреплены составы клеветы (ст. 130) и оскорбления (ст. 131) в главе третьей «Преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности». В статье 131 в дефини-

ции оскорбления появился термин «честь», но это не соответствовало наименованию главы третьей. Оскорблением признавалось умышленное унижение чести и достоинства личности, выраженное в неприличной форме.

Ожидалось, что в постсоветский период в соответствии с политическим гарантированием либерально-демократических ценностей должны усиливаться гарантии всех личных прав, прежде всего права на защиту чести и достоинства. Однако этого не случилось.

В УК РФ, принятом в 1996 г., произошла легализация понятия «преступления против чести и достоинства» – в названии гл. 17 «Преступления против свободы, чести и достоинства личности», но сохранилось объединение преступлений против чести и достоинства с преступлениями против свободы личности в одной главе. При этом если в составе оскорбления объект определялся в виде чести и достоинства (ст. 130 УК РФ), то в составе клеветы в один объект были связаны честь, достоинство и репутация. Согласно ч. 1 ст. 129 УК РФ, клеветой признавалось распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию. Многие исследователи критически отнеслись к этой новелле. Мы же считаем, что последнее законодательное решение было обоснованным и полезным, поскольку обуславливало расширение пределов защиты личности от этого преступления. Понятия «честь», «достоинство», «репутация» являются сложными с этическим, социальным и правовым уровнями понимания. Явно они объединяются именно на правовом уровне – в значении естественного личного права, которое есть у человека независимо от недоброжелательных, тем более ложных, оценок. Соответственно, для целей уголовного законодательства неразделимы самоуважение (достоинство) человека и его ожидания уважительного к себе отношения со стороны других людей и государства (честь), в том числе в связи с его профессиональной деятельностью и социальными практиками (репутация).

Совершенно неожиданно Федеральным законом от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ из УК РФ были исключены статьи 129 и 130. Тем же Законом новой статьей 5.61 об оскорблении был дополнен Кодекс РФ об административных правонарушениях. Решение об административной ответственности за клевету состоялось позже; соответствующая статья 5.61.1 появилась в Кодексе РФ об административных правонарушениях в соответствии с Федеральным законом от 30 декабря 2020 г. № 513-ФЗ. Поскольку механизм административно-правового регулирования не нацелен на учет волеизъявления потерпевших от посягательств, новые законодательные решения побуждали граждан более активно пользоваться иным – гражданско-правовым – способом защиты чести и достоинства. Ранее в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и

достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» разъяснялось, что отказ в возбуждении уголовного дела по ст. 129 УК (в настоящее время – ст. 128¹ УК РФ), прекращение возбужденного уголовного дела, а также вынесение приговора не исключают возможности предъявления иска о защите чести и достоинства или деловой репутации в порядке гражданского судопроизводства (п. 6).

Законодательные новеллы о признании оскорбления и клеветы административными правонарушениями получают в основном отрицательные отзывы. Научные исследователи пишут о законодательной девальвации, обесценивании таких прав личности, как честь и достоинство, что ведет к ослаблению государственной защиты конституционных прав личности, принижению чести и достоинства личности как охраняемых законом ценностей [6]. С позиции уголовного процесса отмечается необоснованное усиление публичных начал вместо частного обвинения, поскольку административное производство предполагает минимальный учет интересов личности как при его возбуждении, так и окончании [7, с. 180].

Законодатели вновь пересмотрели свою позицию, но только по вопросу о криминализации клеветы. Федеральным законом от 28 июля 2012 г. № 141-ФЗ в УК РФ введена ст. 128¹, в которой полностью повторились диспозиции ранее исключенной ст. 129. Одновременно с этим в Кодексе РФ об административных правонарушениях остался аналогичный общий состав клеветы, что внесло новую неурядицу в законодательство, и никому не ясно, как разграничивать основные составы уголовно наказуемой и административно наказуемой клеветы, почему за клевету предусмотрено административное наказание только в отношении юридических лиц, в отличие от оскорбления.

Пределы криминализации клеветы вновь изменились в 2020 г. Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 538-ФЗ установил повышенную ответственность за совершение деяния в отношении нескольких лиц, в том числе индивидуально не определенных (ч. 2 ст. 128¹ УК РФ). В последнем случае, видимо, имеется в виду распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство представителей определенной социальной группы. Однако соответствующие действия запрещены в других главах УК РФ, охватываются составами, предусмотренными ст. 148, 282 и др., при этом дополнительной квалификации по ст. 128¹ УК РФ не требуется.

Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 538-ФЗ также усилил санкции ст. 128¹ УК РФ за квалифицированные и особо квалифицированные виды преступления, соответственно, до 2 лет лишения свободы в ч. 2, до 3 лет лишения свободы в ч. 3, до 4 лет лишения свободы в ч. 4, до 5 лет лишения свободы в ч. 5.

Можно предположить, что в институте уголовной ответственности за посягательства на честь и достоинство личности отражается конфликт

ультрарепрессивного и ультралиберального подходов. Сторонники последнего подхода отстаивают идеи декриминализации и депенализации посягательств на честь и достоинство, заверяя, что уголовная ответственность может быть результативно замещена административной и (или) гражданско-правовой ответственностью. Наоборот, последователи ультрарепрессивной идеи говорят об эффективности сочетания криминализации посягательств на честь и достоинство и значительного усиления уголовного наказания за них с акцентом на лишение свободы. И те и другие не учитывают исторические предпосылки и не определяют перспективы развития в целом этого уголовно-правового института. Внимание сосредоточено на судьбе одной нормы – об уголовной ответственности за клевету. Объяснением этому может быть придаваемое политико-идеологическое значение задаче уголовно-правовой охраны чести и достоинства, когда она рассматривается во взаимосвязи с другой задачей – защиты права на свободу слова.

Например, С. И. Луценко, аналитик Института экономических стратегий Отделения общественных наук Российской академии наук, озвучил позицию о конкуренции права на свободу слова и права на неприкосновенность достоинства личности и частной жизни, а также на защиту чести и доброго имени с признанием приоритета свободы выражения мнения. Основываясь на данной идее, а также допустив, что клевета имеет характер субъективного оценочного суждения, истинность которого доказать нельзя, автор признает правильной декриминализацию клеветы [8, с. 173].

С. И. Луценко пишет: «Степень обоснованности уголовного обвинения по клевете компетентным судом едва ли может сравниться с той, которой должен придерживаться журналист (автор статьи) при выражении своего мнения по вопросу, представляющему общественный интерес, поскольку критерии, применяемые при оценке чьих-либо мнений (в том числе политических) в плане морали, существенно отличаются от тех, которые требуются для установления факта преступления по уголовному праву. (...) особенности данного понятия (*клеветы*. – Т. К.) ближе к вопросу о защите чести, достоинства, который, в свою очередь, носит гражданский, а не уголовный характер» [8, с. 177]. При обосновании этого положения С.И. Луценко ссылается на принцип «повышенной терпимости публичных лиц», подтверждаемый международной практикой, которая, по его оценке, направлена на декриминализацию клеветы. Так, он напоминает о Рекомендациях Парламентской Ассамблеи Совета Европы № 1814 (2007) «На пути к отмене уголовной ответственности за диффамацию», в которой поставлена задача, чтобы Комитет Министров Совета Европы заставил все государства-члены пересмотреть свои законы о диффамации и привести их в соответствие с правоприменительной практикой Европейского Суда по правам человека с целью устранения какого-либо риска злоупотреблений или необоснован-

ного привлечения к уголовной ответственности. Еще С. И. Луценко цитирует положения доклада специального докладчика Совету ООН по правам человека о поощрении и защите права на свободу мнений и их свободное выражение: «Ввиду уникальных особенностей Интернета нормы и ограничения, которые могут считаться законными и соразмерными применительно к традиционным средствам массовой информации, часто не являются таковыми применительно к Интернету. При распространении сведений, порочащих репутацию лица, с учетом возможности потерпевшего осуществить свое право на немедленный ответ для устранения причиненного вреда виды санкций, которые применяются при клевете без использования Интернета, могут оказаться ненужными или несоразмерными» [8, с. 176].

Заметим, все же о международной практике в отношении декриминализации преступлений нельзя судить по рекомендациям Парламентской Ассамблеи Совета Европы, Комитета Министров Совета Европы и других международных органов и организаций. Более доказательно в этом отношении состояние национального уголовного законодательства. Интересно, что, несмотря на известные инициативы в рамках Европейского союза и Совета Европы о дополнительном гарантировании права на свободу слова путем полной или частичной декриминализации клеветы, лидер этих организаций – Германия – придерживается консервативных позиций о клевете в своем национальном уголовном законодательстве. В § 187 Уголовного уложения ФРГ предписано: «Тот, кто в отношении другого лица утверждает или распространяет заведомо ложный факт, способный вызвать неуважение к этому лицу или унижить его в общественном мнении или создать угрозу для доверия в его кредитоспособность, – наказывается лишением свободы на срок до двух лет или денежным штрафом, а если деяние совершено публично, на собрании или посредством распространения материала, – лишением свободы на срок до пяти лет или денежным штрафом». Аналогично до пяти лет лишения свободы наказывается клевета в отношении политических деятелей (абз. 2 § 188 Уголовного уложения ФРГ). Причем это новые редакции закона, в них признак состава клеветы – «распространение материала» – использован вместо устаревшего понятия – «письменные материалы» – в соответствии с современным состоянием технического развития в области сохранения, накопления и передачи информации и на основании ст. 1 Шестидесятого закона о внесении изменений в Уголовное уложение ФРГ от 30 ноября 2020 г. [9, с. 81, 305–310].

Нельзя не признать, что в немецком уголовном праве нормы об уголовной ответственности за посягательства на честь и достоинство объединены в устойчивый и сбалансированный институт. Это нормы об уголовной ответственности за оскорбление, сплетню, клевету, сплетню и клевету в отношении политических деятелей, осквернение памяти умершего, а также нормы об особенностях

наказания, освобождения от него и доказательстве истинности утверждаемых или распространяемых фактов (§ 185–190, 192–194, 199 и 200), которые объединены в отдельный четырнадцатый раздел «Оскорбление» Уголовного уложения ФРГ.

В современной России вопрос об уголовной ответственности за клевету решается не с позиции комплексного или системного правового регулирования и не на основе ценности нравственной личности и ее чести и личного достоинства, а с политической мотивацией. Депутат Государственной думы Д. Ф. Вяткин, инициировавший проект № 1074945-7, составивший основу Федерального закона от 30 декабря 2020 г. № 538-ФЗ, видимо, будучи сторонником ультрарепрессивного подхода в отношении этого преступления, тоже учитывает политический ресурс уголовно-правовой нормы об ответственности за клевету в большей степени, чем для защиты чести и достоинства личности, раз во внесенном им в Государственную думу законопроекте предложил признавать потерпевшими при клевете индивидуально не определенных лиц. Движение этого законопроекта в декабре 2020 г. было беспрепятственным: он внесен в Государственную думу 14 декабря и принят в первом чтении 22 декабря, 23 декабря – во втором и третьем чтениях, 25 декабря одобрен Советом Федерации, а 30 декабря подписан Президентом РФ. В пояснительной записке к этому законопроекту сказано, что он разработан «в целях совершенствования правового регулирования вопросов уголовной ответственности за распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию (клевета)» [10]. Однако ни в пояснительной записке, ни при обсуждении законопроекта не были названы ожидаемые результаты нововведений, не представлены криминологическое обоснование и прогноз динамики преступности, что подтверждает не правовую, а политическую мотивированность Федерального закона от 30 декабря 2020 г. № 538-ФЗ.

Д. Ф. Вяткин, подобно другим сторонникам репрессивного подхода, считает лишение свободы эффективным наказанием за клевету, хотя потерпевшие в первую очередь ожидают в суде защиту своих чести и достоинства путем восстановления истины и государственного порицания виновного. Порицание усиливается наказанием, но не сводится к нему. Для потерпевших важно, чтобы случившееся было названо преступлением и виновный от имени государства осужден, если уклоняется от извинения. Ни в административном, ни в гражданском процессе эти задачи не могут быть решены.

Инициативы об усилении уголовного наказания за клевету не опираются на реальную судебную практику. Статья 128¹ УК РФ применяется редко, при этом имеет рекордные показатели оправдательных приговоров и прекращенных уголовных дел. В соответствии с данными Судебного департамента при Верховном Суде РФ за это преступление в 2019 г. были осуждены всего 83 человека,

в 2020 г. – 84. Чаще всего к уголовной ответственности привлекались лица, совершившие клевету без отягчающих обстоятельств (ч. 1 ст. 128¹ УК РФ). Всего по ч. 1 ст. 128¹ УК РФ были осуждены в 2019 г. 64 человека (77,1 % от общего числа осужденных по ст. 128¹ УК РФ), в 2020 г. – 56 (66,7 %); по ч. 2 ст. 128¹ УК РФ были осуждены в 2019 г. 7 человек (8,4 %), в 2020 г. – 14 (16,7 %); по ч. 4 ст. 128¹ УК РФ были осуждены в 2019 г. 9 человек (10,8 %), в 2020 г. – 11 (13,1 %); и по три человека (3,6 %) понесли ответственность за деяние, предусмотренное ч. 5 ст. 128¹ УК РФ. При этом в 2019 г. 505 человек были оправданы и в отношении 333 лиц уголовное дело было прекращено в связи с отсутствием события или состава клеветы, или в связи с непричастностью к этому преступлению; в 2020 г., соответственно, 352 и 234 [11].

При такой статистике судимостей представляется нерациональным расширять круг квалифицированных и особо квалифицированных составов клеветы и усиливать уголовное наказание с повышением верхних пределов санкций.

Вместе с тем статистические данные о крупном преобладании оправдательных приговоров и прекращенных уголовных дел в связи с отсутствием события или состава клеветы, или в связи с непричастностью к преступлению подтверждают, что ни в уголовном, ни в уголовно-процессуальном законодательстве в настоящее время не созданы достаточные гарантии личного права на защиту чести и достоинства. Потерпевшего обязывают самого доказывать ложность сведений, сообщенных клеветником, у последнего же нет обязанности доказывать истинность своих утверждений, как результат – вместо примирения в суде разжигаются конфликтные отношения. Как если бы обиженным был не тот, кому причинен вред, а преступник.

Можно заключить, что в соответствии с Конституцией РФ защита чести и достоинства личности – это обязанность государства. Если человек, считающий себя обиженным, видит возможность защиты своих чести и достоинства в рамках уголовного дела, государство должно обеспечить правосудие. При этом не обиженный должен представлять доказательства ложности сведений, порочащих его честь и достоинство или подрывающих его репутацию, а, напротив, человек, в отношении которого возбуждено уголовное дело, должен доказывать истинность распространенной им информации. Такой подход соответствует охранительной цели уголовного права и позволяет гарантировать право любого человека, пострадавшего от клеветы или оскорбления, на достижение истины и государственное порицание виновного.

Уголовно-правовая защита чести и достоинства личности должна осуществляться на основе равенства всех перед законом и судом. Необходимо преодолеть перекос действующего российского уголовного законодательства, направленного в основном на защиту чести и достоинства представителей отдельных социальных групп и государственных органов и должностных

лиц, то есть в связи с социальными принадлежностями. Основными средствами гарантирования права любого человека на уголовно-правовую защиту чести и достоинства являются общие нормы об уголовной ответственности за клевету и оскорбление. Выделение специальных уголовно-правовых норм имеет пределы и рекомендуется, только когда нужно дифференцировать уголовную ответственность с учетом изменения общественной опасности посягательства. По логике развития самостоятельного института уголовного права общие и специальные нормы о клевете и оскорблении должны быть закреплены в

отдельной главе Особенной части кодекса [12, с. 99–101].

Необходимо восстанавливать институт уголовной ответственности за преступления против чести и достоинства на основе ценности нравственной личности и ее чести и личного достоинства. В. М. Баранов и Р. А. Ромашов верно заключают: «Человек не будет “обесчеловечиваться”, если два доминирующих центра – государство и право – сосредоточат свои усилия на возвышении достоинства человека». В.М. Баранов и Р.А. Ромашов называют это осью вращения «достоинство человека – демократический правопорядок» [13, с. 19].

Библиографический список

1. Жук М. С. Институты российского уголовного права: история развития и современное понимание. Краснодар: Кубанский гос. ун-т; Просвещение-Юг, 2010. 166 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19834615>.
2. Полный курс уголовного права: в 5 т. Т. 2 / под ред. А. И. Коробеева. Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2008. 680 с. URL: https://aldebaran.ru/author/avtorov_kollektiv/kniga_polnyiye_kurs_ugolovnoye_pravo_tom_ii_pr.
3. Есипов В. В. Уголовное Уложение 1903 года, его характер и содержание. Варшава: Типография Варшавского учебного округа, 1903. URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=209170>.
4. Кленова Т. В. Путь института уголовной ответственности за преступления против чести и достоинства личности // Прогресс и преемственность в российском уголовном праве (к 95-летию УК РСФСР 1926 г. и 25-летию УК РФ 1996 г.): материалы Всероссийской науч.-практ. конф. с международным участием. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2021. С. 150–161.
5. Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями: издание 1885 г. с приложением мотивов и извлечений из решений кассационных департаментов Сената / издан Н. С. Таганцевым. Санкт-Петербург: Государственная типография, 1904. 535 с. URL: <https://dspace.spbu.ru/handle/11701/20561?mode=full>.
6. Овчинский В. С. Уголовное цунами. URL: <http://www.odnako.org/magazine/material/ugolovnoe-cunami>.
7. Епихин А. Ю. Судопроизводство по делам частного обвинения: последствия декриминализации клеветы и оскорбления // Пробелы в российском законодательстве. 2012. № 2. С. 179–182. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sudoproizvodstvo-po-delam-chastnogo-obviniya-posledstviya-dekriminalizatsii-klevety-i-oskorbleniya/viewer>.
8. Луценко С. И. Клевета – категория оценочных суждений // Государство и право. 2019. № 7. С. 173–178. DOI: <http://doi.org/10.31857/S013207690005891-2>.
9. Головненков П. В. Уголовное уложение Федеративной Республики Германия – Strafgesetzbuch (StGB) – Научно-практический комментарий и перевод текста закона. Universitätsverlag Potsdam. DOI: <http://doi.org/10.25932/publishup-47371>.
10. Государственная дума. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1074945-7>.
11. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5259>; <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5669>.
12. Нуркаева Т. Н. Уголовно-правовая охрана личности, ее прав и свобод: вопросы теории и практики. Москва: Проспект, 2017. 256 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29310239>.
13. Баранов В. М., Ромашов Р. А. Достоинство (честь) человека в фокусе злоупотребления правом (доктрина, практика, техника) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2020. № 1 (49). С. 10–20.

References

1. Zhuk M. S. *Instituty rossiiskogo ugolovnoye prava: istoriya razvitiya i sovremennoye ponimanie* [Institutes of Russian criminal law: history of development and modern understanding]. Krasnodar: Kubanskii gos. un-t; Prosveshchenie-Yug, 2010, 166 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19834615> [in Russian].
2. *Polnyi kurs ugolovnoye prava: v 5 t. T. 2. Pod red. A. I. Korobeeva* [Korobeev A. I. (Ed.) Complete course of criminal law: in 5 vols. Vol. 2]. Saint Petersburg: Yuridicheskii tsentr Press, 2008, 680 p. Available at: https://aldebaran.ru/author/avtorov_kollektiv/kniga_polnyiye_kurs_ugolovnoye_pravo_tom_ii_pr [in Russian].
3. Esipov V. V. *Ugolovnoye Ulozhenie 1903 goda, ego kharakter i sodержanie* [Criminal Code of 1903, its nature and content]. Warsaw: Tipografiya Varshavskogo uchebnogo okruga, 1903. Available at: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=209170> [in Russian].
4. Klenova T. V. *Put' instituta ugolovnoi otvetstvennosti za prestupleniya protiv chesti i dostoinstva lichnosti* [The path of the institution of criminal responsibility for crimes against honor and dignity of the individual]. In: *Progress i*

preemstvennost' v rossiiskom ugovnom prave (k 95-letiyu UK RSFSR 1926 g. i 25-letiyu UK RF 1996 g.): materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem [Progress and continuity in Russian criminal law (on the 95th anniversary of the Criminal Code of the RSFSR in 1926 and the 25th anniversary of the Criminal Code of the Russian Federation in 1996): materials of the All-Russian research and practical conference with international participation]. Krasnodar: Kubanskii gosudarstvennyi universitet, 2021, pp. 150–161 [in Russian].

5. *Ustav o nakazaniyakh, nalagaemykh mirovymi sud'yami: izdanie 1885 g. s prilozheniem motivov i izvlechenii iz reshenii kassatsionnykh departamentov Senata. Izdan N. S. Tagantsevym* [Tagantsev N. S. Charter on punishments imposed by justices of the peace: edition of 1885 with motives and extracts from the decisions of the Senate cassation departments]. Saint Petersburg: Gosudarstvennaya tipografiya, 1904, 535 p. Available at: <https://dspace.spbu.ru/handle/11701/20561?mode=full>.

6. Ovchinsky V. S. *Ugolovnoe tsunami* [Criminal Tsunami]. Available at: <http://www.odnako.org/magazine/material/ugolovnoe-cunami> [in Russian].

7. Epikhin A. Yu. *Sudoproizvodstvo po delam chastnogo obvineniya: posledstviya dekriminalizatsii klevety i oskorbleniya* [Proceedings in cases of private prosecution: the effects of slander and insult decriminalization]. *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve* [Gaps in Russian Legislation], 2012, no. 2, pp. 179–182. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/sudoproizvodstvo-po-delam-chastnogo-obvineniya-posledstviya-dekriminalizatsii-klevety-i-oskorbleniya/viewer> [in Russian].

8. Lutsenko S. I. *Kleveta – kategoriya otsenochnykh suzhdenii* [The defamation – a category of value judgment]. *Gosudarstvo i pravo* [State and Law], 2019, no. 7, pp. 173–178. DOI: <http://doi.org/10.31857/S013207690005891-2> [in Russian].

9. Golovenko P. V. *Ugolovnoe ulozhenie Federativnoi Respubliki Germaniya – Strafgesetzbuch (StGB) – Nauchno-prakticheskii kommentarii i perevod teksta zakona* [Criminal Code of the Federal Republic of Germany – Strafgesetzbuch (StGB) – Scientific and practical commentary and translation of the text of the law]. Universitätsverlag Potsdam. DOI: <http://doi.org/10.25932/publishup-47371> [in Russian].

10. The State Duma. Available at: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1074945-7> [in Russian].

11. Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation. Available at: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5259>; <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5669> [in Russian].

12. Nurkaeva T. N. *Ugolovno-pravovaya okhrana lichnosti, ee prav i svobod: voprosy teorii i praktiki* [Criminal legal protection of an individual, his rights and freedoms: issues of theory and practice]. Moscow: Prospekt, 2017, 256 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29310239> [in Russian].

13. Baranov V. M., Romashov R. A. *Dostoinstvo (chest') cheloveka v fokuse zlo-upotrebleniya pravom (doktrina, praktika, tekhnika)* [Human dignity (honor) in the aspect of abuse of right (doctrine, practice, technique)]. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii* [Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of Ministry of Internal Affairs of Russia], 2020, no. 1 (49), pp. 10–20. DOI: <http://doi.org/10.36511/2078-5356-2020-1-10-20> [in Russian].

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343.326

Дата поступления: 05.04.2021
рецензирования: 12.05.2021
принятия: 25.05.2021

Получение незаконного вознаграждения экс-должностным лицом: закон, теория, практика

А. В. Иванчин

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, г. Ярославль, Российская Федерация
E-mail: ivanchin@uniyar.ac.ru

Аннотация: В статье рассмотрены вопросы уголовно-правовой оценки ситуаций, когда должностное лицо за оговоренное вознаграждение совершает необходимые действия (бездействие) по службе, а само вознаграждение получает после утраты статуса должностного лица («отложенная взятка»). Автор критикует сложившуюся судебную практику квалификации подобных случаев как оконченного получения и дачи взятки, поскольку это прямо нарушает положения ст. 3, 8, 29, 290, 291 УК РФ. Если получатель вознаграждения – не должностное лицо, то квалифицировать его деяние как оконченное получение взятки должностным лицом недопустимо. В статье доказывается, что единственным правильным вариантом уголовно-правовой оценки содеянного в подобных случаях является вменение экс-чиновнику приготовления к получению взятки по ст. 290 УК РФ со ссылкой на ч. 1 ст. 30 УК РФ. В равной мере и в действиях взяткодателя в анализируемой ситуации с позиции действующей редакции уголовного закона автор усматривает лишь сговор с должностным лицом на дачу-получение взятки, т. е. приготовление к даче взятки, квалифицируемое по ст. 291 УК РФ со ссылкой на ч. 1 ст. 30 УК РФ. В завершение констатируется, что в УК РФ имеется очевидный пробел в рассматриваемой части, который требует устранения путем внесения поправок в уголовный закон (после тщательного и взвешенного обсуждения их проекта).

Ключевые слова: УК РФ; вознаграждение; получение незаконного вознаграждения; должностное лицо; взятка; отложенная взятка; оконченное преступление; приготовление к преступлению; покушение на преступление; судебная практика; доктрина; законодательный пробел.

Цитирование. Иванчин А. В. Получение незаконного вознаграждения экс-должностным лицом: закон, теория, практика // Юридический вестник Самарского университета. 2021. Т. 7, № 2. С. 57–62. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2021-7-2-57-62>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

© Иванчин А. В., 2021

Артем Владимирович Иванчин – доктор юридических наук, доцент, декан юридического факультета, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии, Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, 150003, Российская Федерация, г. Ярославль, ул. Советская, 14.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 05.04.2021
Revised: 12.05.2021
Accepted: 25.05.2021

Receipt of illegal remuneration by an ex-officer: law, theory, practice

A. V. Ivanchin

P. G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russian Federation
E-mail: ivanchin@uniyar.ac.ru

Abstract: The article deals with the issues of criminal-legal assessment of situations when an official for a specified remuneration performs the necessary actions (inaction) in the service, and the remuneration itself is received after the loss of the official's status («deferred bribe»). The author criticizes the established judicial practice of qualifying such cases as the final receipt and giving of a bribe, since it directly violates the provisions of Articles 3, 8, 29, 290, 291 of the Criminal Code of the Russian Federation. If the recipient of the remuneration is not an official, then his act can't be qualified as a completed bribe-taking by an official by virtue of the law. The article proves that the only correct variant of the criminal-legal assessment of the offense in such cases is the imputation for the ex-official the preparation for receiving a bribe under Article 290 of the Criminal Code with reference to Part 1 of Article 30 of the Criminal Code. Equally, in the actions of the bribe-giver in the analyzed situation from the standpoint of the current version of the criminal law, the author sees only a conspiracy with an official to give-receive a bribe, that is, preparation for giving a bribe, qualified under Article 291 of the Criminal Code with reference to Part 1 of Article 30 of the Criminal Code. In conclusion, it is stated that the Criminal Code of the Russian Federation has an obvious gap in investigated part, which requires elimination by amending the criminal law (after a thorough and balanced discussion of their draft).

Key words: Criminal Code of the Russian Federation; reward; receiving; responsible person; bribe; deferred bribe; completed crime; preparation; attempt; arbitrage practice; law; doctrine; legislative space.

Citation. Ivanchin A. V. *Poluchenie nezakonnogo voznaग्रazhdeniya eks-dolzhnostnym litsom: zakon, teoriya, praktika*

[Receipt of illegal remuneration by an ex-officer: law, theory, practice]. *Juridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2021, vol. 7, no. 2, pp. 57–62. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2021-7-2-57-62> [in Russian].

Information about the conflict of interests: author declares no conflict of interests.

© Ivanchin A. V., 2021

Artem V. Ivanchin – Doctor of Juridical Sciences, associate professor, dean of the Law Faculty, head of the Department of Criminal Law and Criminology, P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14, Sovetskaya Street, Yaroslavl, 150003, Russian Federation.

В следственно-судебной практике по делам о коррупционных преступлениях достаточно регулярно (пусть и нечасто) возникает необходимость уголовно-правовой оценки ситуаций, когда должностное лицо за оговоренное вознаграждение совершает необходимые действия (бездействие) по службе, а само вознаграждение получает после утраты статуса должностного лица. Несколько раз за последнее десятилетие подобные казусы встречались и в практике работы органов уголовной юстиции Ярославской области. Так, по одному из дел высокопоставленный чиновник областного правительства поспособствовал в ускорении со стороны подведомственного правительству учреждения подписания актов о приемке выполненных работ по форме КС-2, справки о стоимости выполненных работ и затрат по форме КС-3 по государственному контракту, а также в форсировании процесса оплаты выполненных работ по тому же государственному контракту. А вот денежное вознаграждение от директора коммерческой организации за все вышеперечисленное он получил после увольнения со своей должности [1]. Случаи получения вознаграждения экс-должностным лицом нередко именуются в среде правоприменителей как «отложенная взятка».

Возникает вопрос, как квалифицировать содеянное? Кто-то спросит, а в чем здесь проблема: нужно вменять получение взятки, и точка. И, кстати, именно по этому пути идет сегодня судебная практика, по крайней мере, имеющаяся в распоряжении автора этих строк (в вышеприведенном примере лицо было осуждено за окончательное получение взятки, хотя завладело ценностями после прекращения своего должностного положения). Не секрет, что нижестоящие суды ориентируются в этом вопросе на практику Верховного Суда РФ. Так, К. в 2012 г. был признан виновным в получении от П. взятки в виде денег в крупном размере за действия в пользу взяткодателя. В своей кассационной жалобе К. указывал на незаконность приговора, поскольку к моменту получения денег от П. был уволен из налоговых органов и уже не являлся должностным лицом. Вот что по этому поводу отметила кассационная инстанция Верховного Суда РФ, оставляя приговор в силе: «Судом сделан обоснованный вывод о том, что получение К. взятки в виде денег после увольнения не влияет на квалификацию содеянного» [2]. Как видим, аргументация данной позиции фактически отсутствует. В действительности проблемы в оценке таких ситуаций, на наш взгляд, имеются, и весьма сложные, а судебная практика нуждается, по нашему убеждению, в пересмотре.

Начнем рассуждение о квалификации содеянного в таких случаях с позиции закона. В силу ст. 290 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) субъектом получения взятки выступает исключительно должностное лицо, а объективная сторона данного преступления выражается в получении указанным специальным субъектом имущественной выгоды за поведение, связанное с его службой. При этом признаки субъекта преступления – неотъемлемая часть состава преступления, а последний, в свою очередь, согласно ст. 8 УК РФ, выступает юридическим основанием уголовной ответственности. Добавим также, что наличие в содеянном всех признаков состава преступления является критерием признания преступления окончательным (ч. 1 ст. 29 УК РФ). С этих позиций о наличии в рассматриваемой ситуации всех признаков состава получения взятки говорить не приходится. Ясно, что если получатель вознаграждения – уже не должностное лицо, то квалифицировать его деяние как окончательное получение взятки должностным лицом – значит, грубо попирает принцип законности.

С позиции доктрины, в частности ее раздела о должностных преступлениях, развиваемый нами взгляд является «прописной истиной». Еще до революции автор крупнейшего на тот момент исследования о должностных преступлениях В. Н. Ширяев писал, что виновниками взяточничества признаются лица, которые в силу лежащих на них особых полномочий публично-правового характера находятся к государственным, общественным и частным интересам в таком положении, которое дает им возможность причинять вред или ставить эти интересы в опасность: «Только эти лица, пока они обладают указанными полномочиями, могут быть виновниками должностных преступлений» [3, с. 518]. Много позже Б. В. Волженкин в развитие этого взгляда отмечал: «Должностные преступления – это деяния, посягающие на нормальную, регламентированную деятельность государственного аппарата и совершенные служащими (должностными лицами) этого аппарата с использованием своего служебного положения. (...) Это преступления лиц, которые вследствие предоставленных им государством полномочий по управлению находятся в особом положении как к государству, так и по отношению к гражданам, подчиненным управлению. Иначе говоря, это лица, наделенные публично-правовыми функциями» [4, с. 157–158]. Да и в любом современном комментарии или учебнике мы найдем четкое разъяснение того, что субъектом получения взятки может быть только должностное лицо [5, с. 675],

разумеется, без приставки «экс». Если ценности получает экс-чиновник, то о каком таком особом его положении можно говорить? Нет полномочий – нет со всей очевидностью и особого (должностного) положения.

Но, может быть, в таких ситуациях имеет место неоконченное преступление? Попробуем разобраться. Мы специально акцентировали внимание на том факте, что объективная сторона данного преступления выражается в получении должностным лицом имущественной выгоды за то или иное поведение, связанное с его службой. Соответственно, состав получения взятки – формальный, и преступление окончено в момент получения взятки (ее части) (п. 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 (ред. от 24.12.2019) «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях») (далее – Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24) [6]. В свою очередь, поведение, за которое субъект получает мзду, находится за рамками состава получения взятки. Поэтому совершение должностным лицом оговоренных сторонами коррупционной сделки действий по службе еще не означает начала выполнения объективной стороны преступления и само по себе как покушение на получение взятки расценено быть не может. В то же время есть основания вести речь о приготовлении к получению взятки, поскольку налицо сговор о совершении преступления и иное умышленное создание условий для совершения преступления, при этом преступление не было доведено до конца по не зависящим от этого лица обстоятельствам (ч. 1 ст. 30 УК РФ).

Правда, здесь есть тонкость. В ряде случаев должностное лицо, совершившее оговоренные действия и получившее уже после увольнения с должности обещанное вознаграждение, лишилось своего статуса по инициативе работодателя. А бывает иначе – такое лицо само уволилось. Думается, что в обоих случаях есть определенные основания считать преступление не доведенным до конца по не зависящим от этого лица обстоятельствам (ввиду объективного фактора – утраты лицом своего должностного статуса).

Таким образом, мы считаем правильным оценивать *по действующей редакции УК РФ* совершение должностным лицом обещанных действий (бездействия) по службе, а затем после утраты статуса должностного лица получение им вознаграждения как приготовление к получению взятки со ссылкой на ч. 1 ст. 30 УК РФ. И влечь уголовную ответственность оно будет во всех случаях, кроме получения простой взятки (ч. 1 ст. 290 УК РФ) и мелкой взятки (ст. 291.2 УК РФ), поскольку приготовление к преступлениям небольшой тяжести является уголовно ненаказуемым (ч. 2 ст. 30 УК РФ).

Единственное исключение, когда при получении взятки экс-должностным лицом можно, по нашему мнению, инкриминировать ему покушение на преступление – это ситуация вымогательства взятки в период наличия у лица должностного

положения (п. «б» ч. 5 ст. 290 УК РФ). Согласно п. 18 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24, под вымогательством взятки следует понимать требование должностного лица дать взятку, сопряженное с угрозой совершить действия (бездействие), которые могут причинить вред законным интересам лица, либо заведомое создание условий, при которых лицо вынуждено передать указанные предметы с целью предотвращения вредных последствий для своих правоохраняемых интересов [6]. Получается, что при вымогательстве взятки объективная сторона преступления расширяется и включает не только сам факт получения имущественной выгоды, но и вышеописанное поведение должностного лица (выдвижение им требований, создание соответствующих условий, ущемляющих интересы лица). Поэтому началом выполнения объективной стороны при вымогательстве взятки как раз и будет являться указанное поведение должностного лица. Следовательно, получение им ценностей после утраты своего должностного статуса имеются основания расценивать как покушение на получение взятки с ее вымогательством по ч. 3 ст. 30, п. «б» ч. 5 ст. 290 УК РФ.

Есть поводы обсуждать возможность вменения покушения на получение взятки экс-должностному лицу в любом случае, ведь кто-то может усмотреть здесь выполнение части объективной стороны (поскольку получение ценностей имеет место). Но, на наш взгляд, такой подход не основан на законе. Выполнение объективной стороны означает исполнение преступления, а исполнителем преступления, предусмотренного ст. 290 УК РФ, может выступать только указанный в ее диспозиции субъект – специальный, т. е. должностное лицо. Поэтому получение вознаграждения экс-специальным субъектом, как представляется, нельзя рассматривать в качестве выполнения части объективной стороны преступления.

Что касается взяткодателя, то в случае передачи им ценностей экс-должностному лицу также, разумеется, нельзя вменять ему оконченную дачу взятки по той очевидной причине, что в силу ст. 291 УК РФ она также должна быть передана только должностному лицу (действующему, а не бывшему). При этом и здесь сложным является вопрос о том, какой вид неоконченного преступления будет наличествовать в его действиях: приготовление или покушение? При покушении должно начаться выполнение объективной стороны преступления, и будто бы при передаче вознаграждения экс-чиновнику она формально выполняется: ценности-то передаются. С другой стороны, они передаются лицу, которое в силу закона уже не является субъектом преступления. Более того, взяткодатель может даже ссылаться на это, апеллируя к тому, что его действия не запрещены уголовным законом. Поэтому здесь не происходит выполнения части объективной стороны, значит, нет покушения на дачу взятки. Отсюда и в действиях взяткодателя в рассматриваемой ситуации с позиции

действующей редакции УК РФ мы усматриваем лишь сговор с должностным лицом о даче-получении взятки, т. е. приготовление к даче взятки, квалифицируемое по ст. 291 УК РФ со ссылкой на ч. 1 ст. 30 УК РФ (причем приготовление применительно к ч. 1 и ч. 2 ст. 291, равно как и приготовление к передаче мелкой взятки, уголовно не наказуемо в силу ч. 2 ст. 30 УК РФ).

Однако необходимо сделать две ремарки. Первая. Не следует забывать, что само по себе поведение чиновника по службе, обусловленное обещанным ему вознаграждением, полученным после увольнения с должности, также может образовывать состав преступления. В соответствии с п. 22 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 совершение должностным лицом за взятку действий (бездействия), образующих самостоятельный состав преступления, не охватывается объективной стороной преступлений, предусмотренного ст. 290 УК РФ. В таких случаях содеянное взяткополучателем подлежит квалификации по совокупности преступлений как получение взятки за незаконные действия по службе и по соответствующей статье Особенной части УК РФ, предусматривающей ответственность за злоупотребление должностными полномочиями, превышение должностных полномочий, служебный подлог, фальсификацию доказательств и т. п. [6]. Следовательно, бывшему должностному лицу, помимо приготовления к получению взятки, следует вменить преступление, которое явилось предметом коррупционной сделки.

Приведем пример. Сотрудник ГИБДД М. оставил автомобиль под управлением А., находившегося в сильной степени алкогольного опьянения. А., боясь быть лишеным права управления автомобилем, предложил полицейскому договориться «по-хорошему», пояснил, что работает шофером, растит троих малолетних детей и что, получив зарплату, всю ее отдаст М. Поверив А. и желая «подзаработать», М. отпустил нарушителя ПДД, оставив ему свой номер телефона. По прошествии года, когда М. уже уволился из ГИБДД, ему позвонил А., сказал, что его «заела совесть» и что он желает «вернуть должок». При встрече М. сказал, что уже уволился из полиции и забыл тот случай, но А. в знак благодарности передал ему 30 000 рублей.

В данной ситуации, экс-сотруднику ГИБДД М., по нашему мнению, необходимо вменить ч. 1 ст. 30, ч. 3 ст. 290 и ч. 1 ст. 285 УК РФ. Имеет место сговор о получении взятки в значительном размере за незаконные действия. И налицо явное злоупотребление должностными полномочиями в форме бездействия (неисполнение предусмотренной законом обязанности по составлению протокола об административном правонарушении и неприменение иных административных мер к лицу, управляющему автомобилем в состоянии опьянения). Мотив личной заинтересованности А. с очевидностью также наличествует. Соответственно, в действиях А. усматривается приготовление к

даче взятки в значительном размере за незаконные действия и подстрекательство к злоупотреблению должностными полномочиями (ч. 1 ст. 30, ч. 3 ст. 291 и ч. 4 ст. 33, ч. 1 ст. 285 УК РФ).

Вторая ремарка. Полагаем, что если экс-чиновник не сообщает лицу, передающему ему ценности, об утрате своего должностного статуса, то квалификация его действий должна быть такой же (приготовление к получению взятки). В анализируемой нами ситуации в свою бытность должностным лицом субъект выполнил все обещанное по службе, и получение им вознаграждения после увольнения образует приготовление к получению взятки (ввиду наличия сговора об этом, состоявшегося в период наличия должностного статуса). Иными словами, здесь нельзя вести речь о мошенничестве, все обещанное за вознаграждение лицо совершило (иными словами, отсутствует признак безвозмездности как обязательный атрибут любого хищения). А вот действия взяткодателя при таком (новом) условии (когда экс-чиновник умолчал об утрате своего служебного положения), по нашему мнению, требуют новой уголовно-правовой оценки. Если передающий ценности полагает, что они вручаются действующему, а не бывшему должностному лицу (хотя это не так), то взяткодателю следует, на наш взгляд, вменить покушение на дачу взятки по правилам о фактической ошибке с учетом направленности его умысла.

Теперь посмотрим, как рассматриваемая ситуация оценивается в доктрине. К сожалению, в специальных источниках по проблемам квалификации коррупционных преступлений этот вопрос оставлен без внимания. Лишь в единичных работах предпринята попытка найти ответ на него. Так, П. С. Яни подвергает критике рекомендацию квалифицировать как получение взятки принятие лицом ценностей как незаконного вознаграждения за действия (бездействие) по службе, которые оно совершило в качестве должностного лица, тогда как на момент принятия ценностей это лицо должностным уже не являлось, будучи уволенным с соответствующей должности, в частности на пенсию. По его мнению, «описание объективной стороны получения взятки сформулировано в ст. 290 УК РФ так, что это, как представляется, исключает привлечение к уголовной ответственности даже и такого должностного лица, которое приняло вознаграждение за законные либо незаконные действия по службе, если в момент принятия ценностей данные действия это должностное лицо совершить не могло» [7, с. 22]. Всецело подерживая приведенное мнение авторитетного специалиста, отметим, что в его статье, к сожалению, не дан ответ на вопрос о том, как же в таком случае квалифицировать содеянное.

Итак, надо признать прямо и открыто: в УК РФ имеется *пробел* в части установления уголовной ответственности для лица, получившего незаконное вознаграждение за совершенные по службе действия (бездействие) после утраты им должностного статуса. Именно поэтому (из-за наличия норма-

тивного пробела) отдельные наши умозаключения об оптимальных вариантах квалификации с позиции действующей (к сожалению, безупречной) редакции УК РФ содержат «натяжки». Так, нами предлагается квалифицировать действия чиновника как приготовление к получению взятки ввиду его сговора со взяткодателем. Но в силу закона (ч. 1 ст. 30 УК РФ) приготовлением признается преступление, прерванное по обстоятельствам, не зависящим от лица. А если экс-чиновник заранее имел план получения ценностей после увольнения и на допросе в этом честно признается: дескать, давно хотел уволиться со службы, но решил получить «золотой парашют»; поэтому все обещанное взяткодателю исполнил, а деньги попросил его принести после моего увольнения, зная, что за коррупцию отвечают действующие сотрудники, – можно ли трактовать такие обстоятельства как «не зависящие от лица»? Думается, что с натяжкой, в некотором смысле вынужденно, пытаясь на уровне толкования восполнить пробел уголовного закона. Но за это желание, возможно, несколько оправдываемое идеей непримиримой борьбы с коррупцией, мы заранее перед знатоками уголовного права извиняемся.

Но если есть пробел, его нужно устранять. Причем способ устранения анализируемого дефекта закона (формулирование самостоятельного уголовно-правового запрета либо корректировка существующих в УК РФ норм о взяточничестве) требует весьма взвешенного и тщательного обсуждения. Экс-должностное лицо может получить вознаграждение, которое ему было обещано, и через десять-двадцать лет. Надо ли криминализовать такие деяния независимо от срока, прошедшего после увольнения? Надо ли вводить в закон признак обусловленности вознаграждения действиями (бездействием) экс-чиновника по службе? Например, глава администрации много и бескорыстно помогал директору строительной фирмы, закрывая глаза на отдельные нарушения в деятельности последнего. Затем уволился и спустя несколько лет, испытывая острую нужду в день-

гах, обратился к данному бизнесмену с просьбой о помощи, ссылаясь на все то, что делал для него в свою бытность чиновником. Надо ли криминализовать такие случаи благодарности, если заранее не предполагалось встречное имущественное предоставление? Сомневаемся, и с этих позиций признак обусловленности, характерный для взятки-подкупа, был бы весьма желателен при проектировании поправок, направленных на устранение рассматриваемого пробела в уголовном законе.

Подчеркнем, что в настоящей статье ввиду периодически возникающих в следственно-судебной практике ситуаций мы посчитали полезным дать рекомендации *de lege lata*: как применять действующий уголовный закон. Понятно, что практики должны квалифицировать содеянное «здесь и сейчас», не довольствуясь ссылками ученых на наличие пробела в законе и необходимость его скорейшего устранения. Однако не любой путь правильный. Судебная практика, пусть и небогато представленная в открытых источниках (с вменением при исследуемых обстоятельствах окончательных получения и дачи взятки), заслуживает резко критической оценки. Квалификация получения вознаграждения экс-должностным лицом как окончательного преступления, субъектом которого в силу закона выступает только действующее должностное лицо, грубейшим образом нарушает положения ст. 8, 29 и 290 УК РФ и в целом принцип законности (ст. 3 УК РФ). Данная практика требует безусловного, на наш взгляд, пересмотра с указанием на необходимость квалификации содеянного как неоконченного получения-дачи взятки (на уровне решений Верховного Суда РФ с их публикацией в обзорах практики либо путем разъяснения подобных ситуаций Пленумом Верховного Суда РФ).

Что касается нашего видения вопросов *de lege ferenda*, т. е. каким именно образом резоннее всего законодателю восполнить пробел в рассматриваемой части в УК РФ, то, как говорит ведущий одной популярной телепрограммы (кстати, так же, как и наша статья, посвященной криминальной тематике), «это уже совсем другая история».

Библиографический список

1. Приговор Кировского районного суда города Ярославля от 26.02.2018 по делу № 1-8/2018 (по ч. 6 ст. 290 УК РФ). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
2. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 25.12.2012 по делу № 4-О12-105СП. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 23.03.2021).
3. Ширяев В. Н. Взятничество и лихоительство в связи с общим учением о должностных преступлениях. Уголовно-юридическое исследование. Ярославль: Типография Губернского Правления, 1916. 570 с. URL: <https://www.litres.ru/v-shiryayev/vzyatochnichestvo-i-lihodatelstvo-v-svyazi-s-obschim-ucheniem-o-dolzhnostnyh-prestupleniyah-ugolovno-uridicheskoe-issledovanie/>.
4. Волженкин Б. В. Избранные труды по уголовному праву и криминологии (1963–2007 гг.). Санкт-Петербург: Издательство Р. Арсланова «Юридический центр Пресс», 2008. 971 с. URL: https://royallib.com/read/volgenkin_boris/izbrannye_trudi.html#0.
5. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный). / под ред. Г. А. Есакова. 9-е изд., перераб. и доп. Москва: Проспект, 2021. 864 с.
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 (ред. от 24.12.2019) «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях». Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_149092.

7. Яни П. С. Получить взятку может только должностное лицо // Законность. 2014. № 7 (957). С. 20–24. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21992059>.

References

1. *Prigovor Kirovskogo raionnogo suda goroda Yaroslavya ot 26.02.2018 po delu № 1-8/2018 (po ch. 6 st. 290 UK RF)* [Verdict of the Kirovsky District Court of the city of Yaroslavl dated 26.02.2018 with regard to case № 1-8/2018 (according to part 6 of Article 290 of the Criminal Code of the Russian Federation)]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus» [in Russian].
2. *Kassatsionnoe opredelenie Verkhovnogo Suda RF ot 25.12.2012 po delu № 4-O12-105SP* [Cassation ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated 25.12.2012 with regard to case № 4-O12-105SP]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus» (accessed 23.03.2021) [in Russian].
3. Shiryaev V. N. *Vzyatochnichestvo i likhodatel'stvo v svyazi s obshchim ucheniem o dolzhnostnykh prestupleniyakh. Ugolovno-yuridicheskoe issledovanie* [Bribery and covetousness in connection with the general doctrine of the main crimes. Criminal law research]. Yaroslavl: Tipografiya Gubernskogo Pravleniya, 1916, 570 p. Available at: <https://www.litres.ru/v-shiryaev/vzyatochnichestvo-i-lihodatelstvo-v-svyazi-s-obshchim-ucheniem-o-dolzhnostnyh-prestupleniyah-ugolovno-uridicheskoe-issledovanie> [in Russian].
4. Volzhenkin B. V. *Izbrannye trudy po ugolovnomu pravu i kriminologii (1963–2007 gg.)* [Selected works on criminal law and criminology (1963–2007)]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo R. Arslanova «Yuridicheskii tsentr Press», 2008, 971 p. Available at: https://royallib.com/read/volzhenkin_boris/izbrannye_trudi.html#0 [in Russian].
5. *Kommentarii k Ugolovnomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii (postateinyi). Pod red. G.A. Esakova. 9-e izd., pererab. i dop.* [Esakov G.A. (Ed.) Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation (itemized)]. Moscow: Prospekt, 2021, 864 p. [in Russian].
6. *Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 09.07.2013 № 24 (red. ot 24.12.2019) «O sudebnoi praktike po delam o vzyatochnichestve i ob inykh korrupsionnykh prestupleniyakh»* [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 09.07.2013 № 24 (as amended on 24.12.2019) «On judicial practice in cases of bribery and other corruption crimes»]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus». Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_149092 [in Russian].
7. Яни П. С. *Poluchit' vzyatku mozhet tol'ko dolzhnostnoe litso* [An official can only take a bribe]. *Zakonnost'*, 2014, no. 7 (957), pp. 20–24. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21992059> [in Russian].

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС CRIMINAL PROCESS

DOI: 10.18287/2542-047X-2021-7-2-63-69

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343.1

Дата: поступления статьи: 11.03.2021
после рецензирования: 20.04.2021
принятия статьи: 25.05.2021

Орган предварительного следствия в современном российском уголовном процессе

И. С. Дикарев

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация
E-mail: iliadikarev@volsu.ru

Аннотация: В современном российском уголовном процессе роль руководителя следственного органа возросла настолько, что ни о какой процессуальной самостоятельности следователя говорить уже не приходится. Такое положение в юридической литературе подвергается критике, отмечается необходимость возвращения следователю прежнего процессуального статуса. По мнению автора статьи, сложившееся положение не следует рассматривать как проблему, поскольку в условиях изменившейся уголовно-процессуальной регламентации следователь более не является единоличным органом предварительного следствия. Предварительное расследование осуществляется совместными усилиями следователя и руководителя следственного органа, которому отведены руководящая и контролирующая роли. По сути, есть основания говорить о коллегиальности современного предварительного следствия. При этом органом предварительного следствия в настоящее время выступает следственный орган, в связи с чем и процессуальная самостоятельность должна обеспечиваться не следователю, а следственному органу.

Ключевые слова: досудебное производство; предварительное следствие; следственный орган; следователь; процессуальная самостоятельность.

Цитирование. Дикарев И. С. Орган предварительного следствия в современном российском уголовном процессе // Юридический вестник Самарского университета. 2021. Т. 7, № 2. С. 63–69. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2021-7-2-63-69>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Дикарев И. С., 2021

Илья Степанович Дикарев – доктор юридических наук, доцент, директор Института права, Волгоградский государственный университет, 400062, Российская Федерация, г. Волгоград, проспект Университетский, 100.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 11.03.2021
Revised: 20.04.2021
Accepted: 25.05.2021

Body of preliminary investigation in the modern Russian criminal proceeding

I. S. Dikarev

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation
E-mail: iliadikarev@volsu.ru

Abstract: In the modern Russian criminal proceeding the role of the head of the investigative body has increased so much that it is no longer necessary to talk about any procedural independence of the investigator. This situation is highly criticized in the legal literature and the researchers note the necessity to return the investigator to the former procedural status. According to the author of the article, the current state of the issue should not be considered problematic since in the conditions of the changed criminal procedure regulations the investigator is no longer a single body of the preliminary investigation. The preliminary investigation is carried out jointly by the investigator and the head of the investigative body, who is assigned a leading and controlling role. In fact, there are grounds to speak about the collegiality of the modern preliminary investigation. At the same time, the preliminary investigation body is currently an investigative body and therefore procedural independence should be provided not to the investigator, but to the investigative body.

Key words: pre-trial proceedings; preliminary investigation; investigative body; investigator; procedural independence.

Citation. Dikarev I. S. *Organ predvaritel'nogo sledstviya v sovremennom rossiiskom ugovnom protsesse* [Body of preliminary investigation in the modern Russian criminal proceedings]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2021, vol. 7, no. 2, pp. 63–69. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2021-7-2-63-69> [in Russian].

Information about the conflict of interests: author declares no conflict of interests.

© Dikarev I. S., 2021

Iliia S. Dikarev – Doctor of Juridical Sciences, associate professor, head of the Institute of Law, Volgograd State University, 100, Universitetsky Avenue, Volgograd, 400062, Russian Federation.

Проблема процессуальной самостоятельности следователя в отечественной теории уголовного судопроизводства никогда не уходила на второй план. Особую остроту она приобрела в последнее десятилетие в связи с проведенной в 2007 году реформой досудебного производства по уголовным делам. Результатом произошедших преобразований стала существенная трансформация уголовно-процессуальных отношений между властными субъектами досудебного производства – следователем, руководителем следственного органа и прокурором. В юридической литературе обращается внимание на масштабное увеличение властных полномочий руководителя следственного органа, которое «изменило процессуальное положение следователя, поставив его в положение лица, практически полностью утратившего самостоятельность во взаимоотношениях с руководителем следственного органа» [1, с. 61]. В этой связи исследователи констатируют, что зависимость следователя от руководителя следственного органа в настоящее время – свершившийся факт [2, с. 14]. Соответственно, и деятельность руководителя следственного органа во взаимоотношениях со следователем, в некоторых диссертационных исследованиях определяется как «процессуальное властвование» [3, с. 13].

Усиление роли руководителя следственного органа многие ученые-процессуалисты оценивают негативно. «В руках этого участника, – писал С. А. Шейфер, – оказались сосредоточенными широчайшие полномочия, в том числе и такие, которые существовали и в большей мере, чем прежде, ограничивают процессуальную самостоятельность следователя» [4, с. 118]. По мнению В. М. Корнукова, действующая законодательная регламентация процессуальной деятельности следователя «связывает его, делает зависимым от руководителя следственного органа и прокурора» [5].

Исследователи сходятся во мнении, что в современных условиях уровень процессуальной самостоятельности снизился [6, с. 10], что процессуальная самостоятельность «в реальной практике предварительного следствия существует теперь как иллюзия, т. е. нечто несбыточное, мечта» [7, с. 180], что она превратилась в «правовую фикцию» [8, с. 174], «является фиктивной...» [9, с. 3]. По мнению Т. Ю. Поповой, зависимость от руководителя следственного органа «не позволяет следователю идентифицировать себя как лицо процессуально самостоятельное и административно независимое» [10, с. 10].

Действительно, роль руководителя следственного органа в досудебном производстве возросла настолько, что ни о какой независимости следователя, если понимать под таковой возможность «произвести действия и принять решение по уго-

ловному делу, согласуясь только со своим внутренним убеждением» [11, с. 29], «единовластно и эффективно направлять ход расследования, принимать и реализовывать решения, предусмотренные уголовно-процессуальным законом» [8, с. 55], говорить в настоящее время не приходится.

Вместе с тем такое положение не следует рассматривать как проблему. Утрата следователем процессуальной самостоятельности – закономерный результат реформы досудебного производства, углубления специализации в обвинительной власти, выразившейся в выделении самостоятельной власти следственной.

Сторонники возвращения следователю былой процессуальной самостоятельности, очевидно, исходят из того, что именно следователь по-прежнему является органом предварительного следствия. Такой взгляд сложился еще в советской уголовно-процессуальной науке и вполне соответствовал законодательству того времени. Напомним, что в ст. 125 УПК РСФСР 1960 г., носившей название «Органы предварительного следствия», прямо говорилось о том, что предварительное следствие по уголовным делам производится следователями, а ст. 30 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1958 г. закрепляла, что при производстве предварительного следствия все решения о направлении следствия и о производстве следственных действий следователь принимал самостоятельно, неся полную ответственность за их законное и своевременное проведение. Санкционирование отдельных процессуальных действий прокурором было скорее исключением из этого общего правила, не дававшим повода сомневаться в ключевой роли следователя на досудебных стадиях уголовного процесса. В этой связи М. С. Строгович совершенно справедливо в то время писал о том, что органом предварительного следствия является именно следователь, т. е. «органы предварительного следствия – не учреждения и организации, а лица, занимающие не только определенное положение в государственном аппарате, но и определенное процессуальное положение в уголовном судопроизводстве» [12, с. 44]. Того же взгляда придерживались и другие ученые, например, В. Т. Томин, который уже много позднее, в 1991 г., отмечал, что «орган предварительного следствия – это не следственный аппарат, а следователь», а потому «...необходимо озаботиться самостоятельностью следователя внутри аппарата» [13, с. 403].

Однако организация досудебного производства в условиях изменившейся уголовно-процессуальной регламентации не позволяет более считать следователя единоличным органом предварительного следствия.

Да, следователь по-прежнему принимает дело к своему производству, а закон декларирует его

полномочие «самостоятельно направлять ход расследования, принимать решение о производстве следственных и иных процессуальных действий» (п. 3 ч. 2 ст. 38 УПК РФ). Однако в нынешних условиях следователь не в состоянии единолично и самостоятельно расследовать уголовное дело. *Неотъемлемой составляющей производства и завершения предварительного расследования является деятельность руководителя следственного органа.* И речь идет уже не столько о процессуальном контроле, сколько о деятельном личном участии руководителя следственного органа в предварительном расследовании.

Чтобы понять причины произошедшего, необходимо проанализировать, как менялась организация обвинительной власти с момента принятия уголовно-процессуального законодательства 2001 года. Как уже было сказано, до этого времени именно следователь являлся органом предварительного следствия, в связи с чем необходимость обеспечения его процессуальной самостоятельности ни у кого не вызывала сомнений. Законодательным решением, формально запустившим процесс модернизации организации досудебного производства стало отнесение в УПК РФ прокурора к стороне обвинения с наделением полномочиями по руководству расследованием, которые в своей совокупности придали ему статус главы обвинительной власти в досудебном производстве. В свое время этот момент очень четко подметил В. Л. Будников: «Существенное расширение процессуальных полномочий прокурора в досудебном уголовном производстве столь же масштабно изменяет общую систему его организации и производства, поскольку деятельность следователя и дознавателя по установлению обстоятельств совершенного преступления теперь находится в общей канве осуществляемого прокурором уголовного преследования...» [14, с. 23]. Именно тогда впервые была поставлена под сомнение процессуальная самостоятельность отдельных должностных лиц, осуществляющих публичное уголовное преследование, ведь следователь и дознаватель оказались подчинены одному алгоритму процессуальной деятельности, который определяет для них прокурор [14, с. 23].

Следующим этапом модернизации досудебного производства по уголовным делам стала реформа 2007 года. Ее ключевым результатом явилось разделение прежде единой, сосредоточенной в руках прокурора обвинительной власти на две ветви – следственную и прокурорскую [15]. Выразилось это, во-первых, в передаче руководителю следственного органа ранее принадлежавших прокурору полномочий, связанных с непосредственным участием в уголовном преследовании на досудебных стадиях уголовного процесса и процессуальным руководством органами предварительного следствия, а во-вторых, в обособлении надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия в качестве самостоятельной процессуальной функции прокурора [16, с. 29].

Как пишет В. Д. Потапов, «произошел перенос центра управления системой предварительного следствия от прокурора к руководителю следственного органа. Более того, произошло общее ослабление роли прокурора в системе досудебного производства...» [17, с. 26].

Как следствие, процессуальная роль руководителя следственного органа возросла настолько, что без деятельного участия этого субъекта, то есть силами одного лишь следователя, произвести предварительное расследование в настоящее время попросту невозможно. Так, некоторые процессуальные решения по уголовному делу могут приниматься только руководителем следственного органа: о соединении уголовных дел, о создании следственной группы, о возбуждении перед судом ходатайства о разрешении отмены постановления о прекращении уголовного дела или уголовного преследования (ч. 1.1 ст. 214 УПК РФ) и др. Далее, целый ряд процессуальных решений следователя требует согласования или утверждения со стороны руководителя следственного органа. При этом, поскольку без «одобрения» руководителем следственного органа соответствующие правоприменительные акты юридической силы не приобретают, есть все основания говорить о том, что они являются выражением властной воли не одного, а обоих должностных лиц [18]. Другими словами, участие в принятии таких процессуальных решений позволяет рассматривать руководителя следственного органа как их «соавтора», а сами эти процессуальные акты – как результат совместной деятельности следователя и руководителя следственного органа. Наконец, уголовно-процессуальный закон предоставляет руководителю следственного органа возможность непосредственно участвовать в производстве предварительного расследования, что выражается в его полномочиях самостоятельно возбуждать уголовное дело и производить по нему предварительное следствие, лично допрашивать подозреваемого, обвиняемого, в отношении которого решается вопрос о возбуждении перед судом ходатайства об избрании меры пресечения, и др. При этом в юридической литературе высказываются предложения, направленные на еще большую интеграцию руководителя следственного органа в процесс расследования подчиненными следователями уголовных дел: о наделении его полномочиями лично участвовать в производстве отдельных процессуальных действий, самостоятельно производить отдельные из них [19, с. 20], принимать решение о привлечении лица в качестве обвиняемого [3, с. 14] и др. Все это позволяет констатировать, что *производство предварительного расследования в настоящее время осуществляется следователем и руководителем следственного органа совместно, причем при сохранении за последним руководящей и контролирующей роли.* По сути, можно говорить о возрождении в российском уголовном процессе **коллегальности предварительного следствия.**

Данный вывод подтверждается и результатами других исследователей. «Следственный комитет, – пишет Ю. А. Цветков, – является многофункциональной организацией, в которой единая функция по осуществлению предварительного следствия разделена между следователем и руководителем следственного органа» [20, с. 55]. При этом не следует упускать из виду, что следователь и руководитель следственного органа осуществляют совместную процессуальную деятельность не изолированно друг от друга, а будучи организационно объединенными в системе, именуемой следственным органом. Собственно говоря, эти должностные лица и образуют следственный орган. В юридической литературе даже предлагается закрепить понятие «следственный орган» как специализированное объединение должностных лиц, уполномоченных уголовно-процессуальным законом осуществлять от имени государства досудебное уголовное судопроизводство [19, с. 10]. Соответственно, если следователь и руководитель следственного органа осуществляют предварительное расследование, будучи структурно организованными в рамках следственного органа, значит, именно следственный орган выступает в качестве органа предварительного следствия.

Данный подход полностью объясняет ослабление процессуальной самостоятельности следователя. Процессуально самостоятельным должен быть орган предварительного следствия, а таковым теперь является следственный орган. Как верно отмечает А. О. Бекетов, «органом расследования, обладающим полноценной процессуальной самостоятельностью, в системе сложившихся правоотношений является следственный орган в лице следователя и его руководителя» [21, с. 23]. Что же касается следователя, то он занял место одного из элементов системы следственного органа. В связи с этим вопрос о процессуальной самостоятельности следователя по отношению к руководителю следственного органа, который представляет возглавляемое следственное подразделение, явля-

ется столь же неуместным, что и вопрос о самостоятельности элемента по отношению к системе, в которую он входит.

Таким образом, наблюдаемое в настоящее время ограничение процессуальной самостоятельности – это не посягательство на права отдельного участника, а результат трансформации самой модели организации досудебного производства, изменения субъекта производства предварительного следствия.

Самостоятельность необходима органу предварительного следствия для обеспечения объективности и результативности его деятельности. Поскольку в настоящее время органом предварительного следствия является следственный орган, именно его самостоятельность и независимость приобретают первостепенное значение. Причем данная задача вполне успешно решается благодаря проведенному разделению обвинительной власти на следственную и прокурорскую. Такое разделение отчетливо просматривается не только в современном устройстве правоохранительных органов, но и в уголовно-процессуальном законодательстве.

Следователь и руководитель следственного органа взаимодействуют в ходе совместного производства предварительного расследования по уголовному делу. И хотя основной объем работы выполняет следователь, руководителю следственного органа как главе органа предварительного следствия принадлежит право как управления процессом расследования, так и личного участия в нем. Соответственно, все процессуальные механизмы, предназначенные для разрешения разногласий между руководителем следственного органа и следователем, рассматривать в настоящее время как инструменты обеспечения процессуальной самостоятельности последнего неверно. Их предназначение состоит лишь в том, чтобы минимизировать риск ошибки в тех ситуациях, когда обстоятельства дела получают противоречивые оценки внутри системы, именуемой следственным органом.

Библиографический список

1. Ташимова А. А., Прокофьева С. М. Некоторые проблемы процессуальной самостоятельности следователя под ведомственным контролем руководителя следственного органа и надзором прокурора // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. № 3 (67). С. 58-63. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25511463>.
2. Горюнов В. В. Процессуальная самостоятельность следователя в свете реформы следственного аппарата // Российский следователь. 2012. № 19. С. 13–15.
3. Шабунин В. А. Руководитель следственного органа: нормативное регулирование и практика осуществления процессуальных функций и полномочий: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2013. 43 с. URL: <http://test.ssla.ru/dissertation/referats/23-07-2013-4.pdf>.
4. Шейфер С. А. Следственная власть: история и современность // Уголовная юстиция: связь времен. Избранные материалы международной научной конференции. Санкт-Петербург, 6–8 октября 2010 года / сост. А. В. Смирнов, К. Б. Калиновский. Москва, 2012. С. 111–120. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42842630>; <https://www.iauj.net/node/478>.
5. Корнуков В. М. Процессуальные полномочия, профессиональное мастерство и ответственность следователя: взаимосвязь и перспективы совершенствования // Стратегии уголовного судопроизводства: материалы

международной науч. конф., посвящ. 160-летней годовщине со дня рождения проф. И. Я. Фойницкого. 11–12 октября 2007 г. (Санкт-Петербург). Санкт-Петербург, 2007. URL: https://www.iaaj.net/1_oldmasp/modules.php?name=News&file=article&sid=196 (дата обращения: 25.02.2021).

6. Бабич А. В. Процессуальная самостоятельность и независимость следователя как основа его статуса в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2012. 30 с. URL: <http://test.ssa.ru/dissertation/referats/26-01-2012-3.pdf>.

7. Семенцов В. А. О некоторых иллюзиях процессуальной самостоятельности следователя // Новое в уголовном, уголовно-процессуальном и уголовно-исполнительном законодательстве: основные тенденции и перспективы совершенствования: сб. науч. тр. Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 45-летию со дня образования Волгоградской академии МВД России, Волгоград, 31 мая – 1 июня 2012 г. / отв. ред. В. И. Третьяков. Волгоград, 2013. С. 172–180. URL: <https://volsu.ru/download.php?id=03109693-1.pdf>.

8. Огородов А. Н. Процессуальная самостоятельность следователя в уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2018. 251 с. URL: <https://www.disserscat.com/content/protsessualnaya-samostoyatel'nost-sledovatelya-v-ugolovnom-sudoproizvodstve>.

9. Арсенова Т. Б. Процессуальная самостоятельность лиц, осуществляющих досудебное производство по уголовным делам // Российский следователь. 2009. № 18. С. 2–4. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=13032651>.

10. Попова Т. Ю. Уголовно-процессуальный статус руководителя следственного органа: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2012. 30 с. URL: <https://www.disserscat.com/content/ugolovno-protsessualnyi-status-rukovoditelya-sledstvennogo-organa/read>.

11. Балакшин В. Независимый – зависимый следователь // Законность. 2011. № 10. С. 29–34. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17011182>.

12. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. Т. II. Москва: Наука, 1970. 516 с. URL: <http://biblio.crimlib.info/www/showBook.php?id=72>.

13. Томин В. Т. Избранные труды / предисл. С. П. Гришина. Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2004. 586 с. URL: <https://iknigi.net/avtor-valentin-tomin/98478-izbrannye-trudy-valentin-tomin/read/page-1.html>.

14. Будников В. Л. Корпоративность досудебного уголовного производства // Адвокатская практика. 2007. № 4. С. 22–25.

15. Дикарев И. С. Следственная власть как ветвь власти обвинительной // Создание и развитие модели органов предварительного расследования в Российской империи: материалы Всероссийской науч.-практ. конф. (Москва, 24 сентября 2020 года) / под общ. ред. Д. Н. Кожухарика. Москва: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2020. С. 124–127. URL: <https://www.iaaj.net/node/2961>.

16. Дикарев И. С. Спорные вопросы организации досудебного производства по уголовным делам // Российская юстиция. 2016. № 5. С. 27–30. URL: <https://www.iaaj.net/node/2095>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26009616>.

17. Потапов Д. В. Проблемы взаимодействия следователя, руководителя следственного органа и прокурора в досудебном производстве по уголовному делу: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2019. 206 с. URL: <https://www.disserscat.com/content/problemny-vzaimodeystviya-sledovatelya-rukovoditelya-sledstvennogo-organa-i-prokurora-v-dosud>.

18. Дикарев И. С. Уголовно-процессуальные акты досудебного производства // Уголовное судопроизводство. 2020. № 2. С. 31–35.

19. Чечулин И. В. Процессуальные полномочия руководителя следственного органа и их реализация в досудебном производстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2013. 25 с.

20. Цветков Ю. А. Процессуальная самостоятельность следователя в современной парадигме досудебного производства // Российский следователь. 2014. № 14. С. 52–56. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21809571>; <https://wiselawyer.ru/poleznoe/75386-processualnaya-samostoyatel'nost-sledovatelya-sovremennoj-paradigme-dosudebnogo-proizvodstva>.

21. Бекетов А. О. Процессуальная самостоятельность следственного органа // Научный вестник Омской академии МВД России. 2017. № 3 (66). С. 20–24. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30017390>.

References

1. Tashimova A. A., Prokofyeva S. M. *Nekotorye problemy protsessual'noi samostoyatel'nosti sledovatelya pod vedomstvennym kontrolom rukovoditelya sledstvennogo organa i nadzorom prokurora* [Some problems of the relationship between procedural independence of the investigator under the control of investigating organ's head and prosecutor's supervision]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii* [Vestnik of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2015, no. 3 (67), pp. 58–63. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25511463> [in Russian].

2. Goryunov V. V. *Protsessual'naya samostoyatel'nost' sledovatelya v svete reformy sledstvennogo apparata* [Procedural autonomy of the investigator in view of the reform of investigative branch]. *Rossiiskii sledovatel'* [Russian Investigator], 2012, no. 19, pp. 13–15. Available at: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/58817-processualnaya-samostoyatel'nost-sledovatelya-svete-reformy-sledstvennogo-apparata>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=18758748> [in Russian].

3. Shabunin V.A. *Rukovoditel' sledstvennogo organa: normativnoe regulirovanie i praktika osushchestvleniya protsessual'nykh funktsii i polnomochii: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Head of the investigative body: regulatory regulation and practice of the exercise of procedural functions and powers: author's abstract of Candidate's of Legal Sciences thesis]. Saratov, 2013, 43 p. Available at: <http://test.ssla.ru/dissertation/referats/23-07-2013-4.pdf> [in Russian].
4. Sheifer S. A. *Sledstvennaya vlast': istoriya i sovremennost'* [Investigative power: history and modernity]. In: *Ugolovnaya yustitsiya: svyaz' vremen. Izbrannye materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Sankt-Peterburg, 6–8 oktyabrya 2010 goda. Sost. A. V. Smirnov, K. B. Kalinovskii* [Smirnov A. V., Kalinovskiy K. B. Criminal justice: the connection of times. Selected materials of the international scientific conference. Saint Petersburg, October 6–8, 2010]. Moscow, 2012, pp. 111–120. Available at: URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42842630>; <https://www.iaaj.net/node/478> [in Russian].
5. Kornukov V. M. *Protsessual'nye polnomochiya, professional'noe masterstvo i otvetstvennost' sledovatelya: vzaimosvyaz' i perspektivy sovershenstvovaniya* [Procedural powers, professional skill and responsibility of the investigator: relationship and prospects for improving]. In: *Strategii ugolovnogo sudoproizvodstva: materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 160-letnei godovshchine so dnya rozhdeniya prof. I. Ya. Foinitskogo. 11–12 oktyabrya 2007 g. (Sankt-Peterburg)* [Strategies of criminal proceedings: materials of the international scientific conference dedicated to the 160th anniversary of the birth of professor I. Ya. Foinitskiy. October 11–12, 2007 (Saint Petersburg)]. Saint Petersburg, 2007. Available at: https://www.iaaj.net/1_oldmasp/modules.php?name=News&file=article&sid=196 (accessed 25.02.2021) [in Russian].
6. Babich A. V. *Protsessual'naya samostoyatel'nost' i nezavisimost' sledovatelya kak osnova ego statusa v ugolovnom sudoproizvodstve: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Procedural independence and independence of the investigator as the basis of his status in criminal proceedings: author's abstract of Candidate of Legal Sciences thesis]. Saratov, 2012, 30 p. Available at: <http://test.ssla.ru/dissertation/referats/26-01-2012-3.pdf> [in Russian].
7. Sementsov V. A. *O nekotorykh illyuziyakh protsessual'noi samostoyatel'nosti sledovatelya* [On some illusions of procedural independence of the investigator]. In: *Novoe v ugolovnom, ugolovno-protsessual'nom i ugolovno-ispolnitel'nom zakonodatel'stve: osnovnye tendentsii i perspektivy sovershenstvovaniya: sb. nauch. tr. Vseros. nauch.-prakt. konf., posvyashch. 45-letiyu so dnya obrazovaniya Volgogradskoi akademii MVD Rossii, Volgograd, 31 maya – 1 iyunya 2012 g. Otv. red. V. I. Tret'yakov* [Tretyakov V. I. (Ed.) New in criminal, criminal procedure and law enforcement legislation: the main trends and prospects for improvement: collection of scientific works of the all-Russian research and practical conference, dedicated to the 45th anniversary of the founding of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Volgograd, May 31 – June 1, 2012]. Volgograd, 2013, pp. 172–180. Available at: <https://volsu.ru/download.php?id=03109693-1.pdf> [in Russian].
8. Ogorodov A.N. *Protsessual'naya samostoyatel'nost' sledovatelya v ugolovnom sudoproizvodstve: dis. ... kand. yurid. nauk* [Procedural independence of the investigator in criminal proceedings: Candidate's of Legal Sciences thesis]. Moscow, 2018, 251 p. Available at: <https://www.dissercat.com/content/protsessualnaya-samostoyatel'nost-sledovatelya-v-ugolovnom-sudoproizvodstve> [in Russian].
9. Arsenova T. B. *Protsessual'naya samostoyatel'nost' lits, osushchestvlyayushchikh dosudebnoe proizvodstvo po ugolovnym delam* [Procedural independence of persons conducting pre-trial criminal proceedings]. *Rossiiskii sledovatel'* [Russian Investigator], 2009, no. 18, pp. 2–4. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=13032651> [in Russian].
10. Popova T. Yu. *Ugolovno-protsessual'nyi status rukovoditelya sledstvennogo organa: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Criminal procedure status of the head of the investigative body: author's abstract of Candidate of Legal Sciences thesis]. Chelyabinsk, 2012, 30 p. Available at: <https://www.dissercat.com/content/ugolovno-protsessualnyi-status-rukovoditelya-sledstvennogo-organa/read> [in Russian].
11. Balakshin V. *Nezavisimyi – zavisimyi sledovatel'* [Independent – dependent investigator]. *Zakonnost'* [Legality], 2011, no. 10 (924), pp. 29–34. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17011182> [in Russian].
12. Strogovich M. S. *Kurs sovetskogo ugolovnogo protsesssa. T. II* [Course of the Soviet criminal trial. Vol. II]. Moscow: Nauka, 1970, 516 p. Available at: <http://biblio.crimlib.info/www/showBook.php?id=72> [in Russian].
13. Tomin V. T. *Izbrannye trudy. Predislovie S. P. Grishina* [Selected works. Preface by S. P. Grishin]. Saint Petersburg: Yuridicheskii tsentr Press, 2004, 586 p. Available at: <https://iknigi.net/avtor-valentin-tomin/98478-izbrannye-trudy-valentin-tomin/read/page-1.html> [in Russian].
14. Budnikov V. L. *Korporativnost' dosudebnogo ugolovnogo proizvodstva* [Corporate nature of pre-trial criminal proceedings]. *Advokatskaya praktika* [Advocate's Practice], 2007, no. 4, pp. 22–25. [in Russian].
15. Dikarev I. S. *Sledstvennaya vlast' kak vetv' vlasti obvinitel'noi* [Investigative power as a branch of prosecutive jurisdiction]. In: *Sozдание i razvitie modeli organov predvaritel'nogo rassledovaniya v Rossiiskoi imperii: materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Moskva, 24 sentyabrya 2020 goda). Pod obshch. red. D. N. Kozhukharika* [Kozhukharik D. N. (Ed.) Creation and development of a model of preliminary investigation bodies in the Russian Empire: materials of the All-Russian research and practical conference (Moscow, September 24, 2020)]. Moscow: Moskovskaya akademiya Sledstvennogo komiteta Rossiiskoi Federatsii, 2020, pp. 124–127. Available at: <https://www.iaaj.net/node/2961> [in Russian].
16. Dikarev I. S. *Spornye voprosy organizatsii dosudebnogo proizvodstva po ugolovnym delam* [Controversial issues of organization of pre-judicial manufacture on criminal cases]. *Rossiiskaya yustitsiya*, 2016, no. 5, pp. 27–30. Available at: <https://www.iaaj.net/node/2095>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26009616> [in Russian].
17. Potapov D. V. *Problemy vzaimodeistviya sledovatelya, rukovoditelya sledstvennogo organa i prokurora v dosudebnom proizvodstve po ugolovnomu delu: dis. ... kand. yurid. nauk* [Problems of interaction between the investigator, the head

of the investigative body and the prosecutor in pre-trial proceedings in a criminal case: Candidate of Legal Sciences thesis]. Moscow, 2019, 206 p. Available at: <https://www.dissercat.com/content/problemy-vzaimodeistviya-sledovatelya-rukovoditelya-sledstvennogo-organa-i-prokurora-v-dosud> [in Russian].

18. Dikarev I. S. *Ugolovno-protsessual'nye akty dosudebnogo proizvodstva* [Criminal procedure acts of pre-trial proceedings]. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo* [Criminal Judicial Proceeding], 2020, no. 2, pp. 31–35. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=42872044>. [in Russian].

19. Chechulin I. V. *Protsessual'nye polnomochiya rukovoditelya sledstvennogo organa i ikh realizatsiya v dosudebnom proizvodstve: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Procedural powers of the head of the investigative body and their implementation in pre-trial proceedings: author's abstract of Candidate's of Legal Sciences thesis]. Moscow, 2013, 25 p. [in Russian].

20. Tsvetkov Yu. A. *Protsessual'naya samostoyatel'nost' sledovatelya v sovremennoi paradigme dosudebnogo proizvodstva* [Procedural independence of the investigator in contemporary paradigm of pre-judicial proceeding]. *Rossiiskii sledovatel'* [Russian Investigator], 2014, no. 14, pp. 52–56. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21809571>; <https://wiselawyer.ru/poleznoe/75386-processualnaya-samostoyatel'nost-sledovatelya-sovremennoj-paradigme-dosudebnogo-proizvodstva> [in Russian].

21. Beketov A. O. *Protsessual'naya samostoyatel'nost' sledstvennogo organa* [Procedural independence of the investigative agency]. *Nauchnyi vestnik Omskoi akademii MVD Rossii* [Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the MIA of Russia], 2017, no. 3 (66), pp. 20–24. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30017390> [in Russian].

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343.1

Дата поступления: 23.04.2021
рецензирования: 24.05.2021
принятия: 25.05.2021

К вопросу о доказательствах и доказывании в уголовном процессе

И. О. Воскобойник

Санкт-Петербургский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: Vosk-RPA@mail.ru

М. Г. Гайдышева

Московский областной филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Красногорск, Российская Федерация
E-mail: Vosk-RPA@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается вопрос о понятии и сущности доказательств по уголовным делам. Проводится анализ соотношения понятий «любые сведения» и «фактические данные» в целях определения понятия доказательств по уголовным делам. Обосновывается цель использования доказательств по уголовным делам. Делается вывод о необходимости обоснования любых процессуальных решений относимыми, допустимыми и достоверными доказательствами.

Ключевые слова: доказательства по уголовным делам; доказывание по уголовным делам; предмет доказывания по уголовным делам; уголовно-процессуальные решения; допустимость доказательств; обоснованность процессуальных решений; законность процессуальных решений; пределы доказывания; фактические данные; любые сведения.

Цитирование. Воскобойник И. О., Гайдышева М. Г. К вопросу о доказательствах и доказывании в уголовном процессе // Юридический вестник Самарского университета. 2021. Т. 7, № 2. С. 70–76. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2021-7-2-70-76>.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Воскобойник И. О., Гайдышева М. Г., 2021

Игорь Олегович Воскобойник – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и процесса, Санкт-Петербургский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), 199178, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, В. О., 10-я линия, 19, литер А.

Тема кандидатской диссертации: «Институт представительства в уголовном судопроизводстве России». Автор более 50 научных работ.

Область научных интересов: уголовный процесс, проблемы защиты прав и свобод участников уголовного процесса, применение мер пресечения, адвокат в уголовном процессе, доказательства и доказывание по уголовным делам.

Марина Геннадьевна Гайдышева – кандидат юридических наук, декан факультета государственного управления и права, Московский областной филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 143402, Российская Федерация, г. Красногорск Московской области, ул. Речная, 8, корп. 1.

Тема кандидатской диссертации: «Правовое регулирование обеспечения прав подозреваемого и обвиняемого при применении мер уголовно-процессуального принуждения». Автор более 30 научных работ.

Область научных интересов: уголовный процесс, актуальные проблемы применения мер уголовно-процессуального принуждения, доказательства и доказывание по уголовным делам.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 23.04.2021
Revised: 24.05.2021
Accepted: 25.05.2021

On the issue of evidence and proof in criminal proceedings

I. O. Voskoboynik

Saint Petersburg Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice, Saint Petersburg, Russian Federation
E-mail: Vosk-RPA@mail.ru

M. G. Gaidysheva

Moscow regional branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Krasnogorsk, Russian Federation
E-mail: Vosk-RPA@mail.ru

Abstract: The article deals with the concept and essence of evidence in criminal cases. The correlation between the concepts of «any information» and «actual data» is analyzed in order to define the concept of evidence in criminal cases.

The purpose of using evidence in criminal cases is justified. The article concludes that it is necessary to substantiate any procedural decisions with relevant, acceptable and reliable evidence.

Key words: evidence in criminal cases; evidence in criminal cases; subject of evidence in criminal cases; criminal procedure decisions; admissibility of evidence; validity of procedural decisions; legality of procedural decisions; limits of proof; factual data; any information.

Citation. Voskoboynik I. O., Gaidysheva M. G. *K voprosu o dokazatel'stvakh i dokazyvanii v ugovnom protsesse* [On the issue of evidence and proof in criminal proceedings]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2021, vol. 7, no. 2, pp. 70–76. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2021-7-2-70-76> [in Russian].

Conflict of interest information: the authors declare no conflict of interest.

© Voskoboynik I. O., Gaidysheva M. G., 2021

Igor O. Voskoboynik – Candidate of Legal Sciences, associate professor, associate professor of the Department of Criminal Law and Procedure, St. Petersburg Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice, 19, letter A, 10 line of V. O., Saint Petersburg, 199178, Russian Federation.

Subject of Candidate's thesis: «Institute of representation in criminal proceedings in Russia». Author of over 50 scientific papers.

Research interests: criminal procedure, problems of protecting the rights and freedoms of participants in criminal proceedings, application of preventive measures, lawyer in criminal proceedings, evidence and proving in criminal cases.

Marina G. Gaidysheva – Candidate of Legal Sciences thesis, dean of the Faculty of Public Administration and Law, Moscow Regional Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, bldg. 8, frame 1, Rechnaya Street, Krasnogorsk, 143402, Russian Federation.

Subject of Candidate's thesis: «Legal regulation of ensuring the rights of the suspect and the accused in the application of measures of criminal procedural coercion». Author of over 30 scientific papers.

Research interests: criminal procedure, topical problems of the application of measures of criminal procedural coercion, evidence and proving in criminal cases.

Актуальные проблемы доказывания по уголовным делам являются в настоящее время, пожалуй, самой животрепещущей темой не только в науке, но и в правоприменительной практике. Являясь по сути своей межотраслевым институтом, процессуальный институт доказывания в уголовном процессе характеризуется повышенными требованиями и детальной регламентацией всего процесса доказывания по уголовным делам, что обусловлено сущностью уголовно-процессуального права как отрасли права, характеризующейся возможностью применения строгих мер принуждения.

Вместе с тем, несмотря на важность данного института в рассматриваемой отрасли права, являющегося основным в ее структуре, проблем, связанных с доказательственной деятельностью правоприменителя по уголовным делам, с каждым годом не становится меньше.

Согласно данным Министерства внутренних дел Российской Федерации, за январь-сентябрь 2020 года в России зарегистрировано 1 540 226 преступлений, из которых 791 904 раскрыто [1].

Вместе с тем Генеральной прокуратурой Российской Федерации за тот же период при реализации надзорных полномочий в досудебных стадиях уголовного судопроизводства выявлено 3 505 385 нарушений закона, 1 092 281 из которых являются нарушением уголовно-процессуального закона при осуществлении дознания и предварительного следствия, что на 6,9 % больше, чем за аналогичный период 2019 года. При этом за указанный период прокурорами отменены 7946 постановлений о возбуждении уголовных дел, а также 1 267 151 постановление следователей и дознавателей об отказе в возбуждении уголовного дела, 14866 постановлений о прекращении уголовного дела и уголовного преследования, 284 500 постановлений о приостановлении производства по уголовным делам [2].

Решения об отмене вышеперечисленных решений принимаются в подавляющем большинстве случаев в связи с отсутствием в материалах уголовных дел доказательств, свидетельствующих о необходимости и основаниях принятия отменяемых процессуальных решений, что выявляет основные проблемы доказательственной деятельности в настоящее время.

Более того, учитывая стадийный характер уголовного процесса, а также особенности процесса доказывания до возбуждения уголовного дела, целью которого является обоснование доказательствами оснований для возбуждения или отказа в возбуждении уголовного дела, вышеприведенные статистические данные о количестве отмененных постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела заставляют задуматься не только о качестве доказательственной деятельности в первой стадии уголовного процесса, но и о таких категориях, как «эффективность законодательного регулирования средств доказывания в первой стадии уголовного процесса» и «необходимость существования данной стадии в таких условиях в принципе». Обоснование данных критических замечаний основано исключительно на том, что 1 267 151 незаконных и необоснованных итоговых процессуальных решений по итогам проверки сообщения о преступлении превышают количество раскрытых преступлений (791 904) и немногим меньше общего количества зарегистрированных (1 540 226).

Анализируя данные цифры, возникает простой и закономерный вопрос о понимании правоприменителем, допускающим столь существенные количественные нарушения, самой сути и целей доказывания по уголовным делам, понимании значения уголовного процесса в целом, ответить на который с очевидностью можно, только признав системные проблемы в реализации уголовно-

процессуальных, норм, регламентирующих институт доказывания.

Не менее значимые проблемы, связанные с доказыванием по уголовным делам, можно наблюдать и в других стадиях уголовного процесса.

В таких достаточно непростых условиях перед правоохранительными органами стоит задача по неукоснительному соблюдению прав и свобод человека при осуществлении деятельности, связанной с приемом, регистрацией и разрешением сообщений о преступлениях в стадии возбуждения уголовного дела, и повышению эффективности доказательственной деятельности в стадии предварительного расследования при производстве предварительного следствия и дознания.

Вместе с тем анализ правоприменительной практики позволяет говорить о наличии негативных тенденций в процессе доказывания по уголовным делам, связанным с девальвированием высоких стандартов доказывания обстоятельств, подлежащих доказыванию, тенденций, характеризующих упрощенные подходы к пониманию доказанности фактических обстоятельств дел.

Все это является существенным препятствием на пути к достижению назначения уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ). При этом волокита вызывает у граждан чувство неудовлетворенности деятельностью правоохранительных органов, негативное отношение к ним, нежелание помогать в борьбе с преступностью.

В связи с этим не менее простая, а, учитывая реальное положение дел, скорее всего, более сложная задача, связанная с реализацией функции защиты в уголовном процессе, должна выполняться профессиональными защитниками по уголовным делам.

Именно институт защиты в уголовном процессе создан и способен обеспечить соблюдение стандартов доказывания по уголовным делам, не допустить случаи упрощенного подхода к доказыванию, обеспечить состязательные начала уголовного судопроизводства.

Анализ научной литературы показывает, что определению понятия доказательств в уголовном процессе всегда уделялось достаточно большое внимание со стороны ученых-процессуалистов. Достаточно широкий плюрализм мнений относительно данного понятия не приводит в настоящее время к качественному улучшению процесса доказывания по уголовным делам [3, с. 117–122].

Данный интерес научной общественности к указанному понятию обусловлен его практическим значением. Именно правильное понимание сущности доказательств является первоосновой достижения как целей доказывания в уголовном процессе, так и назначения уголовного судопроизводства в целом. В свою очередь, недостаточное осознание требований, предъявляемых к доказательствам по уголовным делам, неизбежно влечет принятие незаконных, необоснованных процессуальных решений, приводит к упрощенному пониманию процесса доказывания и к неизбежной де-

вальвации необходимого для установления истины по уголовным делам высокого стандарта доказанности обстоятельств, подлежащих установлению.

Определяя уголовно-процессуальный смысл использования доказательств в уголовном процессе, необходимо отметить, что данная цель, безусловно, заключается в установлении наличия или отсутствия обстоятельств, входящих в предмет доказывания.

Такой подход представляется крайне односторонним, так как, хотя и основан на положениях части 1 статьи 74 УПК РФ, не учитывает равнозначное указанному значению использования доказательств по уголовным делам, которое заключается не только в установлении события преступления, виновности привлекаемого к уголовной ответственности лица и других обстоятельств, предусмотренных ст. 73 УПК РФ, но и в обосновании оснований принятия тех или иных процессуальных решений.

Все принимаемые по уголовному делу процессуальные решения являются законными и обоснованными тогда и только тогда, когда их основания подтверждены совокупностью собранных по делу доказательств.

Принятие любых процессуальных решений по уголовным делам без обоснования их оснований собранными доказательствами делает такие решения безмотивными, что влечет нарушение принципа законности производства по уголовному делу (ст. 7 УПК РФ).

Следует учитывать, что в отличие от процесса гражданского, в котором решение рассматривается как обоснованное не только тогда, когда имеющие значение для дела факты подтверждены доказательствами, но и обстоятельствами, ненужающимися в доказывании в силу статьи 61 ГПК РФ, в процессе уголовного любое решение должно быть основано на собранных доказательствах, удовлетворяющих требованиям к их свойствам.

Рассматривая процессуальные решения, принимаемые по итогам первой стадии уголовного процесса, мы говорим о законности и обоснованности решения о возбуждении уголовного дела только тогда, когда в ходе проверки сообщения о преступлении собраны доказательства, указывающие на наличие признаков преступления, то есть на основание для принятия решения о возбуждении уголовного дела (часть 2 статьи 140 УПК РФ).

Соответственно, решение об отказе в возбуждении уголовного дела законно и обоснованно только тогда, когда в ходе проверки сообщения о преступлении собраны доказательства, указывающие на отсутствие признаков преступления, то есть на отсутствие основания для принятия решения о возбуждении уголовного дела (часть 1 статьи 148 УПК РФ).

Процессуальное решение, следующее в силу части 1 статьи 42 УПК РФ непосредственно за возбуждением уголовного дела, – решение о признании лица потерпевшим должно быть обосновано совокупностью собранных по делу доказательств,

указывающих на то, что данному лицу причинен один или несколько видов вреда, перечисленных в части 1 статьи 42 УПК РФ, а также на то, что данный вред причинен в результате расследуемого преступления.

Законодательное требование о признании лица потерпевшим в момент возбуждения уголовного дела, безусловно, не означает, что данное решение может быть принято без подтверждения оснований для его принятия собранными доказательствами. Однако и требования части 1 статьи 42 УПК РФ, и требования пункта 1 части 1 статьи 6 УПК РФ означают, что вышеперечисленные доказательства, свидетельствующие о наличии в деле потерпевшего, должны быть собраны в стадии возбуждения уголовного дела, а при отсутствии таковых на момент возбуждения уголовного дела решение о признании потерпевшим произвольно принято быть не может и принимается только после подтверждения оснований для его принятия собранными доказательствами.

Ярким примером цели использования доказательств по уголовному делу в качестве обоснования оснований для принятия процессуальных решений служит основное решение, принимаемое в стадии предварительного расследования в форме предварительного следствия, а в исключительных случаях – и дознания, – решение о привлечении лица в качестве обвиняемого.

Принимается решение о привлечении в качестве обвиняемого после того, как по делу собрано достаточное количество доказательств, дающих основание для утверждения о совершении конкретным лицом преступления (часть 1 статьи 171, пункт 22 статьи 5 УПК РФ).

Аналогичным образом должно быть обосновано процессуальное решение о приостановлении производства по уголовному делу совокупностью доказательств, указывающих на то, что лицо, подлежащее привлечению в качестве обвиняемого, не установлено; подозреваемый или обвиняемый скрылся от следствия либо место его нахождения не установлено по иным причинам; место нахождения подозреваемого или обвиняемого известно, однако реальная возможность его участия в уголовном деле отсутствует; имеется временное тяжелое заболевание подозреваемого или обвиняемого, удостоверенное медицинским заключением, что препятствует его участию в следственных действиях (часть 1 статьи 208 УПК РФ).

Решение о прекращении уголовного дела должно быть обосновано совокупностью доказательств, указывающих на основание для его прекращения (отсутствие события, отсутствие состава, примирение сторон, деятельное раскаяние и т. д.).

Приговор как основное итоговое решение по уголовному делу в принципе не может быть постановлен и обоснован не исследованными в суде доказательствами. В обвинительном приговоре должны быть приведены доказательства, на которых основаны выводы суда в отношении подсудимого, и мотивы, по которым суд от-

верг другие доказательства (пункт 2 статьи 307 УПК РФ).

Исходя из изложенного, необходимо сделать вывод, что для правильного определения понятия доказательств по уголовному делу необходимо учитывать, что целью их использования в уголовном процессе является:

- 1) установление обстоятельств, входящих в предмет доказывания (статья 73 УПК РФ);
- 2) обоснование оснований принятия тех или иных процессуальных решений.

Как видно, уже один этот факт делает мало-пригодным для использования в современном отечественном уголовном процессе понятие доказательств, определенное в части 1 статьи 73 УПК РФ как не раскрывающее цели их использования и указания на допустимый процесс формирования доказательств в уголовном процессе.

Согласно вышеназванной норме, доказательства по уголовному делу определены в УПК РФ как любые сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель в порядке, определенном уголовно-процессуальным законом, устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела.

Анализ научной литературы позволяет утверждать, что исследуемое понятие доказательства является одним из основных в доказательственном праве.

В. Д. Спасович указывал, что доказательствами мы называем данные, которые привели нас к убеждениям, указывая, что основаны эти данные на познании известных явлений, когда из содержания, связи и отношений между предметами мы приходим к известному убеждению [4, с. 7–8].

П. А. Лупинская отмечает, что под доказательствами следует понимать конкретные фактические данные, которые употребляются для исследования обстоятельств дела, источники этих данных и способы их получения, проверки и использования [5, с. 140].

Следует согласиться с П. А. Лупинской в том, что в целях определения понятия доказательств необходимо использование термина «фактические данные», как то было сделано в УПК РФ, что представляется более удачным в сравнении с использованием термина «любые сведения», употребленного в части 1 статьи 74 УПК РФ, так как указывает на необходимость соответствия содержания доказательств имевшему место быть факту.

Наши оппоненты могут возразить, что употребление термина «любые сведения» открывает широкие возможности для защиты в процессе собирания доказательств, однако это совершенно не так. Определение доказательств в качестве любых сведений в рамках действующего уголовно-процессуального регулирования собирания, проверки и оценки доказательств, в рамках законодательной неопределенности относительно субъектов доказывания и поддержания рядом представителей

научной общественности теории односубъектного доказывания приводит и не может не приводить ни к чему иному, кроме как к девальвации стандарта обоснованности принимаемых по делу решений установленными по делу фактами, отвечающими требованиям допустимости, относимости, достоверности и проверяемости.

Использование любых сведений в качестве доказательств для стороны защиты до сих пор не обеспечивает даже беспрекословной возможности признания в качестве доказательств по уголовному делу собранных защитником сведений, поэтому в настоящее время не является не только какой-либо процессуальной гарантией для стороны защиты, но и напрямую открывает широкие возможности для упрощенного подхода к самому процессу доказывания, для принятия не обоснованных фактическими обстоятельствами дела, безмотивных процессуальных решений.

Как представляется, понятие доказательств в уголовном процессе в силу того, что доказательства используются для обоснования утверждения о виновности человека в совершении преступления, должно быть основано на его соответствии свойствам доказательств.

Использование же для определения доказательств термина «любые сведения» означает законодательное допущение того, что понятие доказательств не обусловлено его свойствами, так как любые сведения, в отличие от фактов, прямо указывающих на обстоятельства, подлежащие установлению по уголовному делу, могут быть недостоверными и неотносимыми, прямо не указывать на наличие или отсутствие того или иного обстоятельства, входящего в предмет доказывания.

Наши оппоненты возразят, что в науке уголовного процесса существует и должна применяться на практике классификация доказательств на прямые и косвенные, которая позволит обосновать решения по делу только прямыми доказательствами.

Но, к сожалению, теоретическая конструкция классификации доказательств по данному основанию не только зачастую не используется в правоприменении, но и напрямую противоречит самой сути доказательств в уголовном судопроизводстве, так как обстоятельства, подлежащие доказыванию, должны быть установлены, а принимаемые процессуальные решения по делу обоснованы исключительно сведениями, прямо свидетельствующими о существовании тех или иных фактов, имеющих значение для дела. Из этого следует простой вывод о том, что сведения могут именоваться доказательствами, только если они обладают свойством допустимости, относимости и достоверности.

Нет никакого практического смысла в том, чтобы именовать доказательствами, называя их косвенными, сведения, прямо не указывающие на наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию. Вряд ли кто-то возразит факту того, что обстоятельства по делу не могут считаться достоверно установленными, а процессуальные решения не могут быть обоснованы косвенными

сведениями. Исходя из этого, сама суть классификации доказательств на прямые и косвенные противоречит природе уголовно-процессуальных доказательств в качестве сведений, свидетельствующих о чем-либо исключительно достоверно и прямо. Таким образом, доказательства по делу могут быть только прямыми, а в случае если сведения указывают на что-либо косвенно, то такие сведения не следует именовать доказательствами, так как никакого доказательственного значения они не имеют. Признание такого подхода позволит исключить случаи обоснования обвинения совокупностью косвенных доказательств.

В связи с этим следует согласиться с К. Б. Калиновским в том, что, исходя из данного в статье 74 УПК РФ понятия доказательств через определение «любые сведения», доказательства в законе не рассматриваются в качестве фактов, подлежат последующей проверке и судебному исследованию и могут быть оценены иначе. Как подчеркивает ученый, достоверность указанных сведений не является необходимым признаком доказательства – содержащаяся в доказательстве информация может указывать на искомые по делу обстоятельства также и с вероятностью. Вывод о достоверности этих сведений может быть сделан лишь при окончательной оценке определенной совокупности доказательств [6].

Вместе с тем следует учитывать, что до момента признания конкретного доказательства достоверным, а имеющейся по делу совокупности доказательств достаточной для принятия того или иного процессуального решения никакие сведения нельзя именовать доказательствами, а следовательно, и использовать для обоснования принимаемых по делу процессуальных решений. Как представляется, в данном случае следует говорить о собранных по делу сведениях, не именуя их доказательствами. Иной подход позволит правоприменителю обосновывать принимаемые процессуальные решения до итоговой оценки доказательств недостоверными и неотносимыми сведениями.

Анализируя понятие доказательств, определенное в статье 74 УПК РФ, Вандышев пишет, что под «любыми сведениями» можно понимать:

1) фактические данные, в том числе доказательства;

2) сведения о фактах, с помощью которых обеспечивается доказывание обстоятельств, подлежащих установлению по уголовному делу.

Такое понимание доказательств в уголовном судопроизводстве обусловлено наличием двух путей познания реальной действительности: непосредственного и опосредствованного. Как полагает автор, основным путем познания в уголовном судопроизводстве выступает опосредствованный метод исследования фактических обстоятельств преступления [7].

Не вдаваясь в дискуссии о сути познания, необходимо отметить, что доказательством по уголовному делу можно считать только сведения, прямо указывающие на наличие или отсутствие фактиче-

ских обстоятельств дела вне зависимости от того, непосредственный или опосредованный путь познания лежит в основе деятельности правоприменителя при их установлении по конкретному делу.

В данном случае с очевидностью необходимо говорить о таком свойстве доказательств, как достаточность, для принятия не только итоговых процессуальных решений, но и процессуальных решений, не являющихся итоговыми.

Вряд ли стоит всерьез говорить о том, что, например, решение об избрании меры пресечения может быть принято на основе не доказательств, достоверно и прямо указывающих на наличие оснований, перечисленных в статье 97 УПК РФ, а на сведениях о том, что, возможно, где-то имеются факты, указывающие на наличие данных оснований.

Ф. Н. Фаткуллин высказал мнение о том, что доказательствами являются только сведения о фактах или фактические данные, факты [8, с. 99].

И. И. Мухин утверждал, что под доказательствами следует понимать как сведения о фактах, так и источники доказательств [9].

Другие ученые-процессуалисты считают, что доказательства следует понимать как неделимую совокупность сведений (фактических данных) и источников, в которых они находятся) [10, с. 211].

В. В. Вандышев справедливо полагает, что доказательствами является только информация (сведения, фактические данные, факты), а средства

доказывания есть лишь форма существования информации в уголовном процессе [7].

С мнением данного ученого-процессуалиста следует согласиться в силу того, что сама по себе форма фиксации сведений об обстоятельствах, подлежащих установлению по уголовным делам, зачастую не позволяет установить истину, может не отражать суть фактических данных, которые она была призвана процессуально зафиксировать.

В. Я. Дорохов полагал, что доказательствами в уголовном судопроизводстве неверно называть факты, входящие в предмет доказывания. В связи с этим ученый указывал, что фактические данные – это полученные из законных источников сведения о фактах [10, с. 207, 224]. Именно данная концепция легла в основу законодательного определения доказательств как фактических данных в УПК РСФСР 1961 г.

При этом следует учитывать, что доказательство существует только при наличии единства сведения и его источника [11].

Подводя итог, отметим, что под доказательствами по уголовному делу, как представляется, необходимо понимать фактические данные, содержащиеся в источниках доказательств, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель в порядке, определенном УПК РФ, устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела.

Библиографический список

1. Состояние преступности в России за январь-сентябрь 2020 года // МВД России, 2020. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/21551069>.
2. Основные результаты прокурорской деятельности за январь-август 2020 года // Генеральная прокуратура РФ: сайт. URL: <https://genproc.gov.ru/stat/data/1890772> (дата обращения: 01.03.2021).
3. Kirillova E. A., Shergunova E. A., Ustinovich E. S., Nadezhin N. N., Sitdikova L. B. The principles of the consumer right protection in electronic trade: a comparative law analysis. // International Journal of Economics and Financial Issues. 2016. Т. 6, № S2. С. 117–122. URL: <https://econjournals.com/index.php/ijefi/article/view/2540>.
4. Спасович В. Д. О теории судебно-уголовных доказательств в связи с судостроительством и судопроизводством. Санкт-Петербург, 1861. 116 с. URL: <http://biblio.crimlib.info/www/showBook.php?id=78>.
5. Лупинская П. А. Доказательства в уголовном процессе. Уголовно-процессуальное право / под ред. П. А. Лупинской. Москва, 1997. 591 с. URL: <https://be5.biz/pravo/u001/index.html>.
6. Уголовный процесс: учебник / сост. А. В. Смирнов, К. Б. Калиновский; под общ. ред. проф. А. В. Смирнова. 4-е изд., перераб. и доп. Москва: КНОРУС, 2008. 704 с. URL: http://kalinovsky-k.narod.ru/p/upp/smirnov_kalinovsky_2008.pdf.
7. Вандышев В. В. Уголовный процесс. Общая и особенная части: учебник. Москва: Контракт, Волтерс Клувер, 2010. 720 с. URL: <https://www.litmir.me/bd/?b=273094>.
8. Фаткуллин Ф. Н. Общие проблемы процессуального доказывания. Казань, 1976. 206 с. URL: https://libweb.kpfu.ru/z3950/full_fond/law/knigi/fatkulin_o_p/fatkulin_o_p.pdf.
9. Мухин И. И. Объективная истина и некоторые вопросы оценки судебных доказательств при осуществлении правосудия. Ленинград, 1971. 183 с.
10. Теория доказательств в советском уголовном процессе / ред. кол.: Н. В. Жогин [и др.]. Москва, 1973. 736 с. URL: <http://kalinovsky-k.narod.ru/b/td-1973.htm>.
11. Курс уголовного процесса / под ред. д. ю. н., проф. Л. В. Головки. 2-е изд., испр. Москва: Статут, 2017. 1280 с. URL: http://www.consultant.ru/edu/student/download_books/book/golovko_kurs_ugolovnogo_processa.

References

1. *Sostoyanie prestupnosti v Rossii za yanvar'-sentyabr' 2020 goda* [The state of crime in Russia in January-September 2020]. Retrieved from the official website of the MIA of Russia, 2020. Available at: <https://xn--b1aew.xn--plai/reports/item/21551069> [in Russian].
2. *Osnovnye rezul'taty prokurorskoj deyatel'nosti za yanvar'-avgust 2020 goda* [Main results of prosecutorial activities for January-August 2020]. Retrieved from the The General Prosecutor's Office of the Russian Federation: official website. Available at: <https://genproc.gov.ru/stat/data/1890772> (accessed 01.03.2021) [in Russian].
3. Kirillova E. A., Shergunova E. A., Ustinovich E. S., Nadezhin N. N., Sitdikova L. B. The principles of the consumer right protection in electronic trade: a comparative law analysis. *International Journal of Economics and Financial Issues*, 2016, Vol. 6, no. S2, pp. 117–122. Available at: <https://econjournals.com/index.php/ijefi/article/view/2540>.
4. Spasovich V. D. *O teorii sudebno-ugolovnykh dokazatel'stv v svyazi s sudoustroystvom i sudoproizvodstvom* [On the theory of forensic criminal evidence in connection with the judicial system and legal proceedings]. Saint Petersburg, 1861, 116 p. Available at: <http://biblio.crimlib.info/www/showBook.php?id=78> [in Russian].
5. Lupinskaia P. A. *Dokazatel'stva v ugolovnom protsesse. Ugolovno-protsessual'noe pravo. Pod red. P. A. Lupinskoi* [Evidence in criminal proceedings. Criminal procedure law]. Moscow, 1997, 591 p. Available at: <https://be5.biz/pravo/u001/index.html> [in Russian].
6. *Ugolovnyi protsess: uchebnik. A. V. Smirnov, K. B. Kalinovskii; pod obshch. red. prof. A. V. Smirnova. 4-e izd., pererab. i dop.* [Smirnov A. V., Kalinovskii K. B. Criminal procedure: textbook; Smirnov A. V. (Ed.). 4th edition, revised and enlarged]. Moscow: KNORUS, 2008, 704 p. Available at: http://kalinovsky-k.narod.ru/p/upp/smirnov_kalinovsky_2008.pdf [in Russian].
7. Vandyshev V. V. *Ugolovnyi protsess. Obshchaya i osobennaya chasti: uchebnik* [Vandyshev V. V. Criminal process. General and special parts: textbook]. Moscow: Kontrakt, Volters Kluver, 2010, 720 p. Available at: <https://www.litmir.me/bd/?b=273094> [in Russian].
8. Fatkullin F. N. *Obshchie problemy protsessual'nogo dokazyvaniya* [General problems of procedural proof]. Kazan, 1976, 206 p. Available at: https://libweb.kpfu.ru/z3950/full_fond/law/knigi/fatkulin_o_p/fatkulin_o_p.pdf [in Russian].
9. Mukhin I. I. *Ob"ektivnaya istina i nekotorye voprosy otsenki sudebnykh dokazatel'stv pri osushchestvlenii pravosudiya* [Objective truth and some issues of the assessment of judicial evidence in the administration of justice]. Leningrad, 1971, 183 p. [in Russian].
10. *Teoriya dokazatel'stv v sovetskom ugolovnom protsesse. Red. kol.: N. V. Zhogin i dr.* [Zhogin N. V. et al. (Eds.) Theory of evidence in the Soviet criminal process]. Moscow, 1973, 736 p. Available at: <http://kalinovsky-k.narod.ru/b/td-1973.htm> [in Russian].
11. *Kurs ugolovnogo protsessa. Pod red. d. yu. n., prof. L. V. Golovko. 2-e izd., ispr.* [Golovko L. V. (Ed.) The course of criminal procedure. 2nd edition, revised]. Moscow: Statut, 2017, 1280 p. Available at: http://www.consultant.ru/edu/student/download_books/book/golovko_kurs_ugolovnogo_processa [in Russian].

DOI: 10.18287/2542-047X-2021-7-2-77-82

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 349.6

Дата: поступления статьи: 11.02.2021
рецензирования: 21.03.2021
принятия статьи: 25.05.2021

Окончание дознания в сокращенной форме составлением обвинительного постановления

А. В. Шуваткин

Прокуратура Волжского района Самарской области, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: Shuvatkin@rambler.ru

Аннотация: Окончание предварительного расследования – заключительный этап досудебного производства по уголовному делу, заключающийся в подготовке материалов лицом, производящим предварительное расследование, и передаче данных материалов прокурору. Настоящая статья посвящена актуальным проблемам окончания предварительного расследования в форме сокращенного дознания, в частности, рассмотрены проблемные вопросы, касающиеся составления обвинительного постановления. Проведенный анализ позволил установить, что обвинительное постановление является процессуальным решением дознавателя, который завершает уголовное преследование при проведении дознания в сокращенной форме, в котором дознаватель в виде государственно-властного веления в пределах своей компетенции и в соответствии с уголовно-процессуальным законом на основе установленных по делу фактических данных дает ответы на возникающие по делу правовые вопросы о виновности лица, совершившего преступление. Кроме того, выявлены существенные недостатки правового регулирования процедуры окончания дознания в сокращенной форме составлением обвинительного постановления, которые рассматриваются в настоящей статье.

Ключевые слова: дознание в сокращенной форме; уголовное преследование; процессуальное решение; обвинительное постановление.

Цитирование. Шуваткин А. В. Окончание дознания в сокращенной форме составлением обвинительного постановления // Юридический вестник Самарского университета. 2021. Т. 7, № 2. С. 77–82. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2021-7-2-77-82>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Шуваткин А. В., 2021

Александр Викторович Шуваткин – кандидат юридических наук, прокурор Волжского района Самарской области, старший советник юстиции, прокуратура Волжского района Самарской области, 443023, г. Самара, ул. Гагаринская, 145, Российская Федерация.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 11.02.2021
Revised: 21.03.2021
Accepted: 25.05.2021

Ending of the inquiry in an abbreviated form with an indictment

A. V. Shuvatkin

Prosecutor's office of the Volga district of the Samara region, Samara, Russian Federation
E-mail: Shuvatkin@rambler.ru

Abstract: The ending of preliminary investigation is final stage of pre-trial criminal proceedings, consisting in the preparation of materials by the person conducting the preliminary investigation, and the transfer of these materials to the prosecutor. This article is devoted to topical issues of the ending the inquiry in an abbreviated form, in particular, the problematic issues related to the compilation of the indictment. The analysis made it possible to establish that the indictment is the procedural decision of the inquiry officer who completes the criminal prosecution when conducting the inquiry in an abbreviated form in which he, in the form of a state-imperious command, within the limits of his competence and in accordance with the criminal procedure law, on the basis of the factual data established in the case, gives answers to the legal questions arising in the case about the guilt of the person who committed the crime. In addition, significant shortcomings in the legal regulation of the procedure for ending an inquiry in an abbreviated form with the indictment have been identified, which are discussed in this article.

Key words: inquiry in an abbreviated form; criminal prosecution; procedural decision; indictment.

Citation. Shuvatkin A. V. *Okonchanie doznaniya v sokrashchennoi forme sostavleniem obvinitel'nogo postanovleniya* [Ending of the inquiry in an abbreviated form with an indictment]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2021, vol. 7, no. 2, pp. 77–82. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2021-7-2-77-82> [in Russian].

Information about the conflict of interests: author declares no conflict of interests.

© Shuvatkin A. V., 2021

Alexander V. Shuvatkin – Candidate of Legal Sciences, prosecutor of the Volga district of the Samara region, Senior Counsellor of Justice, Prosecutor's office of the Volga district of the Samara region, 145, Gagarinskaya Street, Samara, 443023, Russian Federation.

Уголовное преследование является одной из основных функций, осуществляемых в уголовном процессе.

Для темы настоящего исследования детальное определение данной функции важно в связи с тем, что обвинительное постановление является актом, завершающим уголовное преследование на стадии предварительного расследования.

Уголовное преследование определяется УПК РФ как процессуальная деятельность, осуществляемая стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления (п. 55 ст. 5 УПК РФ).

В Постановлении Конституционного Суда РФ от 24 апреля 2003 г. № 7-П уголовное преследование определяется как форма реализации государством своей обязанности по признанию, соблюдению и защите прав и свобод человека и гражданина, обеспечению других конституционно значимых ценностей в тех случаях, когда они становятся объектом преступного посягательства [2].

Если обращаться к теоретическому определению, то уголовное преследование – это уголовно-процессуальная функция, реализуемая прокурором, а также следователем, руководителем следственного органа, дознавателем, начальником подразделения дознания, начальником органа дознания, органом дознания, частным обвинителем, потерпевшим, его законным представителем, гражданским истцом и их представителями посредством совершения процессуальных действий, направленных на раскрытие преступления и изобличение лиц, его совершивших, с целью обоснования виновности лиц, совершивших преступление, наказания виновных лиц и восстановления социальной справедливости [3–5].

Уголовное преследование на стадии предварительного расследования осуществляется в определенных формах, закрепленных в Уголовно-процессуальном кодексе РФ.

Под формой уголовного преследования, по нашему мнению, необходимо понимать законодательно закрепленный процессуальный порядок производства по уголовным делам.

До 2013 года Уголовно-процессуальный кодекс предусматривал возможность осуществления уголовного преследования в двух процессуальных формах: в форме предварительного следствия и дознания.

Федеральным законом от 04.03.2013 № 23-ФЗ в Уголовно-процессуальный кодекс РФ введена глава 32.1, посвященная производству дознания в сокращенной форме.

В связи с этим обоснованно возникает вопрос о возможности отнесения дознания в сокращенной форме к самостоятельной форме уголовного преследования [6; 7].

Для ответа на этот вопрос представляется необходимым обратиться к структуре и формулировкам Уголовно-процессуального кодекса РФ.

Так, в соответствии с ч. 1 ст. 150 Уголовно-процессуального кодекса РФ предварительное рас-

следование может производиться в форме дознания или предварительного следствия. Законодателем устанавливается возможность производства дознания в двух формах: в общем порядке и в сокращенной форме (ч. 1.1. ст. 150 УПК РФ).

Обращая внимание на структуру глав Уголовно-процессуального кодекса РФ, мы также видим, что глава 32.1 «Дознание в сокращенной форме» является частью главы 32 «Дознание».

Исходя из анализа приведенных норм, очевидно, следует, что уголовное преследование на стадии предварительного расследования осуществляется в форме следствия и дознания, которое осуществляется либо в общей, либо в сокращенной форме.

Уголовное преследование при проведении дознания в сокращенной форме завершается составлением обвинительного постановления.

В соответствии с процессуальной регламентацией окончания дознания в сокращенной форме, установленной ст. 226.7 УПК РФ, дознаватель переходит к составлению обвинительного постановления, как только признает, что необходимые следственные действия произведены и объем собранных доказательств достаточен для обоснованного вывода о совершении преступления подозреваемым.

Обвинительное постановление, на наш взгляд, является процессуальным решением дознавателя.

Причем под процессуальным решением дознавателя необходимо понимать одну из форм его процессуальной деятельности, выражением которой является правовой акт, в котором дознаватель в виде государственно-властного веления в пределах своей компетенции и в соответствии с уголовно-процессуальным законом на основе установленных по делу фактических данных дает ответы на возникающие по делу правовые вопросы о виновности лица, совершившего преступление [9].

Учитывая определение процессуального решения дознавателя, обвинительное постановление можно определить как утверждаемый прокурором и начальником органа дознания процессуальный акт дознавателя, завершающий при проведении дознания в сокращенной форме уголовное преследование и представляющий собой итоговое и основное для данной стадии процессуальное решение дознавателя о том, что необходимые следственные действия произведены и объем собранных доказательств достаточен для обоснованного вывода о совершении преступления подозреваемым и доказано наличие оснований для передачи дела в суд для решения вопроса о назначении судебного заседания и продолжения дальнейшего уголовного преследования [10].

Содержание обвинительного постановления регламентируется ч. 1 ст. 226.7 Уголовно-процессуального кодекса РФ, которое содержит отсылочную норму к пунктам 1–8 части первой статьи 225 Уголовно-процессуального кодекса РФ, определяющей структуру обвинительного акта.

Обвинительный акт должен содержать необходимые первоначальные сведения, а именно: наи-

менованье акта, номер уголовного дела, указание на поводы и основания возбуждения уголовного дела, анкетные и иные данные о личности обвиняемого, а также ссылку на пункт, часть и статью УК РФ, предусматривающие преступление, инкриминируемое в вину обвиняемому. Кроме того, должны быть указаны следующие сведения.

Во-первых, сущность и существо предъявляемого обвинения: место, время совершения преступления, его способы, мотивы, цели, последствия и другие существенные обстоятельства, характеризующие преступление, данные о потерпевшем, о виде и размере причиненного ему вреда.

Во-вторых, формулировка предъявляемого обвинения с указанием соответствующей квалификации деяния.

В-третьих, доказательства, подтверждающие наличие преступления, перечень доказательств, подтверждающих или опровергающих предъявленное лицу обвинение, анализ и оценка таких доказательств, а также перечень доказательств, на которые ссылается сторона защиты, и краткое изложение их содержания.

При анализе этих норм первое, что обращает на себя внимание, – это исключение законодателем из содержания обвинительного постановления списка лиц, подлежащих вызову в суд.

Однако ч. 10 ст. 226.7 УПК РФ обязывает указать список лиц, подлежащих вызову в судебное заседание со стороны обвинения и защиты, наряду со сведениями об избранных мерах пресечения, где фиксируется вид избранной меры пресечения, период времени, с которого она применяется, а также место исполнения, сведения о вещественных доказательствах, о сроках дознания в сокращенной форме и др., в справке, прилагаемой к обвинительному постановлению, где должны быть указаны соответствующие листы уголовного дела.

В целях выполнения требований ч. 11 ст. 226.7 УПК РФ, регламентирующей случаи, когда лицо обвиняется в совершении преступления, наказанием за которое является штраф, в прилагаемой к обвинительному постановлению справке необходимо указывать информацию заполнения расчетных документов для перечисления суммы штрафа.

Формально, исходя из изложенного, между обвинительным актом и обвинительным постановлением никаких существенных различий в настоящее время нет.

Но это только формально. Да, по структуре обвинительный акт и обвинительное постановление идентичны. Но если рассматривать данные документы через призму понятия процессуального решения, то становятся очевидными их различия.

Данное обстоятельство становится понятным при анализе положений ст. 226.5 Уголовно-процессуального кодекса РФ, регламентирующей особенности доказывания при производстве дознания в сокращенной форме, а по сути, устанавливающей ряд изъятий из общих правил доказывания, которые действуют применительно к дознанию в общей форме.

Так, ч. 1 и 2 ст. 226.5 УПК РФ устанавливает ограниченные пределы доказывания, позволяя дознавателю собирать доказательства по уголовному делу в том объеме, который достаточен, чтобы установить событие преступления, характер и размер причиненного им вреда, виновность лица в совершении преступления [1]. Дознаватель обязан произвести только те следственные и иные процессуальные действия, производство которых может повлечь за собой невозможную утрату следов преступления или иных доказательств.

Причем в ч. 3 ст. 226.5 Уголовно-процессуального кодекса РФ дополнительно установлено, что с учетом конкретных обстоятельств уголовного дела дознаватель вправе:

- не проверять доказательства, если они не были оспорены подозреваемым, его защитником, потерпевшим или его представителем;

- не допрашивать лиц, от которых в ходе проверки сообщения о преступлении были получены объяснения, за исключением случаев, если необходимо установить дополнительные, имеющие значение для уголовного дела фактические обстоятельства, сведения о которых не содержатся в материалах проверки сообщения о преступлении, либо необходимо проверить доказательства, достоверность которых оспорена подозреваемым, его защитником, потерпевшим или его представителем;

- не назначать судебную экспертизу по вопросам, ответы на которые содержатся в заключении специалиста по результатам исследования, проведенного в ходе проверки сообщения о преступлении, за исключением следующих случаев: необходимость установления по уголовному делу дополнительных, имеющих значение для уголовного дела фактических обстоятельств; необходимость проверки выводов специалиста, достоверность которых поставлена под сомнение подозреваемым, его защитником, потерпевшим или его представителем; наличие предусмотренных статьей 196 Уголовно-процессуального кодекса РФ оснований для обязательного назначения судебной экспертизы;

- не производить иные следственные и процессуальные действия, направленные на установление фактических обстоятельств, сведения о которых содержатся в материалах проверки сообщения о преступлении, если такие сведения отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам настоящим Кодексом.

Анализ указанных положений Уголовно-процессуального кодекса РФ свидетельствует о различиях в пределах доказывания при проведении дознания в общей форме и в сокращенной, что влияет на обоснованность такого процессуального решения дознавателя, как обвинительное постановление, в сравнении с обвинительным актом.

Кроме того, вызывает сомнения предоставленная законодателем дознавателю возможность при проведении дознания в сокращенной форме не допрашивать лиц, от которых в ходе проверки

сообщения о преступлении были получены объяснения.

Какой процессуальный статус будут иметь данные объяснения в рамках процесса доказывания?

Законодатель относит к видам доказательств: показания подозреваемого, обвиняемого; показания потерпевшего, свидетеля; заключение и показания эксперта; заключение и показания специалиста; вещественные доказательства; протоколы следственных и судебных действий; иные документы (ч. 2 ст. 74 УПК РФ).

Учитывая положения ч. 2 ст. 74 Уголовно-процессуального кодекса РФ, объяснения не относятся к доказательствам и не могут быть включены в перечень доказательств в обвинительное постановление. Соответственно, законодателю целесообразно исключить норму, предоставляющую возможность «не допрашивать лиц, от которых в ходе проверки сообщения о преступлении были получены объяснения», из положений ч. 3 ст. 226.5 Уголовно-процессуального кодекса РФ.

Дополнительно хотелось бы отметить несоответствие правовых норм, определяющих содержание обвинительного постановления и пределов доказывания, определенных в ч. 1 и 2 ст. 226.5 Уголовно-процессуального кодекса РФ. В частности, в соответствии с требованиями ст. 226.7, 225 Уголовно-процессуального кодекса в содержание обвинительного постановления должны быть включены обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание. Как уже отмечалось ранее, ч. 1 и 2 ст. 226.5 УПК РФ позволяет ограничиться сбором доказательств, устанавливающих событие преступления, характер и размер причиненного им вреда, виновность лица в совершении преступления.

Обвинительное постановление как процессуальное решение дознавателя должно быть составлено в предусмотренные законом сроки, которые составляют 10 суток со дня вынесения постановления о производстве дознания в сокращенной форме. Обвинительное постановление подписывается дознавателем, его утверждение возложено на начальника органа дознания. В случае если при осуществлении по уголовному делу дознания в сокращенной форме, дознаватель обязан произвести большой объем процессуальных действий, чтобы выполнить требования ст. 226.5 УПК РФ, и составить обвинительное постановление в предусмотренные законом сроки не представляется возможным, по истечении этого срока дознание должно быть продолжено в общем порядке, о чем выносится соответствующее постановление.

В течение 3 суток со дня составления обвинительного постановления обвиняемый и его защитник должны быть ознакомлены, а потерпевший и (или) его представители имеют право ознакомиться с обвинительным постановлением и материалами уголовного дела, о чем в протоколе ознакомления участников уголовного судопроизводства с материалами уголовного дела делается соответствующая отметка. В случае невозможности их

ознакомления в установленный срок производство дознания на основании постановления дознавателя продолжается в общем порядке, о чем по аналогии с требованиями ч. 3 ст. 226.7 Уголовно-процессуального кодекса РФ дознаватель выносит соответствующее постановление.

В соответствии с ч. 6 ст. 226.7 Уголовно-процессуального кодекса РФ обвиняемый, его защитник, потерпевший и (или) его представитель до окончания ознакомления с обвинительным постановлением и материалами уголовного дела вправе заявить ряд ходатайств:

– о признании доказательства, указанного в обвинительном постановлении, недопустимым в связи с нарушением закона, допущенным при получении такого доказательства;

– о производстве дополнительных следственных и иных процессуальных действий, направленных на восполнение пробела в доказательствах по уголовному делу, собранных в объеме, достаточном для обоснованного вывода о событии преступления, характере и размере причиненного им вреда, а также о виновности обвиняемого в совершении преступления;

– о производстве дополнительных следственных и иных процессуальных действий, направленных на проверку доказательств, достоверность которых вызывает сомнение, что может повлиять на законность итогового судебного решения по уголовному делу.

Кроме того, обвиняемый, его защитник, потерпевший и (или) его представитель могут также заявить ходатайство о пересоставлении обвинительного постановления в случае его несоответствия требованиям Уголовно-процессуального кодекса РФ.

В случае удовлетворения вышеуказанных ходатайств срок для устранения производства процессуальных действий и пересоставления обвинительного постановления составляет 2 суток со дня окончания ознакомления обвиняемого, его защитника, потерпевшего и (или) его представителя с обвинительным постановлением и материалами уголовного дела. Далее дознаватель знакомит вышеуказанных лиц с пересоставленным обвинительным постановлением и направляет уголовное дело с обвинительным постановлением, утвержденным начальником органа дознания, прокурору.

В соответствии со ст. 226.8 Уголовно-процессуального кодекса РФ прокурор рассматривает уголовное дело, поступившее с обвинительным постановлением, в течение 3 суток. В указанной статье также предусмотрены виды решений прокурора по уголовному делу, поступившему с обвинительным постановлением:

1) об утверждении обвинительного постановления и о направлении уголовного дела в суд;

2) о возвращении уголовного дела для пересоставления обвинительного постановления в случае его несоответствия требованиям части первой статьи 226.7 Уголовно-процессуального кодекса РФ, устанавливая для этого срок не более 2 суток;

3) о направлении уголовного дела дознавателю для производства дознания в общем порядке в следующих случаях:

– наличии обстоятельств, исключающих производство дознания в сокращенной форме;

– если при производстве по уголовному делу были допущены существенные нарушения требований настоящего Кодекса, повлекшие ущемление прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства;

– если собранных доказательств в совокупности недостаточно для обоснованного вывода о событии преступления, характере и размере причиненного им вреда, а также о виновности лица в совершении преступления;

– наличии достаточных оснований полагать самоговор обвиняемого;

– прекращении поступившего от дознавателя уголовного дела по основаниям, предусмотренным статьями 24, 25, 27, 28 и 28.1 настоящего Уголовно-процессуального кодекса РФ.

Причем в соответствии с ч. 2 ст. 226.8 Уголовно-процессуального кодекса РФ при утверждении обвинительного постановления прокурор вправе своим постановлением исключить из него отдельные пункты обвинения либо переквалифицировать обвинение на менее тяжкое.

Утвердив обвинительное постановление, прокурор обязан вручить его копию с соответствующими приложениями обвиняемому, его защитнику, потерпевшему и (или) его представителю, после чего направляет уголовное дело в суд, о чем уведомляет вышеуказанных лиц.

Библиографический список

1. Герасенков В.М. Модели ускоренного досудебного производства в российском уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Москва: ФГКО ВО «Университет прокуратуры Российской Федерации». 2020. URL: <https://vak.minobrnauki.gov.ru/advert/100052573>.
2. Постановление Конституционного Суда РФ от 24 апреля 2003 г. № 7-П по делу о проверке конституционности положения пункта 8 Постановления Государственной думы от 26.05.2000 «Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в ВОВ 1941–1945» в связи с жалобой гражданки Л. М. Запорожец // Собрание законодательства РФ. 2003. № 18. Ст. 1748. URL: <https://www.szrf.ru/szrf/doc.php?nb=100&iissid=1002003018000&docid=28>.
3. Арестова Е. Н., Крюкова Н. И. Согласие потерпевшего как одно из условий производства дознания в сокращенной форме // Уголовное право и процесс. Экономика. Право. Общество. 2017. № 1 (9). С. 89–95.
4. Зотова М. В. О процессуальной деятельности прокурора по уголовному делу, поступившему с обвинительным постановлением // Вестник Воронежского института МВД России. 2016. № 2. С. 85–92.
5. Спирин А. В., Журавлева Н. М. Особенности прокурорского надзора за дознанием в сокращенной форме // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2018. № 1 (43). С. 88–95.
6. Митькова Ю. С. Следует ли расширить процессуальные полномочия прокурора при производстве дознания в сокращенной форме (постановка проблемы) // Научный вестник Омской Академии МВД России. 2018. № 4 (71). С. 56–60. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sleduet-li-rasshirit-protsessualnye-polnomochiya-prokurora-pri-proizvodstve-doznaniya-v-sokraschennoy-forme-postanovka-problemy/viewer>.
7. Каджая А. А. Модель прокурорского дознания как основа реформы досудебного производства по уголовным делам. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/model-prokurorskogo-doznaniya-kak-osnova-reformy-dosudebnogo-proizvodstva-po-ugolovnym-delam/viewer>.
8. Ситник В. В. Теоретические аспекты прокурорского надзора за исполнением законов органами, осуществляющими дознание // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 4 (89). С. 185–193. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-aspekty-prokurorskogo-nadzora-za-ispolneniem-zakonov-organami-osuschestvlyayushimi-doznanie>.
9. Семенов В. А., Пестов А. Д. О процессуальных полномочиях прокурора при производстве дознания в сокращенной форме // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 7 (68). С. 134–142. DOI: <http://doi.org/10.17803/1994-1471.2016.7.68.134-143>.
10. Керенцева Д. Д. Правовой статус дознавателя при производстве дознания в сокращенной форме // Политехнический молодежный журнал МГТУ им. Н.Э. Баумана. 2019. № 3. DOI: <http://doi.org/10.18698/2541-8009-2019-3-448>.

References

1. Gerasenkov V. M. *Modeli uskorennoogo dosudebnogo proizvodstva v rossiiskom ugovolnom protsesse. dis. ... kand. yurid. nauk* [Models of accelerated pre-trial proceedings in the Russian criminal process: Candidate's of Legal Sciences thesis]. Moscow: FGKO VO «Universitet prokuratury Rossiiskoi Federatsii», 2020. Available at: <https://vak.minobrnauki.gov.ru/advert/100052573> [in Russian].
2. *Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 24 aprelya 2003 g. № 7-P po delu o proverke konstitutsionnosti polozheniya punkta 8 Postanovleniya Gosudarstvennoi Dumy ot 26.05.2000 «Ob ob'yavlenii amnistii v svyazi s 55-letiem Pobedy v VOV 1941–1945» v svyazi s zhaloboi grazhdanki L. M. Zaporozhets* [Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated April 24, 2003 № 7-P with regard to case of checking the constitutionality of the provisions of paragraph 8 of the Resolution of the State Duma as of May 26, 2000 «On the declaration of amnesty in connection with

the 55th anniversary of Victory in the Great Patriotic War of 1941–1945» in connection with the complaint of citizen L. M. Zaporozhets]. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collected Legislation of the Russian Federation], 2003, no. 18, Article 1748. Available at: <https://www.szrf.ru/szrf/doc.php?nb=100&issid=1002003018000&docid=28> [in Russian].

3. Arestova E. N., Kryukova N. I. Consent of the Victim as One of the Conditions of the Inquiry in Abbreviated Form. *Ugolovnoye pravo i protsess. Ekonomika. Pravo. Obshchestvo* [Criminal law and process. Economy. Right. Society], 2017, no. 1 (9), pp. 89–95 [in Russian].

4. Zotova M. V. *O protsessual'noy deyatel'nosti prokurora po ugovnomu delu, postupivshemu s obvinitel'nym postanovleniyem* [On the procedural activities of the prosecutor in a criminal case received with an indictment]. *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii* [Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2016, no. 2, pp. 85–92 [in Russian].

5. Spirin A. V., Zhuravleva N. M. *Osobennosti prokurorskogo nadzora za doznaniyem v sokrashchennoy forme* [Features of the prosecutor's supervision over the inquiry in an abbreviated form]. *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika* [Legal Science and Law Enforcement Practice], 2018, no. 1 (43), pp. 88–95 [in Russian].

6. Mit'kova Yu. S. *Sleduyet li rasshirit' protsessual'nyye polnomochiya prokurora pri proizvodstve doznaniya v sokrashchennoy forme (postanovka problemy)* [Should the procedural powers of the prosecutor be expanded in the production of an inquiry in an abbreviated form (setting the problem)]. *Nauchnyy vestnik Omskoy Akademii MVD Rossii* [Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2018, no. 4 (71), pp. 56–60. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/sleduet-li-rasshirit-protsessualnye-polnomochiya-prokurora-pri-proizvodstve-doznaniya-v-sokraschennoy-forme-postanovka-problemy/viewer> [in Russian].

7. Kadzhaya A. A. *Model' prokurorskogo doznaniya kak osnova reformy dosudebnogo proizvodstva po ugovnym delam* [Model of the prosecutor's inquiry as the basis for the reform of pre-trial proceedings in criminal cases]. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/model-prokurorskogo-doznaniya-kak-osnova-reformy-dosudebnogo-proizvodstva-po-ugolovnym-delam/viewer> [in Russian].

8. Sitnik V. V. *Teoreticheskiye aspekty prokurorskogo nadzora za ispolneniyem zakonov organami, osushchestvlyayushchimi doznaniye* [Theoretical aspects of prosecutorial supervision over the execution of laws by bodies carrying out inquest]. *Aktual'nyye problemy rossiyskogo prava* [Actual problems of Russian law], 2018, no. 4 (89), no. 185–193. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-aspekty-prokurorskogo-nadzora-za-ispolneniem-zakonov-organami-osuschestvlyayushchimi-doznanie> [in Russian].

9. Sementsov V.A., Pestov A.D. *O protsessual'nykh polnomochiyakh prokurora pri proizvodstve doznaniya v sokrashchennoy forme* [On the procedural powers of the prosecutor in the production of an inquiry in an abbreviated form]. *Aktual'nyye problemy rossiyskogo prava* [Actual problems of Russian law], 2016, no. 7 (68), pp. 134–142. DOI: <http://doi.org/10.17803/1994-1471.2016.7.68.134-143> [in Russian].

10. Kerentseva D. D. *Pravovoy status doznatelya pri proizvodstve doznaniya v sokrashchennoy forme* [The legal status of the inquiry officer in the production of an inquiry in an abbreviated form]. *Politekhnicheskyy molodezhnyy zhurnal MGTU im. N.E. Baumana* [Politechnical student journal], 2019, no. 3. DOI: <http://doi.org/10.18698/2541-8009-2019-3-448> [in Russian].

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО INTERNATIONAL LAW

DOI: 10.18287/2542-047X-2021-7-2-83-95

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 341.1

Дата поступления: 12.03.2021

рецензирования: 17.04.2021

принятия: 25.05.2021

Специальная законодательная процедура в праве Европейского союза: сферы регулирования и специфика межинституционального взаимодействия

И. В. Астапенко

Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация
E-mail: astapenko.ilya.94@mail.ru

Н. Н. Мазаева

Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация
E-mail: n_mazaeva2001@mail.ru

Аннотация: В статье исследован вопрос взаимодействия институтов Европейского союза в процессе принятия правовых актов в рамках специальной законодательной процедуры. Проведены систематизация и анализ сфер применения специальной законодательной процедуры и обычной законодательной процедуры в праве Европейского союза. Выявлено, что принятие актов в соответствии с тем или иным видом законодательной процедуры отражает двойственную природу современного Евросоюза, в котором присутствуют как наднациональное, так и межгосударственное начала правового регулирования различных сфер общественных отношений. Рассмотрены основные виды специальной законодательной процедуры (консультация, одобрение), в рамках которых на практике наблюдается интенсивное межинституциональное взаимодействие в процессе выработки итогового текста проекта акта, в том числе путем проведения неформальных консультаций и иных процедур, прямо не закрепленных в нормах первичного права Европейского союза. Хотя Совет продолжает сохранять доминирующее положение в большинстве случаев использования специальной законодательной процедуры, Парламент тем не менее имеет относительно широкие возможности по влиянию на позицию Совета. Де-факто расширению полномочий Парламента в рамках специальной законодательной процедуры способствуют как позиция Суда Европейского союза, выраженная в ряде решений по конкретным делам, так и возросшая степень влияния Парламента на деятельность Комиссии (которая по общему правилу обладает правом законодательной инициативы), закрепленная в нормах учредительных договоров.

Ключевые слова: Европейский союз; право ЕС; специальная законодательная процедура; межинституциональное взаимодействие; Европейский Парламент; Совет ЕС; нормотворчество; правовые акты ЕС.

Цитирование. Астапенко И. В., Мазаева Н. Н. Специальная законодательная процедура в праве Европейского союза: сферы регулирования и специфика межинституционального взаимодействия // Юридический вестник Самарского университета. 2021. Т. 7, № 2. С. 83–95. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2021-7-2-83-95>.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Астапенко И. В., Мазаева Н. Н., 2021

Илья Валерьевич Астапенко – аспирант, Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации, 119285, Российская Федерация, г. Москва, Воробьевское шоссе, ба.

Наталья Николаевна Мазаева – кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права, Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации, 119285, Российская Федерация, г. Москва, Воробьевское шоссе, ба.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 12.03.2021

Revised: 17.04.2021

Accepted: 25.05.2021

Special legislative procedure in EU law: areas of regulation and specifics of interinstitutional cooperation

I. V. Astapenko

Russian Foreign Trade Academy of the Ministry for Economic Development of the Russian Federation,
Moscow, Russian Federation
E-mail: astapenko.ilya.94@mail.ru

N. N. Mazaeva

Russian Foreign Trade Academy of the Ministry for Economic Development of the Russian Federation,
Moscow, Russian Federation
E-mail: n_mazaeva2001@mail.ru

Abstract: The article is devoted to the issue of cooperation between the institutions of the European Union in the process of adopting legal acts within the framework of a special legislative procedure. Authors analyzed the scope of application of special legislative procedure and ordinary legislative procedure in the EU. It was revealed that the adoption of acts in accordance with one or another type of legislative procedure reflects the dual nature of the European Union, which contains both supranational and interstate principles of legal regulation of various spheres of public relations. The main types of special legislative procedure (consultation, approval) are considered, within the framework of which, in practice, there is intense inter-institutional interaction in the process of developing the final text of the draft act, including through informal consultations and other procedures not directly enshrined in the EU primary law. Although the Council continues to dominate in most cases of the use of special legislative procedure, Parliament nevertheless has relatively wide opportunities to influence the position of the Council. De facto, the expansion of the Parliament's powers within the framework of a special legislative procedure is facilitated by both the position of the EU Court, expressed in a number of decisions on specific cases, and the increased degree of Parliament's influence on the activities of the Commission (which, as a general rule, has the right to initiate legislation), enshrined in the provisions of the constituent agreements.

Key words: European Union; EU law; special legislative procedure; interinstitutional cooperation; European Parliament; Council; lawmaking

Citation. Astapenko I. V., Mazaeva N. N. *Spetsial'naya zakonodatel'naya protsedura v prave Evropeiskogo soyuza: sfery regulirovaniya i spetsifika mezhhinstitutsional'nogo vzaimodeistviya* [Special legislative procedure in EU law: areas of regulation and specifics of interinstitutional cooperation]. *Juridicheskiy vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2021, vol. 7, no. 2, pp. 83–95. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2021-7-2-83-95> [in Russian].

Information about the conflict of interests: authors declare no conflict of interests.

© Astapenko I. V., Mazaeva N. N., 2021

Ilya V. Astapenko – postgraduate student, Russian Foreign Trade Academy of the Ministry for Economic Development of the Russian Federation, 6a, Vorobiovskoe shosse, Moscow, 119285, Russian Federation.

Natalya N. Mazaeva – Candidate of Juridical Sciences, associate professor of the Department of International Law, Russian Foreign Trade Academy of the Ministry for Economic Development of the Russian Federation, 6a, Vorobiovskoe shosse, Moscow, 119285, Russian Federation.

Одной из характерных черт развития современного мира стали продолжающиеся процессы глобализации и регионализации в экономической сфере, следствием чего является возникновение новых и развитие уже существующих региональных интеграционных объединений. Подобные образования имеют ряд уникальных черт, отличающих их от классических международных организаций, прежде всего в контексте передачи им государствами-членами части своих суверенных полномочий в том числе в сфере правотворчества [1; 2]. Теоретическое осмысление указанного явления в международно-правовой доктрине привело к формулированию термина «наднациональность». На сегодняшний день общепризнанного определения данного понятия в науке не выработано [3, с. 8]. При этом исследователи, занимающиеся указанной проблематикой, выделяют ряд характерных черт наднациональной организации, к которым относятся, в том числе независимость ее органов от государств-участников (это касается и порядка формирования указанных органов), а также принятие ими решений (нормотворчество в рамках организации), имеющих обязательную силу, большинством голосов [2, с. 105].

Вопросы, связанные с механизмом нормотворчества в наднациональных объединениях, представляются весьма актуальными в контексте

активного участия России в формировании и развитии правовой системы Евразийского экономического союза (ЕАЭС). На сегодняшний день в отечественной доктрине присутствуют различные точки зрения относительно эффективности институционально-правового механизма ЕАЭС, перспектив его эволюции, нахождения баланса между межгосударственным и наднациональным (коммунитарным) началом в процессе углубления интеграции [4–6]. В этом контексте целесообразным представляется изучение опыта иных организаций схожего типа, в первую очередь Европейского союза, который, по замечанию М. В. Стрежневой, представляет собой наиболее выразительный пример проявления свойств наднациональности в современном международном праве [5, с. 5].

Европейский опыт в рассматриваемой сфере примечателен тем, что Евросоюз в его современном виде представляет собой, по мнению многих ученых, международную организацию *sui generis*, сочетающую в себе черты как межгосударственного сотрудничества, так и наднациональные (федеративные) [2, с. 23]. Указанный аспект находит свое выражение как в формах и методах регулирования различных сфер общественных отношений в рамках ЕС (многие направления в рамках общей внешней политики и политики безопасности по-прежнему тяготеют к международно-правовому

характеру регулирования, в то время как области, связанные с функционированием внутреннего рынка, регулируются наднациональными (коммунитарными) нормами), так и в институциональной структуре Союза, в которой на уровне представительства сочетаются, с одной стороны, межгосударственное начало (в лице Европейского совета и Совета ЕС), а с другой, – наднациональное (в лице Парламента и Комиссии).

Процесс нормотворчества в рамках ЕС отражает его уникальную и сложную структуру и характеризуется значительным набором методов. Учредительные документы Евросоюза (Договор о ЕС, 1992 г. – далее ДЕС и Договор о функционировании ЕС, 1957 г. – далее ДФЕС) в редакции Лиссабонского договора 2007 года четко дифференцируют правовые акты Союза на законодательные и незаконодательные. Основным отличием этих двух типов актов является в том числе способ (процедура) их принятия. В отношении законодательных актов (регламентов, директив и решений) в учредительных договорах имеется указание на конкретную процедуру, подлежащую применению. Выделяется два основных типа законодательной процедуры (обычная законодательная процедура (*ordinary legislative procedure*) и специальная законодательная процедура (*special legislative procedure*), которые во многом отражают двойственность регулирования общественных отношений в ЕС, исходя из их наднационального и межгосударственного начал. Обычная законодательная процедура (ОЗП) исторически появилась позднее и на сегодняшний день является своего рода венцом наднационального регулирования в ЕС: в рамках ОЗП акты принимаются на равных основаниях институтами-созаконодателями (Парламентом и Советом, причем в последнем активно используется практика принятия решений большинством голосов)¹. Последовательное расширение компетенций Союза привело к тому, что в настоящее время ОЗП занимает доминирующее положение по сравнению со специальной законодательной процедурой в праве ЕС и применяется более, чем в 70 случаях (см. таблицу 1).

Согласно п. 2 статьи 289 ДФЕС: «В особых случаях, предусмотренных Договорами, принятие регламента, директивы или решения Европейским парламентом при участии Совета или Советом при участии Европейского парламента образует специальную законодательную процедуру»². Таким образом, отличительным признаком специ-

альной законодательной процедуры (СЗП) является принятие законодательного акта только одним институтом (в подавляющем большинстве случаев – Советом) при получении одобрения или после консультации с другим институтом-созаконодателем (обычно в этой роли выступает Парламент).

Несмотря на единое название, в действительности под СЗП процессуально понимается три различных вида процедур, обусловленных разной степенью участия Парламента и Совета в правотворческом механизме:

СЗП-1: принятие законодательных актов Советом после консультации с Европейским парламентом / Процедура консультации (*consultation procedure*);

СЗП-2: принятие законодательных актов Советом после одобрения Европейским парламентом (...the consent of the European Parliament) / Процедура одобрения;

СЗП-3: принятие законодательных актов Европейским парламентом после одобрения Советом (... the consent of the Council).

Необходимо отметить, что вышеуказанная систематизация трех видов специальной законодательной процедуры в учредительных договорах ЕС структурно и терминологически не закреплена – авторы выделяют ее на основании анализа законодательных процессуальных механизмов в различных сферах правового регулирования (см. таблицу 2), процессуальных регламентов правотворческих институтов ЕС и в соответствии с доктриной права Европейского союза³.

Исходя из приведенных в таблице 2 данных, в совокупности специальная законодательная процедура применяется в чуть более 30 случаев, что существенно уступает сфере применения ОЗП. Зачастую СЗП применяется в наиболее чувствительных для суверенитета государств-участников сферах, напрямую не отнесенных учредительными договорами к исключительной компетенции ЕС. СЗП активно применяется в сферах, отнесенных ДФЕС к совместной компетенции Союза и государств-членов (например, согласно п. 2 ст. 153 ДФЕС, сфере социальной политики и защиты прав работников). Часто специальная законодательная процедура применяется в дополнение к ОЗП, в более узких сегментах регулирования. К примеру, п. 2 ст. 21 ДФЕС наделяет Парламент и Совет правом принимать посредством ОЗП акты, способствующие реализации прав граждан ЕС на свободное передвижение и проживание на территории государств-членов (широкая сфера регулирования). В пункте 3 ст. 21 ДФЕС Совет наделяется правом посредством СЗП принимать меры по обеспечению социальной защиты и социальных гарантий граждан ЕС (узкий сегмент регулирования).

¹ Более детально механизм принятия законодательных актов в рамках ОЗП рассматривается в [1].

² URL: <https://eulaw.ru/treaties/tfeu>. Автор перевода Четвериков Артем Олегович. Оригинальный текст. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:12012E/TXT&from=EN>:

«2. In the specific cases provided for by the Treaties, the adoption of a regulation, directive or decision by the European Parliament with the participation of the Council, or by the latter with the participation of the European Parliament, shall constitute a special legislative procedure».

³ До Лиссабонского договора процедура консультаций и процедура одобрения/санкционирования были терминологически закреплены в учредительных договорах ЕС, сегодня используются в регламентах Совета и Европейского парламента, а также – в правовой доктрине ЕС.

Еще одним характерным примером является ст. 194 ДФЕС, в п. 2 которой устанавливается право Парламента и Совета по ОЗП принимать решения в рамках общей энергетической политики, при этом меры, имеющие по существу налоговый характер, Совет принимает единогласно по СЗП после консультации с Парламентом (п. 3 ст. 194 ДФЕС) [4, с. 636].

Говоря о специальной законодательной процедуре, необходимо отметить наличие в первичном праве ЕС определенной терминологической несогласованности по данному вопросу. В ряде статей ДФЕС при описании процедуры принятия решений имеется прямое указание на специальную законодательную процедуру (к примеру, ст. 113 ДФЕС) [6–9]. При этом в учредительных договорах присутствуют множественные места, в которых *de facto* описываются аналогичные процедуры (консультации или одобрения), однако *de jure* они прямо не характеризуются как законодательные (например, ст. 50 ДЕС, ст. 103 ДФЕС). В зарубежной доктрине ученые по-разному подходят к классификации указанных типов процедур. Некоторые исследователи при описании специальных законодательных процедур относят к ним как те, которые ДФЕС прямо именуется «специальными законодательными», так и те, по поводу которых подобных положений в учредительном договоре не содержится, но они схожи со специальными законодательными процедурами по содержанию [10, р. 173]. В то же время другие справедливо отмечают, что, исходя из буквального прочтения норм ДФЕС, последние процедуры некорректно относить к законодательным [8]. Не углубляясь в проблематику классификации подобного рода нормотворческих процедур, отметим, что в рамках настоящей работы авторы под специальными законодательными процедурами понимают только те, в отношении которых в ДФЕС имеются прямые указания на их «законодательный» характер.

Приверженность авторов данной точке зрения обоснована системным толкованием норм ДЕС и ДФЕС: в рамках специальной законодательной процедуры (как и в рамках ОЗП) проект акта в обязательном порядке направляется национальным парламентам стран-членов, которые могут дать свои заключения на его соответствие принципам субсидиарности и пропорциональности. Кроме того, обсуждение в Совете по таким проектам должно в обязательном порядке проводиться публично (ст. 16 ДЕС, ст. 15 ДФЕС)⁴. Так, Суд ЕС в своем решении по объединенному делу Словакия и Венгрия против Совета указал на правомерность действий Совета, принявшего Решение 2015/1604 от 22 сентября 2015 г. квалифицированным большинством и не направлявшего проект акта национальным парламентам стран-членов, поскольку в ч. 3 ст. 78 ДФЕС (на основе которой принималось

решение) содержится указание только на необходимость соблюдения процедуры консультации без указания на ее законодательный характер⁵.

СЗП-1: принятие законодательных актов Советом после консультации с Европейским парламентом / Процедура консультации

Процедура консультации исторически является первым и наиболее простым с процессуальной точки зрения видом нормотворческой процедуры в ЕС. Первоначально указанный вид процедуры распространялся на подавляющее большинство сфер, в которых Союз был уполномочен принимать решения. Впоследствии с ростом влияния наднационального начала в ЕС, выражавшегося, в частности, в расширении полномочий Парламента, область применения процедуры консультации стала постепенно сужаться, уступая место в первую очередь процедуре совместного принятия решений (обычной законодательной процедуре в редакции Лиссабонского договора). Между тем сфера ее применения все еще весьма значительна. До вступления в силу Лиссабонского договора, расширившего область применения ОЗП, количество актов, принятых по процедуре консультаций, почти в полтора раза превышало количество актов, принятых по процедуре совместного принятия решений. Так, в период с 1999 по 2007 год, по данным Службы обзора законодательства Европейского парламента, 925 актов было принято с использованием процедуры консультации и 540 актов – через процедуру совместного принятия решений [9, р. 387]. После изменений, внесенных Лиссабонским договором, рассматриваемая процедура до сих пор продолжает применяться при регулировании целого ряда сфер общественных отношений (см. таблицу 2).

Суть процедуры консультации заключается в том, что единственным законодательным институтом в ней выступает Совет. В функцию Парламента в данном случае входит лишь ознакомление с проектом акта и составление консультационного заключения, которое не имеет обязательной силы и может быть отвергнуто Советом. Многие зарубежные исследователи сходятся во мнении, что у Парламента нет реальных полномочий в рамках рассматриваемого вида процедуры⁶. С учетом отсутствия необходимости согласования позиций институтов-созаконодателей в учредительных договорах регламент данной процедуры не прописан подробно в учредительных договорах, в отличие, например, от ОЗП (детально прописана в ст. 294

⁴ По общему правилу, закрепленному в ст. 15 ДФЕС, Парламент публично проводит слушания по проектам любых актов, как законодательных, так и незаконодательных.

⁵ CJEU – Joined Cases C-643/15 and C-647/15 Slovak Republic and Hungary v Council of the European Union, 6 September 2017. European Database of Asylum Law. URL: <https://www.asylumlawdatabase.eu> (assessed 14.02.2021).

⁶ См., напр. Crombez C. Legislative Procedures in the European Community // British Journal of Political Science. 1996. Vol. 26, no. 2. P. 199–218.; Laruelle A. The EU Decision-Making Procedures: Some Insight from Non Co-operative Game Theory // van Deemen A., Widgren M. and Hosli M. (eds.) Institutional Challenges in the European Union. London: Routledge, 2002; Westlake M. A Model Guide to the European Parliament. London: Pinter, 1994.

ДФЕС). ДФЕС лишь регламентирует способ голосования в Совете в каждом конкретном случае, напрямую связывая его с областью, подлежащей регулированию, и ее важностью с точки зрения суверенитета государств-членов. В подавляющем большинстве случаев нормы ДФЕС прямо закрепляют единогласный принцип принятия проектов актов Советом, однако имеются и некоторые исключения (например, ст. 23, п. 4 ст. 182 абз. 2 ст. 311 ДФЕС), предполагающие голосование в Совете квалифицированным большинством [7]. Учредительные договоры не оговаривают каких-либо четких временных сроков проведения процедуры «принятие правового акта Советом».

Хотя Парламент в рамках данной процедуры и лишен права вето, а также возможности внести обязательные для Совета изменения в проект акта, в действительности у него остается ряд формальных и неформальных рычагов влияния. Так, мнение Парламента тем не менее должно быть обязательно получено Советом. Совет не может, даже если не намерен принимать во внимание позицию Парламента, проигнорировать получение консультационного заключения и сразу перейти к рассмотрению проекта акта и финального голосования. Данная обязанность проистекает из толкования Судом ЕС подобных правотворческих норм еще в период существования Европейского экономического сообщества, в частности, по делу *SA Roquette Freres v. Council*⁷ Суд принял решение, в котором признал Регламент 1293/79/СЕЕ, принятый Советом, недействительным по причине принятия решения без получения консультативного заключения Парламента. В своем решении Суд, в частности, указал, что участие Парламента в тогда еще де-юре процедуре консультаций, пусть даже ограниченное, представляет собой ключевой фактор институционального баланса, заложенного нормами Учредительных договоров⁸.

Таким образом, в условиях необходимости для Совета получить заключение Парламента последний может воспользоваться этим правом для затягивания процесса принятия акта. В период, пока Совет ожидает поступления консультативного заключения, Парламент может инициировать проведение неформальных консультаций с представителями Совета и Комиссии с целью убедить их прислушаться к его позиции (возможность проведения консультаций оговорена, в частности, в п. 2 ст. 83 Внутреннего регламента Парламента). В данном контексте некоторые зарубежные ученые считают уместным провести аналогию между подобной «стратегией затягивания» Парламента и институтом «филибастера» в Сенате Конгресса США [10, p. 175].

Эмпирические исследования, проведенные рядом ученых, указывают на то, что подобная тактика может приносить положительный результат

(Совет в таком случае прислушивается к мнению Парламента и вносит соответствующие поправки в проект акта). При этом, чтобы указанная стратегия сработала на практике, обычно необходимо выполнение ряда условий, среди которых: поправки в проект акта должны поддерживаться подавляющим большинством депутатов; Совет по тем или иным причинам должен быть заинтересован в быстром принятии акта; голосование в Совете должно требовать единогласия; Парламент должен заручиться поддержкой Комиссии при обосновании своей позиции [10, p. 175]. Возросшая роль Парламента в процессе формирования и контроля деятельности Комиссии после принятия Лиссабонского договора также может являться весомым аргументом для последней при необходимости учета мнения Парламента. Также в соответствии с пп. i п. 40 Рамочного соглашения о взаимоотношениях между Европейским Парламентом и Европейской Комиссией 2010 г.⁹ Комиссия обязуется на сколько это возможно учитывать мнение Парламента при подготовке проекта акта, а также (в соответствии с пп. iii п. 40) убедиться в том, что Совет повторно запросил консультационное заключение Парламента в случае внесения в проект акта существенных поправок¹⁰. В пункте 3 ст. 83 Внутреннего регламента Парламента закреплена возможность обращения к Комиссии с призывом отозвать проект акта (по инициативе профильного парламентского комитета). Кроме того, как указывается в п. 43 Рамочного соглашения, в тех сферах, где Парламент «обычно вовлечен в законодательный процесс», Комиссии следует предоставлять детальное объяснение того, каким образом точка зрения Парламента по тому или иному вопросу была учтена при подготовке акта.

Парламент также располагает большими возможностями оказать влияние на позицию Совета в случае, если проект акта, принимаемого по процедуре консультации, идет в «пакете» с проектами актов, принимаемых по другим типам законодательных процедур, в первую очередь по ОЗП [10, p. 175].

Тем не менее возможности Парламента по затягиванию с принятием консультативного заключения не являются безграничными. Суд ЕС установил обязательность для Совета дожидаться реакции Парламента на проект акта еще в 1995 году – в решении по делу *Parliament v. Council* 1995 г., указав, что Парламент не должен злоупотреблять указанной возможностью и «честно взаимодействовать с Советом» (*to cooperate sincerely with the Council*)¹¹. Вместе с тем с учетом отсутствия как в

⁷ См. также дело *Parliament v. Council* (Case C-65/90 (1992) I-4593).

⁸ Judgment of the ECJ of October 1980, *SA Roquette Freres v. Council*, Case 138/79, ECLI: EU:1980:249, 33–36.

⁹ Framework Agreement on relations between the European Parliament and the European Commission // EUR-Lex URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/TXT/?uri=CELEX%3A32010Q1120%2801%29> (assesses 06.02.2021).

¹⁰ Необходимость запроса повторной консультации закреплена в п. 1 ст. 84 Внутреннего регламента Парламента, а также нашла свое отражение в ряде решений Суда ЕС, в частности по делу C-388/92 *European Parliament v. Council* (1994).

¹¹ Case C-65/93 *Parliament v. Council* (1995) I-643.

учредительных договорах, так и в указанном решении Суда каких-либо конкретных сроков вынесения Парламентом консультативного заключения представляется, что он все же не лишен возможности затягивать процесс принятия акта на достаточно продолжительный период. Указанное решение Суда однозначно говорит лишь о невозможности в принципе не предоставлять консультативное заключение, что в условиях обязательности его наличия для Совета являлось бы способом наложения вето на проект акта.

СЗП-2: принятие законодательных актов Советом после одобрения Европейским парламентом / Процедура одобрения

Вторым типом специальной законодательной процедуры является процедура одобрения. В ее рамках в большинстве случаев законодательный акт принимается Советом по инициативе Комиссии. При этом для того, чтобы акт был принят Советом, Парламент должен его одобрить. В отличие от процедуры консультации, Парламент в данном случае обладает правом вето. В процессе рассмотрения проекта акта в Парламенте, первоначально в соответствии с Внутренним регламентом он проходит согласование в профильном комитете. По итогам работы комитета проект акта выносится на голосование на пленарную сессию (ст. 105 Внутреннего регламента ЕП). Парламент принимает решение об одобрении без внесения каких-либо изменений в проект акта. Порядок голосования (простым большинством или большинством от списочного состава Парламента) определяется казуистично в каждой конкретной статье ДФЕС. Как и в случае с процедурой консультации, конкретные сроки процедуры одобрения в учредительных договорах не оговариваются. Во Внутреннем регламенте Парламента (ч. 3 ст. 105) указывается на необходимость для профильного комитета действовать без «чрезмерного промедления». Обычно период рассмотрения в профильном комитете не должен превышать 6 месяцев, в противном случае Конференция председателей может вынести вопрос об одобрении проекта акта на сессию Парламента, однако в ряде случаев указанный период может быть продлен (ч. 3 ст. 105 Внутреннего регламента ЕП).

Таким образом, процедура одобрения занимает промежуточное положение между процедурой консультации (минимальные полномочия Парламента в законотворческом процессе) и обычной законодательной процедурой (полномочия Парламента максимальны).

Примечательно, что процедура одобрения в количественном плане является наименее распространенной в сравнении с другими видами законодательных процедур. Данный вид процедуры применяется в основном в достаточно «чувствительных» сферах для государств-членов, в которых тем не менее ЕС располагает компетенцией. К областям применения процедуры одобрения относятся в том числе вопросы регулирования от-

дельных аспектов, связанных с правами граждан Союза, учреждения Европейской прокуратуры, некоторые финансовые аспекты (см. таблицу 2).

При применении процедуры одобрения Совет принимает проект акта единогласно. Исключением из этого правила является лишь ст. 311 ДФЕС, касающаяся принятия мер по имплементации системы собственных ресурсов Союза и прямо не закрепляющая необходимости достижения единогласия в Совете. На этапе рассмотрения проекта акта в Совете в него могут быть внесены поправки. При этом Парламент, дающий одобрение на принятие проекта акта, формально не может как-либо изменять сам документ. В реальности же указанный институт обладает достаточным влиянием для того, чтобы, используя неформальные процедуры, добиться внесения Советом (или Комиссией) поправок в текст документа. Так, еще до рассмотрения проекта акта Парламент может начать проведение неформальных консультаций с представителями Совета и Комиссии для обоснования собственной позиции [10, р. 172]. Помимо этого, Парламент может использовать различные инструменты для того, чтобы заранее оповестить Совет и Комиссию в отношении необходимых изменений в проекте акта. В частности, профильный комитет Парламента, ответственный за работу с проектом акта, может издать предварительный отчет, в котором детально прописывает свою позицию по рассматриваемому проекту акта, и представить рекомендации по модификации текста документа (п. 5 ст. 105 Внутреннего регламента ЕП).

Таким образом, можно констатировать, что в реальности в процедуре одобрения Парламент имеет существенное неформальное влияние на формирование конечного варианта проекта акта, принимаемого Советом. Как уже было отмечено выше, с формальной точки зрения данная процедура занимает как бы промежуточное положение между обычной законодательной процедурой и процедурой консультации. Однако с точки зрения актуальной законотворческой практики она типологически сближается с ОЗП по степени участия и влияния Парламента на принятие окончательного решения по проекту акта.

СЗП-3: принятие законодательных актов Европейским парламентом после одобрения Советом

Отдельной разновидностью процедуры одобрения является принятие актов Парламентом после одобрения Советом и получения заключения (opinion) Комиссии, а также в одном случае после одобрения Советом и Комиссией (ст. 226 ДФЕС). Это наименее распространенный тип законодательной процедуры. Он применяется исключительно в сферах, касающихся деятельности самого Парламента, а также установления правового статуса Европейского уполномоченного по правам человека. При этом в последнем случае Парламент также должен запросить мнение Комиссии по

данному вопросу (см. таблицу 2). Нормы ДФЕС, закрепляющие использование данного типа специальной законодательной процедуры, не предусматривают проведения голосования в Парламенте по проекту акта большинством от списочного состава депутатов – в данном случае в соответствии со ст. 231 ДФЕС применяется голосование большинством от числа поданных голосов¹².

Кратко резюмируя вышесказанное, можно констатировать, что специальная законодательная процедура в праве ЕС остается важным, хотя и не основным способом принятия законодательных актов, уступая место обычной законодательной процедуре.

При анализе специальной законодательной процедуры важно учитывать, что под этим термином скрываются различные способы принятия решений (консультация и одобрение), а также тот факт, что учредительными договорами ЕС предусмотре-

¹² Пример подобного голосования при проведении процедуры в соответствии с п. 4 ст. 228 ДФЕС: Report on a draft regulation of the European Parliament laying down the regulations and general conditions governing the performance of the Ombudsman's duties (Statute of the European Ombudsman) and repealing Decision 94/262/ECSC, EC, Euratom [2018/2080(INL)] //EUR-Lex. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/PV-8-2019-02-12-ITM-009-19_EN.html (assesses 06.02.2021).

но применение аналогичных по форме процедур, которые de jure законодательными не являются.

Анализ процедур консультации и одобрения показывает, что в каждой из них формально Совет является единоличным субъектом, принимающим акт (за исключением ряда случаев в процедуре одобрения, когда правовой акт принимается Европейским парламентом), однако при этом Парламент стремится максимально расширить свое влияние на процесс формирования окончательной редакции текста законопроекта, используя, в частности, неформальные процедуры. Таким образом, даже в тех сферах регулирования общественных отношений, где по первичному праву Союза должно превалировать межгосударственное регулирование в лице Совета, постепенно происходит перераспределение межинституционального баланса и увеличение наднационального начала в лице Парламента. Последний имеет возможность добиваться нужной ему редакции проекта акта как за счет проведения неформальных консультаций, затягивая выдачу консультативного заключения (при процедуре консультации) и опубликования промежуточного отчета (при процедуре одобрения), так и путем тесного взаимодействия с Комиссией, которая за счет возможности отзыва проекта акта и внесения в него изменений обладает, по сути дела, квазизаконодательными полномочиями.

Таблица 1 – Обычная законодательная процедура
Table 1 – Ordinary legislative procedure

№	Сфера применения	Статья ДФЕС
1	Установление принципов и условий функционирования служб общеэкономического значения	ст. 14
2	Установление принципов и пределов доступа к документам институтов ЕС	п. 3 ст. 15
3	Установление правил защиты персональных данных физических лиц	п. 2 ст. 16
4	Установление правил по защите от дискриминации по признаку национальности	ст. 18
5	Установление принципов, лежащих в основе поощрительных мер Союза по поддержке действий государств-членов по борьбе с дискриминацией по признакам пола, расы или этнического происхождения, религии или убеждений, инвалидности, возраста или сексуальной ориентации	п. 2 ст. 19
6	Принятие норм, обеспечивающих гарантии свободного передвижения и выбора места жительства граждан ЕС в государствах-членах ЕС	п. 2 ст. 21
7	Установление правил и требований, предъявляемых к осуществлению законодательной инициативы в рамках ЕС со стороны граждан ЕС	ст. 24
8	Принятие мер по углублению взаимодействия государств членов между собой, а также с Комиссией в сфере таможенного регулирования	ст. 33
9	Установление общей организации сельскохозяйственных рынков Союза и принятие иных мер для достижения целей общей сельскохозяйственной политики и политики в области рыболовства	п. 2 ст. 43
10	Принятие мер, необходимых для обеспечения свободного передвижения работников в рамках ЕС	ст. 46

Продолжение таблицы 1

№	Сфера применения	Статья ДФЕС
11	Принятие мер в сфере социальной защиты, необходимых для обеспечения свободного передвижения работников в рамках ЕС	ст. 48
12	Принятие мер, по обеспечению свободы учреждения в рамках ЕС	п. 1 ст. 50
13	Установление исключений из правил свободы учреждения	ст. 51
14	Принятие мер по координации установления в государствах-членах специального режима для иностранных граждан в контексте свободы учреждения.	п. 2 ст. 52
15	Принятие норм о взаимном признании дипломов и сертификатов об образовании	п. 1 ст. 53
16	Принятие норм, направленных на распространение действия преимуществ свободы предоставления услуг в рамках Союза на поставщиков услуг, которые являются гражданами третьих стран и учредили собственное дело внутри Союза	ст. 56
17	Принятие мер по либерализации рынка отдельных видов услуг	п. 1 ст. 59
18	Принятие мер, обеспечивающих движение капиталов в и из третьих государств	п. 2 ст. 64
19	Определение правовых основ административных мер в отношении перемещений капиталов и платежей	ст. 75
20	Принятие отдельных мер для достижения целей политики Союза в области пограничного контроля, предоставления убежища и иммиграции	п. 2 ст. 77
21	Установление основных параметров системы предоставления убежища в ЕС	п. 2 ст. 78
22	Установление основных параметров политики Союза в иммиграционной сфере	п. 2, п. 4 ст. 79
23	Принятие мер в сфере правового сотрудничества по гражданско-правовым вопросам, имеющим значение для функционирования внутреннего рынка	п. 2 ст. 81
24	Установление правил и принципов сотрудничества государств-членов в уголовно-правовой сфере	п. 1, п. 2 ст. 82
25	Установление минимальных правил в сфере противодействия трансграничной преступной деятельности	п. 1 ст. 83
26	Принятие мер по содействию государствам-членам в деле превенции совершения преступлений	ст. 84
27	Установление основных параметров деятельности и структуры Евроюста	п. 1 ст. 85
28	Принятие мер по налаживанию кооперации полицейских органов стран-членов	п. 2 ст. 87
29	Установление основных параметров деятельности структуры Европола	п. 2 ст. 88
30	Принятие мер, направленных на достижение целей в области общей политики в сфере транспорта	п. 1 ст. 91
31	Принятие норм в сфере регулирования морского и воздушного транспорта	п. 2 ст. 100
32	Принятие мер по сближению законодательств стран-членов в сфере функционирования внутреннего рынка	п. 1 ст. 114
33	Принятие мер по сближению законодательств-государств членов в случае наличия в национальных законодательствах положений, препятствующих свободной конкуренции на внутреннем рынке	ст. 116
34	Принятие мер в области защиты прав интеллектуальной собственности на внутреннем рынке	ст. 118

Продолжение таблицы 1

№	Сфера применения	Статья ДФЕС
35	Установление детализированных правил надзора за проведением согласованной экономической политики государств-членов	п. 6 ст. 121
36	Изменение и дополнение ряда статей Статута ЕЦБ	п. 3 ст. 129
37	Принятие мер для обеспечения использования евро в качестве единой валюты	ст. 133
38	Принятие мер, стимулирующих кооперацию государств-членов и содействие их усилиям в сфере занятости	ст. 149
39	Принятие мер по содействию кооперации государств-членов в социальной сфере	п. 2 ст. 153
40	Принятие мер по обеспечению равного доступа к трудоустройству и получению равной заработной платы мужчинами и женщинами	п. 3 ст. 157
41	Принятие норм, регулирующих деятельность Европейского социального фонда	ст. 164
42	Принятие стимулирующих мер по достижению целей Союза в сферах образования, молодежи и спорта	п. 4 ст. 165
43	Принятие стимулирующих мер по достижению целей Союза в сфере организации vacation training	п. 4 ст. 166
44	Принятие стимулирующих мер по достижению целей Союза в сфере содействия развитию культурного разнообразия в государствах-членах	п. 5 ст. 167
45	Принятие стимулирующих мер по достижению целей Союза в сфере охраны общественного здоровья	п. 4, п. 5 ст. 168
46	Принятие стимулирующих мер по достижению целей Союза в сфере защиты прав потребителей	п. 3 ст. 169
47	Принятие установок и принципов организации трансъевропейских сетей	ст. 172
48	Принятие специальных мер поддержки усилий государств-членов по содействию развитию промышленности	п. 3 ст. 173
49	Принятие специальных мер в целях достижения экономической, социальной и территориальной сплоченности Союза	ст. 175
50	Установление основных параметров деятельности и организационной структуры Структурных фондов Союза	ст. 177
51	Принятие регламентов, регулирующих деятельность Европейского фонда регионального развития	ст. 178
52	Принятие рамочной программы в сфере исследований, технологического развития и космоса, а также принятие мер по имплементации European research area	п. 1, п. 5 ст. 182
53	Принятие мер, касающихся имплементации рамочных программ в сфере исследований, технологического развития и космоса	ст. 188
54	Принятие мер по формулированию европейской политики в области исследований космоса	п. 2 ст. 189
55	Принятие мер по достижению целей Союза в области природоохранной политики	п. 1, п. 3 ст. 192
56	Принятие мер по достижению целей Союза в энергетической сфере	п. 2 ст. 194
57	Принятие мер по достижению целей Союза в сфере туризма	п. 2 ст. 195
58	Принятие мер по достижению целей Союза в сфере ЧС и гражданской обороны	п. 2 ст. 196
59	Принятие мер по достижению целей Союза в сфере организации административного сотрудничества	п. 2 ст. 197
60	Установление рамок имплементации общей торговой политики Союза	п. 2 ст. 207
61	Принятие мер по имплементации политики Союза по сотрудничеству с третьими странами в целях развития, в т. ч. путем утверждения специальных программ сотрудничества	п. 1 ст. 209

Окончание таблицы 1

№	Сфера применения	Статья ДФЕС
62	Принятие мер по налаживанию экономического, финансового и технического сотрудничества с третьими странами	п. 2 ст. 212
63	Установление рамочных правил предоставления Союзом гуманитарной помощи	п. 3, п. 5 ст. 214
64	Регулирование деятельности европейских политических партий, в том числе правил их финансирования	ст. 224
65	Учреждение специализированных судов	ст. 257
66	Внесение поправок в Статут Суда ЕС	ст. 281
67	Установление общих правил и принципов в отношении порядка осуществления контроля со стороны государств-членов за реализацией Комиссией исполнительных полномочий	п. 3 ст. 291
68	Установление норм, регулирующих деятельность европейской администрации	п. 2 ст. 298
69	Утверждение правил различных бюджетных процедур	ст. 322
70	Принятие мер в сфере противодействия мошенничеству, затрагивающему финансовые интересы Союза	п. 4 ст. 325
71	Принятие норм, регулирующих деятельность служащих институтов Союза	ст. 336
72	Принятие мер по подготовке статистических данных, когда это необходимо для осуществления деятельности Союза	ст. 338

Таблица 2 – Специальная законодательная процедура
Table 2 – Special legislative procedure

<i>СЗП-1: принятие законодательных актов Советом после консультации с Европейским парламентом / Процедура консультации</i>		
№	Сфера применения	Статья ДФЕС
1	Принятие мер в сфере социальной защиты	п. 3 ст. 21
2	Принятие норм, регулирующих участие граждан стран-членов, проживающих на территории другого государства-члена, в муниципальных выборах, а также в выборах в Европейский парламент	п. 1, п. 2 ст. 22
3	Принятие мер по регулированию процесса предоставления дипломатической защиты гражданам государства-члена в третьих странах за счет представительств других государств-членов	ст. 23
4	Регулирование отдельных вопросов движения капитала из/в третьи государства	п. 3 ст. 64
5	Принятие норм, регулирующих вопросы выдачи паспортов, идентификационных карт, вида на жительство и т. д.	п. 3 ст. 77
6	Принятие норм, затрагивающих отдельные вопросы применения семейного законодательства	п. 3 ст. 81
7	Принятие специальных мер, направленных на обеспечение координации полицейских органов государств-членов	п. 3 ст. 87
8	Установление условий, в рамках которых указанные в статьях 82 (сотрудничество по уголовным делам) и 87 (полицейское сотрудничество) компетентные органы государств-членов могут действовать на территории другого государства-члена	ст. 89
9	Принятие норм по гармонизации законодательства в сфере косвенного налогообложения	ст. 113
10	Принятие мер по сближению норм законодательства государств-членов, непосредственно затрагивающих вопросы функционирование внутреннего рынка	ст. 115

Продолжение таблицы 2

<i>СЗП-1: принятие законодательных актов Советом после консультации с Европейским парламентом / Процедура консультации</i>		
<i>№</i>	<i>Сфера применения</i>	<i>Статья ДФЕС</i>
11	Установление лингвистических режимов правоустанавливающих документов в рамках Союза	ст. 118
12	Утверждение положений, заменяющих Протокол о процедуре в отношении чрезмерных бюджетных дефицитов государств-членов	п. 14 ст. 126
13	Возложение на ЕЦБ специальных обязанностей по надзору за кредитными организациями и другими финансовыми институтами, кроме страховых предприятий	п. 6 ст. 127
14	Принятие мер по имплементации ряда направлений социальной политики Союза, в том числе в части защиты социальных прав работников	п. 2 ст. 153
15	Принятие специальных программ в области развития фундаментальных исследований, технологического развития и исследований космоса	п. 4 ст. 182
16	Принятие отдельных мер в природоохранной сфере, в том числе касающихся управления отходами и водными ресурсами	п. 2 ст. 192
17	Принятие мер по достижению целей Союза в энергетической сфере, в случае если это затрагивает вопросы налогового характера	п. 3 ст. 194
18	Установление положений относительно условий и процедуры ассоциации стран и территорий с Союзом	ст. 203
19	Принятие положений с целью наделить Суд Европейского союза полномочиями выносить решения по спорам в связи с применением актов, изданных на основании Договоров, которыми учреждаются европейские правоустанавливающие документы на интеллектуальную собственность	ст. 262
20	Внесение изменений в Статут Европейского инвестиционного банка	ст. 308
21	Принятие норм, регулирующих систему собственных ресурсов Союза	ст. 311
22	Принятие мер, призванных зафиксировать условия применения Договоров к ряду регионов (Гваделупе, Французской Гвиане, Мартинике, Майотте, Реюньона, Сен-Мартена, Азорских островов, Мадейры и Канарских островов), включая применение к ним различных направлений общей политики	ст. 349
<i>СЗП-2: принятие законодательных актов Советом после одобрения Европейским парламентом / Процедура одобрения</i>		
1	Принятие мер по противодействию дискриминации по признаку пола, расы, религии и т. д.	п. 1 ст. 19
2	Установление дополнительных прав или изменений существующих прав, связанных с гражданством ЕС	ст. 25
3	Принятие норм, учреждающих Европейскую прокуратуру	п. 1 ст. 86
4	Принятие положений с целью обеспечить возможность избрания членов Парламента всеобщим прямым голосованием, согласно единообразной процедуре, во всех государствах-членах либо в соответствии с принципами, общими для всех государств-членов.	п. 1 ст. 223
5	Установление мер по имплементации системы собственных ресурсов Союза	ст. 311
6	Принятие регламента, устанавливающего многолетний рамочный финансовый план Союза	п. 2 ст. 312
7	Принятие отдельных мер в рамках направлений политики, определенных в договорах, когда действие Союза представляется необходимым для достижения одной из целей, предусмотренных договорами, а последние не предоставили соответствующих полномочий	п. 1 ст. 352

Окончание таблицы 2

<i>СЗП-3: принятие законодательных актов Европейским парламентом после одобрения Советом</i>		
1	Регулирование вопросов статуса и общих условий осуществления полномочий членов Парламента	п. 2 ст. 223
2	Установление порядка осуществления права на проведения парламентских расследований (<i>в этом случае помимо одобрения Совета требуется также и одобрение Комиссии</i>)	ст. 226
3	Установление статуса и общих условий осуществления функций Европейского уполномоченного по правам человека	п. 4 ст. 228

Библиографический список

1. Мазаева Н. Н., Астапенко И. В. Механизм межинституционального взаимодействия в рамках обычной законодательной процедуры в праве ЕС // Юридическая наука и практика. 2021. 17 (1) С. 45–55.
2. Бирюков М. М. Европейское право: до и после Лиссабонского договора. Москва: Статут, 2013. 240 с. URL: http://www.consultant.ru/edu/student/download_books/book/biriukov_mm_evropejskoe_pravo_do_i_posle_lissabonskogo_dogovora.
3. Гаврилов В. В., Даньшов В. Э. Содержание категории «наднациональность» в современной международно-правовой доктрине // Московский журнал международного права. 2019. № 3. С. 6–13. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2019-3-6-13>.
4. Право Европейского Союза: в 2 т. Т. 2. Особенная часть / под ред. С. Ю. Кашкина. 4-е изд., перераб. и доп. Москва: Юрайт, 2019. 1023 с. (Серия: Бакалавр. Углубленный курс). URL: <https://urait.ru/bcode/405856>.
5. Стрежнева М. В. Наднациональность и принцип субсидиарности в ЕС и за его пределами // Мировая экономика и международные отношения. 2016. Т. 60, № 6. С. 5–14. DOI: <http://doi.org/10.20542/0131-2227-2016-60-6-5-14>.
6. Шумилов М. М., Гуркин А. Б. Основные проблемы евразийской интеграции в условиях усиления национального и регионального протекционизма // Управленческое консультирование. 2017. № 1 (97). С. 45–62. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28830020>.
7. Guide to EU decision-making and justice and home affairs after the treaty of Lisbon. by Steve Peers, Professor of Law, University of Essex with additional material by Tony Bunyan A Statewatch publication, December 2010. URL: <https://www.statewatch.org/media/documents/analyses/no-115-lisbon-treaty-decision-making.pdf> (accessed 06.02.2021).
8. Svobodova Magdalena. On the Concept of Legislative Acts in the European Union Law. *Charles University in Prague Faculty of Law Research Paper*. No. 2016/II/1. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2855190.
9. Kardasheva Raya. The Power to Delay: The European Parliament's Influence in the Consultation Procedure // *Journal of Common Market Studies*. Vol. 47, No. 2 (March 2009). P. 385–409.
10. Tiago Sergio Cabral. A Short Guide to the Legislative procedure in the European Union. // *UNIO – EU Law Journal*. January 2020. Vol. 6, No. 1. P. 161–180. DOI: <http://doi.org/10.21814/unio.6.1.2711>.

References

1. Mazaeva N. N., Astapenko I. V. Mekhanizm mezhinstitutsional'nogo vzaimodeystviya v ramkakh obychnoy zakonodatel'noy protsedury v prave ES [The mechanism of interinstitutional interaction within the framework of the usual legislative procedure in EU law]. *Legal science and practice*, 2021, vol. 17 (1), pp. 45–55.
2. Biryukov M. M. *Evropeiskoe pravo: do i posle Lissabonskogo dogovora: uchebnoe posobie* [European Union Law: before and after the Lisbon Treaty]. Moscow: Statut, 2013, 240 p. Available at: http://www.consultant.ru/edu/student/download_books/book/biriukov_mm_evropejskoe_pravo_do_i_posle_lissabonskogo_dogovora [in Russian].
3. Gavrilov V. V., Danshov V. E. *Soderzhanie kategorii «nadnatsional'nost'» v sovremennoi mezhdunarodno-pravovoi doktrine* [The Content of the Category «Supranationalism» in the Contemporary International Legal Doctrine]. *Moskovskii zhurnal mezhdunarodnogo prava* [Moscow Journal of International Law], 2019, no. 3, pp. 6–13. DOI: <http://doi.org/10.24833/0869-0049-2019-3-6-13> [in Russian].
4. *Pravo Evropejskogo Soyuzha: v 2 t. T. 2. Osobennaya chast'. Pod red. S. Yu. Kashkina. 4-e izd., pererab. i dop.* [Kashkin S. Yu. (Ed.) European Union law: in 2 vols. Vol. 2. Special part. 4th edition, revised and enlarged]. Moscow: Izdatel'stvo Yurait, 2019, 1023 p. (Series: Bachelor. Enchanced training course). Available at: <https://urait.ru/bcode/405856> [in Russian].
5. Strezhneva M. V. *Nadnatsional'nost' i printsip subsidiarnosti v ES i za ego predelami* [Supranationality and the subsidiarity principle in the European Union and beyond]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World

Economy and International Relations], 2016, vol. 60, no. 6, pp. 5–14. DOI: <http://doi.org/10.20542/0131-2227-2016-60-6-5-14> [in Russian].

6. Shumilov M. M., Gurkin A. B. *Osnovnye problemy evraziiskoi integratsii v usloviyakh usileniya natsional'nogo i regional'nogo proteksionizma* [The main problems of Eurasian integration in the face of increasing national and regional protectionism]. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie* [Administrative Consulting], 2017, no. 1 (97), pp. 45–62. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28830020>. [in Russian].

7. Guide to EU decision-making and justice and home affairs after the treaty of Lisbon. By Steve Peers, Professor of Law, University of Essex with additional material by Tony Bunyan. A Statewatch publication, December 2010. Available at: <https://www.statewatch.org/media/documents/analyses/no-115-lisbon-treaty-decision-making.pdf> (assessed 06.02.2021).

8. Svobodova Magdalena. On the Concept of Legislative Acts in the European Union Law. *Charles University in Prague Faculty of Law Research Paper, No. 2016/II/1*. Available at: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2855190.

9. Kardasheva Raya. The Power to Delay: The European Parliament's Influence in the Consultation Procedure. *Journal of Common Market Studies*, vol. 47, no. 2 (March 2009), pp. 385–409. DOI: <http://dx.doi.org/10.1111/j.1468-5965.2009.00809.x>.

10. Tiago Sergio Cabral. A Short Guide to the Legislative procedure in the European Union. *UNIO – EU Law Journal*, January 2020, vol. 6, no. 1, pp 161–180. DOI: <http://doi.org/10.21814/unio.6.1.2711>.

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС ADMINISTRATIVE LAW AND PROCESS

DOI: 10.18287/2542-047X-2021-7-2-96-105

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 342.9

Дата поступления: 12.04.2021
рецензирования: 19.05.2021
принятия: 25.05.2021

Вопросы совершенствования законодательства об экспертной деятельности

Т. А. Диканова

Университет прокуратуры Российской Федерации,
г. Москва, Российская Федерация
E-mail: dikanovata@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы правового регулирования экспертной деятельности. Отмечено, что имеется множество нормативных правовых актов, которые регламентируют проведение различных экспертиз. Анализируется законодательство, регламентирующее проведение и несудебных, и судебных экспертиз, в том числе наднациональное. Хотя несудебные экспертизы отличаются разнообразием, в статье отмечается, что правовое их регулирование имеет много общего, однако общие вопросы не регламентируются единообразно при отсутствии для этого оснований, поскольку речь идет о вопросах, не связанных со спецификой той или иной экспертизы. И это, на взгляд автора, является недостатком правового регулирования экспертной деятельности. В статье исследуются новеллы законодательства о судебных экспертизах, в частности проведенных негосударственными экспертами. Обращено внимание на все те основные проблемы правового регулирования, которые обсуждались с 2012 года, когда началась работа над новым законом о судебной экспертной деятельности, но так и не были решены законодателем. Уделено внимание правовому регулированию деятельности судебных экспертов. В статье сделан вывод, что суды с недоверием относятся к заключениям экспертиз, проведенных несудебными экспертами, при рассмотрении споров между контролирующими органами и заинтересованными лицами, а также при рассмотрении уголовных и административных дел. Нередко экспертизы, проведенные в целях контроля, бесосновательно отвергаются судом, и суд назначает судебные экспертизы, которые поручаются экспертам, не обладающим необходимыми знаниями, опытом, методиками, оборудованием; принимает их «на веру», не устанавливая причины расхождений между экспертами, не проводя необходимых процессуальных действий. То есть, не являясь специалистами, судьи бесосновательно решают, какое из двух экспертных заключений принять. В результате может быть причинен значительный вред государственным интересам, что показано на примере таможенных экспертиз. Также указывается, что между судебными экспертизами и, например, экспертизами, проведенными в целях контроля, есть много общего. Предлагается единым законом сформулировать основы экспертной деятельности, не ограничиваясь только судебной экспертной деятельностью. Перечислены вопросы, требующие правового регулирования. Обозначена необходимость при разработке национального законодательства учитывать достижения законодательства Евразийского экономического союза об экспертизах.

Ключевые слова: государственный судебный эксперт; негосударственный судебный эксперт; экспертиза; судебно-экспертная деятельность; таможенная экспертиза; сертификация; валидация; реестр.

Цитирование. Диканова Т. А. Вопросы совершенствования законодательства об экспертной деятельности // Юридический вестник Самарского университета. 2021. Т. 7, № 2. С. 96–105. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2021-7-2-96-105>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Диканова Т. А., 2021

Татьяна Александровна Диканова – доктор юридических наук, доцент, почетный работник прокуратуры, заведующий отделом научного обеспечения прокурорского надзора и укрепления законности в деятельности таможенных органов и на транспорте, НИИ Университета прокуратуры Российской Федерации, 123022, г. Москва, ул. 2-я Звенигородская, 15.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 12.04.2021
Revised: 19.05.2021
Accepted: 25.05.2021

Issues of improving legislation about expert activity

T. A. Dikanova

Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
E-mail: dikanovata@yandex.ru

Abstract: The article deals with the problems of legal regulation of expert activity. It is noted that there are many regulatory legal acts that regulate the conduct of various examinations. The article analyzes the legislation regulating the conduct of both non-judicial and judicial examinations, including supranational ones. Although non-judicial examinations are diverse, the article notes that their legal regulation has much in common, but general issues are not regulated uniformly in the absence of grounds for this, since we are talking about issues that are not related to the specifics of a particular examination. And this, in the author's opinion, is a lack of legal regulation of expert activity. The article examines the novelties of the legislation on forensic examinations, in particular, conducted by non-state experts. Attention is drawn to all the main problems of legal regulation that have been discussed since 2012, when work began on a new law on judicial expert activity, but have not been resolved by the legislator. Attention is paid to the legal regulation of the activities of forensic experts. The article concludes that the courts are suspicious of the conclusions of expert examinations conducted by non-judicial experts when considering disputes between regulatory authorities and interested parties, as well as when considering criminal and administrative cases. Often, examinations conducted for the purpose of control are groundlessly rejected by the court, and the court appoints forensic examinations, which are entrusted to experts who do not have the necessary knowledge, experience, methods, equipment; they accept them «on faith», without establishing the reasons for discrepancies between experts, without conducting the necessary procedural actions. That is, not being experts, the judges unreasonably decide which of the two expert opinions to accept. As a result, significant harm can be caused to the state interests, which is shown by the example of customs examinations. It is also noted that there are many similarities between forensic examinations and, for example, examinations conducted for control purposes. It is proposed to formulate a single law on the basis of expert activity, not limited only to judicial expert activity. The issues that require legal regulation are listed. The need to take into account the achievements of the legislation of the Eurasian Economic Union on expertise in the development of national legislation was noted.

Key words: state forensic expert; non-state forensic expert; expertise; forensic activity; customs expertise; certification; validation; register.

Citation. Dikanova T. A. *Voprosy sovershenstvovaniya zakonodatel'stva ob ekspertnoi deyatel'nosti* [Issues of improving legislation about expert activity]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2021, vol. 7, no. 2, pp. 96–105. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2021-7-2-96-105> [in Russian].

Information about the conflict of interests: author declares no conflict of interests.

© Dikanova T. A., 2021

Tatiana A. Dikanova – Doctor of Laws, associate professor, honorary prosecutor, head of the Department of Scientific Support of Prosecutor's Supervision and Strengthening of the Rule of Law in the Activities of Customs Authorities and Transport, Research Institute of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, 15, 2nd Zvenigorodskaya Street, Moscow, 123022, Russian Federation.

Значение экспертиз как для государственных органов, в том числе органов власти и управления, контролирующих, правоохранительных и судебных, так и для лиц, привлекаемых к ответственности, а также лиц, доказывающих свои иски, требования, права собственности и исключительные права, трудно переоценить. Роль экспертной деятельности возрастает из года в год в связи с усложнением производственных процессов, правовых отношений и других факторов. В последние годы активизировалось принятие нормативных актов, посвященных экспертизам. Например, с 01.01.2021 вступил в силу новый порядок проведения ряда экспертиз, в том числе экологической, экспертизы культурных ценностей.

Активность в выработке нового законодательства об экспертизах проявляется как на национальном, так и на наднациональном уровне. Речь идет прежде всего о Евразийском экономическом союзе (далее – ЕАЭС). Следует отметить, что законодательство ЕАЭС может устанавливать обязательные для всех стран, входящих в ЕАЭС, нормы, а может отсылать правовое регулирование тех или иных вопросов экспертизы на национальный уровень. Напомним, что членами ЕАЭС являются Россия, Беларусь, Казахстан, Армения и Кыргызия. В связи с тем что функционирует единый рынок ЕАЭС, действует единое таможенное законодательство, определены единые требования к товарам, которые являются товарами ЕАЭС; к товарам стран – членов ЕАЭС, свободно перемещаемым в рамках ЕАЭС, и в этой связи важнейшее

значение приобретают экспертизы. Известно, что из третьих стран в ЕАЭС, из одной страны ЕАЭС в другую поступает и контрабандный, и контрафактный товар, и важно вовремя выявить этот товар, чтобы пресечь незаконный оборот. В данном случае экспертиза также играет важнейшую роль. В целях обеспечения интересов как союзных, так и национальных важно проверять правильность начисления таможенных платежей, и в этой связи роль таможенной экспертизы трудно переоценить. Имеется специальная глава 53 в Таможенном кодексе ЕАЭС (ТК ЕАЭС), посвященная таможенной экспертизе. Таможенная экспертиза назначается таможенным органом в случае, если для разъяснения вопросов, возникающих при совершении таможенными органами таможенных операций и (или) проведении таможенного контроля, требуются специальные и (или) научные знания (ч. 1 ст. 389 ТК ЕАЭС). Уполномоченным таможенным органом проводятся товароведческая, материаловедческая, технологическая, криминалистическая, химическая и иные виды экспертиз, в проведении которых возникает необходимость (ч. 4 ст. 389 ТК ЕАЭС). Большинство положений об экспертизе в главе 53 ТК ЕАЭС общие для всех стран ЕАЭС, однако есть и ряд вопросов, которые ТК ЕАЭС отсылает к национальному законодательству, например, ст. 390 ТК ЕАЭС устанавливает, что в случае невозможности завершения в указанный срок таможенной экспертизы ее срок может продлеваться в соответствии с законодательством государств-членов; порядок проведения таможенной экспер-

тизы уполномоченными таможенными органами устанавливается законодательством государств-членов; срок, на который приостанавливается проведение таможенной экспертизы, а также порядок такого приостановления устанавливаются законодательством государств-членов. Помимо ТК ЕАЭС вопросы таможенной экспертизы регламентируются другими законодательными актами ЕАЭС (ранее – Таможенного союза), а также рекомендательными актами. Это Решение Комиссии Таможенного союза от 20 мая 2010 г. № 258 «О порядке проведения таможенной экспертизы при проведении таможенного контроля», Решения Коллегии Евразийской экономической комиссии (ЕЭК) от 02.06.2020 № 74 «Об утверждении Положения о проведении молекулярной генетической экспертизы племенной продукции государств – членов Евразийского экономического союза, от 06.11.2012 № 212 «О Положении о едином порядке проведения экспертизы нормативных правовых актов в области применения санитарных, ветеринарных и фитосанитарных мер», от 30.06.2017 № 78 «О Требованиях к электронному виду заявлений и документов регистрационного досье, представляемых при осуществлении регистрации и экспертизы безопасности, качества и эффективности медицинских изделий», от 24.01.2017 № 10 «Об утверждении Порядка проведения метрологической экспертизы проекта технического регламента Евразийского экономического союза, проекта перечня стандартов...», Решение Совета ЕЭК от 03.11.2016 № 78 «О Правилах регистрации и экспертизы лекарственных средств для медицинского применения», от 12.02.2016 № 46 «О Правилах регистрации и экспертизы безопасности, качества и эффективности медицинских изделий» и др. Приняты Рекомендации Коллегии ЕЭК от 21.05.2019 № 14 «О Методических рекомендациях по проведению экспертизы безопасности, качества и эффективности медицинских изделий в целях их регистрации в рамках Евразийского экономического союза», от 10.09.2019 № 28 «О Руководстве по определению объема лабораторных испытаний при экспертизе лекарственных препаратов» и др. Таможенной экспертизе посвящена и целая глава в Федеральном законе от 03.08.2018 № 289-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Также действуют многочисленные подзаконные НПА, в том числе приказы Минфина России и ФТС России [1–7], которыми определены орган, уполномоченный на производство таможенных экспертиз при проведении таможенного контроля, порядок аттестации экспертов, производства таможенной экспертизы, продления и приостановления ее сроков, изъятия документов и товаров для проведения этой экспертизы, уведомления декларанта о продлении сроков, о форме заключения этой экспертизы и др.

Не только вопросы таможенной, но и ряда других экспертиз регламентируются законодатель-

ством ЕАЭС, например ветеринарно-санитарной экспертизы [8; 9]. Примеры можно продолжать.

03.02.2020 в Москве подписан Договор о товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров Евразийского экономического союза. Статья 6 этого Договора – «Предварительная экспертиза заявки на товарный знак Союза. Публикация заявки на товарный знак Союза».

В связи с вышеизложенным возникает вопрос о приведении в соответствие российского законодательства об экспертизе законодательству ЕАЭС, что не всегда осуществляется на практике.

Нормы об экспертизах содержат, как известно, многие кодексы, в том числе Гражданский, Градостроительный, Трудовой, Лесной кодекс Российской Федерации и др. Иные федеральные законы также содержат положения об экспертизе: от 21.12.1994 № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера», от 21.11.2011 № 323-ФЗ, от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» и др. Законы предусматривают самые разнообразные экспертизы: таможенные, экспертизы заявки на выдачу патента, условий труда, проекта освоения лесов, медицинские, педагогические, экологические, общественные и пр.

Законодательство об отдельных экспертизах нередко содержит положения, которые могут быть отнесены ко многим видам экспертиз, например нормы, обеспечивающие независимость экспертов. Так, Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» в ч. 2 ст. 41 содержит положения о лицах, которые не могут быть допущены к проведению экспертизы (в частности, это лица, имеющие отношение к сторонам договора – заказчику либо к поставщику: а) являющиеся либо в течение менее чем двух лет, предшествующих дате проведения экспертизы, являвшиеся должностными лицами или работниками заказчика, осуществляющего проведение экспертизы, либо поставщика (подрядчика, исполнителя); б) имеющие имущественные интересы в заключении контракта, в отношении которого проводится экспертиза и т. д.), последствия назначения экспертами таких лиц, право экспертов, порядок оформления результатов экспертизы, требования к экспертному заключению, положение о том, что если для проведения экспертизы необходимы осуществление исследований, испытаний, выполнение работ, оказание услуг и в отношении лиц, их осуществляющих, в соответствии с законодательством Российской Федерации установлены обязательные требования (обязательная аккредитация, лицензирование, членство в саморегулируемых организациях), отбор экспертов, экспертных организаций для проведения такой экспертизы должен осуществляться из числа лиц, соответствующих

указанным требованиям, право Правительства в определенных случаях обязывать проводить экспертизу, требование об учете экспертного заключения при приемке заказа и т. д.). Представляется, что эти положения могут быть общими для целого ряда экспертиз.

Известно, какое важное значение имеет экспертиза, регламентируемая Федеральным законом от 17.07.2009 № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов», Федеральным законом от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» и Постановлением Правительства Российской Федерации от 26 февраля 2010 г. № 96 «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов». Имеются в виду экспертизы нормативных правовых актов министерств, служб, агентств, фондов, судебных, правоохранительных органов, госкорпораций, ЦБ РФ, Центральной избирательной комиссии РФ. Порядок проведения экспертиз этих актов устанавливается органом, их издавшим. Возникает вопрос, правильно ли это: не следует ли единым нормативным актом определить этот порядок. Этот единый НПА мог бы установить и требования к экспертизе нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации, предусмотренной ст. 26.3-3 Федерального закона от 06.10.1999 № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации».

С 1 июля 2021 г. начал действовать Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» (далее – закон № 248-ФЗ). Принято Постановление Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2020 г. № 2328 «О порядке аттестации экспертов, привлекаемых к осуществлению экспертизы в целях государственного контроля (надзора), муниципального контроля». Закон № 248-ФЗ, а значит, и указанное постановление не распространяются на 18 видов контроля, в т. ч. контроль в сфере закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд, налоговый, таможенный, валютный. Экспертизы при проведении таких видов контроля регламентируются законами о той или иной сфере деятельности. Между тем целый ряд положений, касающихся экспертизы, являются общими для всех видов контроля и также могли бы регламентироваться единым НПА.

Помимо экспертиз, проводимых в соответствии с вышеуказанными законами, проводятся судебные экспертизы. По оценкам, более 50 % судебных решений зависит от заключений экспертов. Как известно, деятельность российских государственных судебных экспертов, ее принципы, права и обязанности экспертов, требования к экспертным заключениям, правила отвода эксперта и ряд других вопросов производства экспертиз регламентирует Федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ

«О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (далее – Закон № 73-ФЗ).

Согласно ст. 3 Закона № 73-ФЗ, основой государственной судебно-экспертной деятельности являются Конституция Российской Федерации, кодексы: гражданский процессуальный (ГПК), административного судопроизводства (КАС), арбитражный процессуальный (АПК), уголовно-процессуальный (УПК), об административных правонарушениях (КоАП), налоговый (НК), Закон № 73-ФЗ, а также законодательство о таможенном деле, в сфере охраны здоровья, другие федеральные законы, нормативные правовые акты Президента и Правительства, федеральных органов исполнительной власти, на которые возложены функции по организации и (или) производству экспертизы в целях осуществления судопроизводства, а также НПА федерального государственного органа, осуществляющего полномочия в сфере уголовного судопроизводства.

Понятие эксперта содержится в ст. 57 УПК РФ; ст. 55 АПК РФ, ст. 25.9 КоАП РФ. В соответствии со ст. 8 Закона № 73-ФЗ **эксперт должен проводить исследования объективно, на строго научной и практической основе, в пределах соответствующей специальности, всесторонне и в полном объеме.** Заключение эксперта должно основываться на положениях, дающих возможность **проверить** обоснованность и достоверность сделанных выводов на базе общепринятых научных и практических данных. Права и обязанности эксперта установлены ст. 85 ГПК РФ (наиболее полно), ст. 55, 83 АПК РФ, ст. 57 УПК РФ, ст. 25.9. КоАП РФ, ст. 7, 8, 16, 17, 18, 24 Закона № 73-ФЗ. Согласно **ст. 24 Закона № 73-ФЗ**, при производстве экспертизы в государственном судебно-экспертном учреждении могут присутствовать те участники процесса, которым такое право предоставлено процессуальным законодательством Российской Федерации [10; 18–23].

В соответствии с нормами процессуального законодательства судебная экспертиза может производиться и вне государственных судебно-экспертных учреждений лицами, обладающими специальными знаниями в области науки, техники, искусства или ремесла, но не являющимися государственными судебными экспертами (ст. 41 Закона № 73-ФЗ). На этих экспертов распространяются ст. 2, 3, 4, 6–8, 16 и 17, ч. 2 ст. 18, ст. 24 и 25 Закона № 73-ФЗ. Аналогичное положение предусмотрено ст. 195 УПК РФ, ст. 79 ГПК РФ, ст. 82 АПК РФ, ст. 77 КАС РФ. Производство экспертиз по уголовным делам может быть поручено негосударственному экспертному учреждению или лицу, не являющемуся сотрудником судебно-экспертного учреждения, но обладающему специальными знаниями и имеющему необходимое оборудование, в случае когда проведение экспертизы в государственном судебно-экспертном учреждении невозможно (п. 5 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 де-

кабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам»). При производстве экспертизы в государственном судебно-экспертном учреждении осуществляется контроль компетентности эксперта или экспертов, который возлагается на руководителя этого учреждения. Руководитель обязан: поручить производство экспертизы конкретному эксперту или комиссии экспертов, которые обладают специальными знаниями в объеме, требуемом для ответов на поставленные вопросы; разъяснить им их обязанности и права; по поручению органа или лица, назначивших судебную экспертизу, предупредить эксперта об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения, взять у него соответствующую подписку; обеспечить контроль за соблюдением сроков производства судебных экспертиз, полнотой и качеством проведенных исследований; не нарушая принцип независимости эксперта, обеспечить условия, необходимые для проведения исследований: наличие оборудования, приборов, материалов и средств информационного обеспечения и др. (гл. 2 Закона № 73-ФЗ). Порядок оценки компетентности негосударственных экспертов, требования к их методическому и материально-техническому обеспечению нормативно не установлены. Представляется, что это существенный пробел в законодательстве, который может отрицательно сказаться на результатах экспертной деятельности и решении различных споров.

Задачей экспертной деятельности является оказание содействия судам, судьям, органам дознания, лицам, производящим дознание, следователям в установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу, посредством разрешения вопросов, требующих специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла (ст. 2 Закона № 73-ФЗ). Между тем экспертиза проводится и по делам об административных правонарушениях, а постановления о привлечении виновных к административной ответственности выносятся не только судами, но и другие органы административной юрисдикции.

Порядок проведения экспертиз в государственных учреждениях регламентируется нормативными правовыми актами министерств и других государственных органов, которым они подведомственны. Это учреждения Минюста России, МВД России, Минздрава России, Минобороны России, МЧС России, ФСБ России, ФТС России, а теперь и Следственного комитета Российской Федерации. Представляется, что многие положения относительно проведения таких экспертиз также должны быть унифицированы.

На наш взгляд, оптимальным вариантом было бы принятие закона об экспертной деятельности, который регламентировал бы проведение всех экспертиз, в том числе судебных экспертиз, экспертиз при осуществлении производства по делам об административных правонарушениях и контроля, а особенности той или иной экспертизы в зависимости от их вида регламентировались бы, как и в

настоящее время, соответствующим законодательством: о санитарно-эпидемиологическом благополучии и т. д.

Так, анализ законодательства об экспертизах и судебных, и других показывает, что между ними много общего. Между тем отсутствие регламентации несудебных экспертиз в законе № 73-ФЗ влечет недоверие судов к этим экспертизам. Это наглядно видно на примере таможенных экспертиз, проводимых в целях таможенного контроля, что отчасти объясняется тем, что эксперт должен быть независим, а таможенные эксперты работают в Центральном экспертно-криминалистическом таможенном управлении ФТС России. Эксперты управления проводят и судебные экспертизы. Суды усматривают здесь зависимость, хотя эксперты органов ФСБ России, МВД России и др. проводят судебные экспертизы. Заинтересованные лица часто оспаривают заключения таможенных экспертиз; ходатайствуют о назначении экспертизы судом, нередко предлагая свои кандидатуры экспертов, как правило, негосударственных. Эти эксперты дают заключения, поддерживающие позицию участника внешнеэкономической деятельности. Суд выносит решение, основываясь на их заключениях, считая их судебными экспертами, в отличие от таможенных экспертов. При этом в ходе судебного разбирательства не проверяется компетентность этих экспертов, не выясняется, какими методиками они руководствовались, соответствуют ли они предъявляемым требованиям, не устанавливаются причины расхождений в заключениях экспертов, не назначаются повторные экспертизы, не проводятся допросы экспертов. Эксперты должны владеть сложными методами. Например, определить характеристики товаров, которые пересекают границу, могут далеко не все эксперты, особенно негосударственные, необходимы методики, опыт и оборудование. Дублирование экспертиз приводит к большой трате времени и средств. Кроме того, получается, что суд, не имея специальных познаний, оценивает заключения специалистов. В результате заключения таможенных экспертиз, проведенные высококвалифицированными государственными экспертами, отвергаются, безосновательно принимаются в качестве доказательств заключения экспертиз, о которых шла речь выше. В таможенном деле такие случаи, как правило, связаны с оспариванием корректировки таможенной стоимости, государство в результате судебных решений, основанных на таких экспертных заключениях, теряет миллионные таможенные платежи. Опросы таможенных экспертов показывают, что нередко такие «независимые судебные эксперты», опровергая выводы таможенных экспертов, «проводят», не имея никакого необходимого оборудования и методик, по несколько экспертиз в день. Единая для всех правовая основа экспертной деятельности сняла бы проблемы, подняла авторитет экспертиз, проведенных в целях контроля, уменьшила бы число повторных и дополнительных экспертиз, снизила бы временные

рамки рассмотрения споров и финансовые затраты на их рассмотрение.

В Закон № 73-ФЗ с момента его принятия внесены многочисленные изменения. С 2012 г. велась работа над новым федеральным законом о судебной экспертной деятельности в Российской Федерации, которая была поручена Минюсту России. Целью нового закона было «наведение порядка в сфере судебной экспертизы, очищение ее от дилетантов». Ключевые идеи документа: повышение статуса государственного судебного эксперта, модернизация судебно-экспертной деятельности, налаживание контроля за работой негосударственных экспертов. Новый закон об экспертизе, как утверждали его инициаторы, «встряхнет» рынок. Период «вольницы» в судебно-экспертной деятельности завершится, и мелкие компании, скорее всего, рынок покинут. Основой экспертной деятельности будут опыт и профессионализм [11]. С 2012 г. по настоящее время подготовлено несколько вариантов законопроекта.

В числе основных обсуждаемых при создании законопроекта вопросов – следует ли ввести обязательную сертификацию компетентности государственных судебных экспертов, или, как и прежде, применять систему их аттестации. В законе № 73-ФЗ имеются нормы о добровольной сертификации негосударственных экспертов, предусмотрено, что порядок, условия выдачи, основания приостановления и прекращения действия сертификата компетентности, а также уполномоченные организации по сертификации компетентности лиц, обладающих специальными знаниями, определяются Правительством Российской Федерации (еще не определены).

Ряд авторов указывает на необходимость сертификации: она подтверждает профессионализм эксперта и его репутацию, является гарантией для заказчика. Оценка компетенции должна осуществляться по единым для всех нормативам единым органом. Многие, особенно негосударственные, эксперты выступили против обязательной сертификации экспертов, сертификации методик и *обязательной валидации методических материалов*. Высказывалось и мнение, что экспертиза должна проводиться исключительно частными организациями, которые в настоящее время выполняют по разным оценкам, от 64 до 80 % экспертиз. Их деятельность, как уже отмечено выше, была регламентирована в 2001 г. Законом № 73-ФЗ. С одной стороны, и на это обстоятельство указано в юридической литературе, они «разгрузили» государственные экспертные учреждения и решили проблему очередей, с другой – в отрасли появились неквалифицированные эксперты, пользующиеся своим положением и наносящие ущерб судебной системе и финансовым интересам государства. Существуют множество частных организаций, предлагающих негосударственным экспертам сертификацию, в том числе «ускоренную», «дистанционную». Минюст и его региональные центры запрашивают за сертификацию экспертов более

50 тыс. руб., будущие эксперты сдают экзамен перед компетентной комиссией по своей специальности, а частные организации – в разы меньше, обходятся нередко без каких-либо экзаменов.

Стоимость сертификации методик в Минюсте – около 70 тыс. руб. Возникает вопрос, какими методиками пользуются негосударственные эксперты, кто этот вопрос контролирует. Высказывались предложения о предоставлении разработанных в государственных экспертных учреждениях методик частным экспертным организациям. Многие негосударственные эксперты работают по своим авторским методикам, причем без сертификации – пока это не запрещено законом. Главное, чтобы методики были обнародованы и более или менее известны. Сертифицированных Минюстом России авторских методик, как отмечают специалисты, на рынке почти нет.

Одна из причин необходимости нового закона о судебной экспертной деятельности – низкое качество многих экспертных заключений, из-за чего требуется проведение дополнительных и повторных экспертиз. Из некоторых экспертных заключений невозможно уяснить смысл применяемой терминологии, сущность используемой методики; признаки, выявленные при исследовании объектов, критерии их оценки. Эксперты допускают неверное применение методов и методик [12]. Как известно, судебно-экспертная методика представляет собой последовательность действий эксперта, основанную на системе научно обоснованных методов, приемов и средств, применяемых для изучения признаков и свойств объектов судебной экспертизы, используемую для установления фактов, относящихся к предмету определенного рода, вида и подвида судебной экспертизы, решения экспертной задачи. Чтобы методика отвечала своему назначению, необходимо обеспечение единства измерений объектов, и эти измерения должны выполняться по аттестованным методикам измерений с применением средств измерений утвержденного типа, прошедших поверку. Поскольку судебные эксперты имеют дело с нестандартными объектами исследования, методики выполнения стандартных измерений отличаются от экспертных методик и не могут использоваться. По этой причине даже аттестованные методики при использовании в сфере судебной экспертизы подлежат обязательной оценке на пригодность – валидации. Поэтому на первый план выходит валидация методик для решения конкретной экспертной задачи. Стандарт ИСО/МЭК 17025-2006 обязывает лабораторию проводить оценку на пригодность каждой вновь разработанной или усовершенствованной методики, а также тех методик, которые используются для испытаний новых объектов, ранее не включенных в сферу применения данной методики. Практика валидации судебно-экспертных методик существует во всем мире, это – условие эффективной деятельности судебно-экспертных учреждений. Оценке на пригодность подлежат все типы судебно-экспертных методик. Валидация под-

тверждает путем исследования и представления объективных доказательств пригодности методик. Основная задача валидации – определение характеристик свойств и показателей точности методик при использовании в конкретном судебно-экспертном учреждении [13]. Решением Совета министров юстиции государств – членов Евразийской экономической комиссии от 23.05.2011. № 29 был утвержден Регламент по проведению оценки пригодности (валидации) методик в судебно-экспертной деятельности.

При разработке законопроекта о судебно-экспертной деятельности предлагалось введение *единого реестра судебных экспертов*, включение в этот реестр негосударственных экспертов, получивших сертификаты компетентности.

Неоднократно было мнение авторов законопроекта по вопросу: будут ли судебно-медицинские и судебно-психиатрические экспертизы регламентироваться новым законом.

Законопроект, над которым, как уже отмечалось, велась работа, с 2012 г. называется не о государственной судебно-экспертной деятельности, а о судебно-экспертной деятельности. Предполагалось регламентировать права и статус как государственных, так и негосударственных учреждений и экспертов, вывести негосударственных экспертов из «сумрака», уравнивать в правах государственных и частных экспертов, установив единые унифицированные требования к организации деятельности и методической базе, квалификации специалистов, которую бы подтверждало не только профильное образование, но и регулярная аттестация на профессиональных площадках. О низком качестве негосударственных экспертов свидетельствует тот факт, что, по данным Минюста России, за год экспертные учреждения Министерства провели 585 повторных экспертиз, и выводы по 77,6 % из них не совпали с выводами первоначальных заключений негосударственных экспертов.

Разработчики закона получили множество предложений. Например, ввести рецензирование экспертизы от авторитетного специалиста; рецензию включить в список материалов, имеющих значение для рассмотрения дела в суде; сформировать палаты судебных экспертов: федеральную и в пределах каждого федерального округа или региона, которые могли бы, например, сертифицировать по определенным правилам экспертов (требования, предусмотренные существующими сейчас системами добровольной сертификации, существенно различаются), методические материалы, экспертные лаборатории, организовывать

дополнительное профессиональное образование лиц, планирующих стать экспертами, и т. д.

За время разработки законопроекта неоднократно вносились поправки в действующий Закон № 73-ФЗ. Последние поправки внесены Федеральным законом 26.07.2019 № 224-ФЗ, который наделил Следственный комитет Российской Федерации функциями по проведению экспертизы в уголовных делах [14].

Помимо необходимости совершенствования правовых основ экспертной деятельности, профессиональное сообщество отмечало и ряд острых практических проблем: недостаточность финансирования, необходимость обновления материально-технической базы экспертной деятельности.

До настоящего времени разрабатываемый законопроект не стал законом. Участвующие в его разработке специалисты отмечают, что из проекта исключено положение об обязательной сертификации компетентности государственных судебных экспертов – предполагается и дальше применять действующую систему их аттестации. Единого законодательства, единых требований к государственным и негосударственным экспертам пока не будет. Добровольная сертификация негосударственных экспертов сохранена и должна быть регламентирована Правительством Российской Федерации; контроль за их компетенцией, применяемыми ими методиками и средствами измерений не предусмотрен. Их заключения будут оцениваться судом. Обязательные сертификации методического обеспечения и валидации методических материалов исключены, предлагается использовать сертифицированные методические материалы приоритетно. Исключены и положения о едином реестре судебных экспертов.

Подытоживая вышеизложенное, нельзя не отметить, что те вопросы, которые были из законопроекта сняты, по нашему мнению, сняты временно, возможно, по причине лоббирования заинтересованных лиц, финансовых затрат. Однако эти вопросы неизбежно нужно будет рано или поздно решать. Следует также подчеркнуть, что проблема, связанная с неприятием судами, например, заключений таможенных экспертов, вообще всех экспертных заключений, проведенных в целях контроля, о чем шла речь выше, останется, если по-прежнему закон будет посвящен только судебным экспертизам. Единая для всех правовая основа экспертной деятельности сняла бы проблемы, уменьшила бы число повторных и дополнительных экспертиз, снизила бы финансовые затраты, способствовала бы повышению качества экспертных заключений.

Библиографический список

1. Приказ Минфина России от 13.05.2019 № 68н «Об установлении случаев приостановления срока проведения таможенной экспертизы». Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_326097.
2. Приказ ФТС России от 19.11.2018 № 1859 «Об определении таможенного органа, уполномоченного на производство таможенных экспертиз при проведении таможенного контроля». Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_316151.

3. Приказ ФТС России от 07.02.2019 № 203 «Об утверждении Порядка аттестации таможенных экспертов на право самостоятельного производства таможенной экспертизы». Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.alta.ru/tamdoc/19pr0203>.
4. Приказ ФТС России от 16.01.2019 № 34 «Об утверждении Порядка проведения таможенной экспертизы, формы решения таможенного органа о назначении таможенной экспертизы». Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.alta.ru/tamdoc/19pr0034>.
5. Приказ ФТС России от 07.02.2019 № 204 «Об утверждении Порядка продления срока проведения таможенной экспертизы, Порядка уведомления декларанта или иного лица, обладающего полномочиями в отношении товаров, о продлении срока проведения таможенной экспертизы, Порядка приостановления сроков проведения таможенной экспертизы». Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.alta.ru/tamdoc/19pr0204>.
6. Приказ ФТС России от 05.02.2019 № 180 «Об утверждении Порядка изъятия таможенных, транспортных (перевозочных), коммерческих и иных документов, средств идентификации таких документов и товаров для проведения таможенной экспертизы и формы акта об изъятии таможенных, транспортных (перевозочных), коммерческих и иных документов, средств идентификации таких документов и товаров для проведения таможенной экспертизы». Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.alta.ru/tamdoc/19pr0180>.
7. Приказ ФТС России от 17.01.2019 № 46 «Об утверждении формы заключения таможенного эксперта (эксперта) и Порядка заполнения заключения таможенного эксперта (эксперта)». Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.alta.ru/tamdoc/19pr0046>.
8. Решение Комиссии Таможенного союза от 18.06.2010 № 317 «О применении ветеринарно-санитарных мер в Евразийском экономическом союзе». URL: <https://www.alta.ru/tamdoc/10sr0317>.
9. Решение Совета Евразийской экономической комиссии от 10.11.2017 № 80 «Об утверждении Правил организации проведения лабораторных исследований (испытаний) при осуществлении ветеринарного контроля (надзора)». URL: <https://www.alta.ru/tamdoc/17sr0080>.
10. Жижина М. В. К вопросу о методическом обеспечении экспертной деятельности // Вестник арбитражной практики. 2018. № 3 (76). С. 57–64. URL: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/96777-voprosu-metodicheskom-obespechenii-ekspertnoj-deyatelnosti>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35302520>.
11. Forum.fse.ms. URL: <http://forum.fse.ms/topic/4810-zako№-ob-ekspertize-otritcat-ili-adaptirovat> (дата обращения: 17.02.2021).
12. Docplayer.ru. URL: <https://docplayer.ru/53058701-O-s-bocharova-o-m-dyatlov-e-ya-rybalko-od№im-iz-sovreme№№ey> (дата обращения: 17.02.2021).
13. Elib.bsu.by/bitstream. URL: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/113336/1/> (дата обращения: 17.02.2021).
14. Aki№i№a-li№gexpert.ru. URL: <https://aki№i№a-li№gexpert.ru/№ovyj-zako№-ob-expert№oj-deyatel№osti-vse-rav№o-primut-moi-mysli-po-povodu> (дата обращения: 17.02.2021).
15. Постановление Пленума Высшего арбитражного суда Российской Федерации от 04.04.2014 № 23 «О некоторых вопросах практики применения арбитражными судами законодательства об экспертизе». Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162155.
16. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21.12.2010 № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам». Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108437.
17. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30.06.2020 № 12 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в арбитражном суде апелляционной инстанции». Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_356423.
18. Заливохина О. С. Виды информационных процессов в экспертной деятельности // Российский судья. 2021. № 2. С. 32–35. DOI: <http://doi.org/10.18572/1812-3791-2021-2-32-35>.
19. Комиссарова Я. В., Калинин Р. Э., Баринев Е. Х. К вопросу о лицензировании судебно-медицинской экспертной деятельности по делам о ненадлежащем оказании медицинской помощи // Российский следователь. 2020. № 7. С. 14–19. DOI: <http://doi.org/10.18572/1812-3783-2020-7-14-19>.
20. Россинская Е. Р. Современная судебно-экспертная деятельность и направления ее совершенствования // Закон. 2019. № 10. С. 31–42. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41218603>.
21. Токарев П. И. Проблемы в области назначения, производства и применения результатов таможенной экспертизы // Прокурорский надзор за исполнением законов о производстве таможенных экспертиз: сб. материалов круглого стола (Москва, 28 мая 2019 г.) / под общ. ред. Т. А. Дикановой; Ун-т прокуратуры Рос. Федерации. Москва, 2019. С. 10–21.
22. Усов А. И., Омельянюк Г. Г., Чеснокова Е. В. Стандартизация в судебно-экспертной деятельности: прогнозы и решения // Закон. 2019. № 10. С. 55–62. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41218605>.
23. Чернявская М. С. Направления совершенствования деятельности негосударственных судебно-экспертных организаций // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15, № 2 (111). С. 150–158. DOI: <http://doi.org/10.17803/1994-1471.2020.111.2.150-158>.

References

1. *Prikaz Minfina Rossii ot 13.05.2019 № 68n «Ob ustanovlenii sluchaev priostanovleniya sroka provedeniya tamozhennoi ekspertizy»* [Order of the Ministry of Finance of the Russian Federation № 68n as of 13.05.2019 «On the establishment of cases of suspension of the term of customs expertise»]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus». Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_326097 [in Russian].
2. *Prikaz FTS Rossii ot 19.11.2018 № 1859 «Ob opredelenii tamozhennogo organa, upolnomochennogo na proizvodstvo tamozhennykh ekspertiz pri provedenii tamozhennogo kontrolya»* [Order of the Federal Customs Service of Russia as of 19.11.2018 № 1859 «On the definition of the customs authority authorized to perform customs examinations during customs control»]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus». Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_316151 [in Russian].
3. *Prikaz FTS Rossii ot 07.02.2019 № 203 «Ob utverzhdenii Poryadka attestatsii tamozhennykh ekspertov na pravo samostoyatel'nogo proizvodstva tamozhennoi ekspertizy»* [Order of the Federal Customs Service of Russia dated 07.02.2019 № 203 «On approval of the Procedure for certification of customs experts for the right to independently produce customs expertise»]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus». Available at: <https://www.alta.ru/tamdoc/19pr0203> [in Russian].
4. *Prikaz FTS Rossii ot 16.01.2019 № 34 «Ob utverzhdenii Poryadka provedeniya tamozhennoi ekspertizy, formy resheniya tamozhennogo organa o naznachenii tamozhennoi ekspertizy»* [Order of the Federal Customs Service of Russia № 34 as of 16.01.2019 «On approval of the Procedure for conducting customs expertise, the form of the decision of the customs authority on the appointment of customs expertise»]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus». Available at: <https://www.alta.ru/tamdoc/19pr0034> [in Russian].
5. *Prikaz FTS Rossii ot 07.02.2019 № 204 «Ob utverzhdenii Poryadka prodleniya sroka provedeniya tamozhennoi ekspertizy, Poryadka uvedomleniya deklaranta ili inogo litsa, obladayushchego polnomochiyami v otnoshenii tovarov, o prodlenii sroka provedeniya tamozhennoi ekspertizy, Poryadka priostanovleniya srokov provedeniya tamozhennoi ekspertizy»* [Order of the Federal Customs Service of Russia as of 07.02.2019 № 204 «On approval of the Procedure for extending the term of customs expertise, the Procedure for notifying the declarant or other person with authority in respect of goods, on extending the term of customs expertise, the Procedure for suspending the terms of customs expertise»]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus». Available at: <https://www.alta.ru/tamdoc/19pr0204> [in Russian].
6. *Prikaz FTS Rossii ot 05.02.2019 № 180 «Ob utverzhdenii Poryadka iz'yatiya tamozhennykh, transportnykh (perevozochnykh), kommercheskikh i inykh dokumentov, sredstv identifikatsii takikh dokumentov i tovarov dlya provedeniya tamozhennoi ekspertizy i formy akta ob iz'yatii tamozhennykh, transportnykh (perevozochnykh), kommercheskikh i inykh dokumentov, sredstv identifikatsii takikh dokumentov i tovarov dlya provedeniya tamozhennoi ekspertizy»* [Order of the Federal Customs Service of Russia № 180 as of 05.02.2019 «On approval of the Procedure for the withdrawal of customs, transport (transportation), commercial and other documents, means of identification of such documents and goods for customs expertise and the form of the act on the withdrawal of customs, transport (transportation), commercial and other documents, means of identification of such documents and goods for customs expertise»]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus». Available at: <https://www.alta.ru/tamdoc/19pr0180> [in Russian].
7. *Prikaz FTS Rossii ot 17.01.2019 № 46 «Ob utverzhdenii formy zaklyucheniya tamozhennogo eksperta (eksperta) i Poryadka zapolneniya zaklyucheniya tamozhennogo eksperta (eksperta)»* [Order of the Federal Customs Service of Russia № 46 as of 17.01.2019 «On approval of the form of the conclusion of the customs expert (expert) and the Procedure for filling in the conclusion of the customs expert (expert)»]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus». Available at: <https://www.alta.ru/tamdoc/19pr0046> [in Russian].
8. *Reshenie Komissii Tamozhennogo soyuza ot 18.06.2010 № 317 «O primenenii veterinarno-sanitarnykh mer v Evraziiskom ekonomicheskom soyuze»* [Decision of the Customs Union Commission as of 18.06.2010 № 317 «On the application of veterinary and sanitary measures in the Eurasian Economic Union»]. Available at: <https://www.alta.ru/tamdoc/10sr0317> [in Russian].
9. *Reshenie Soveta Evraziiskoi ekonomicheskoi komissii ot 10.11.2017 № 80 «Ob utverzhdenii Pravil organizatsii provedeniya laboratornykh issledovaniy (ispytaniy) pri osushchestvlenii veterinarnogo kontrolya (nadzora)»* [Decision of the Council of the Eurasian Economic Commission as of 10.11.2017 № 80 «On approval of the Rules for the organization of laboratory tests (tests) in the implementation of veterinary control (supervision)»]. Available at: <https://www.alta.ru/tamdoc/17sr0080> [in Russian].
10. Issues of modern legal regulation of expert activity and directions of its improvement are covered in the works of the authors: Zhizhina M. V. *K voprosu o metodicheskoy obespechenii ekspertnoi deyatel'nosti* [On the methodological support of expert practice]. *Vestnik arbitrazhnoy praktiki* [Vestnik Arbitrazhnoy Praktiki], 2018, no. 3 (76), pp. 57–64. Available at: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/96777-voprosu-metodicheskoy-obespechenii-ekspertnoj-deyatelnosti>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35302520> [in Russian].
11. Forum.fse.ms. Available at: <http://forum.fse.ms/topic/4810-zako> No. – ob-ekspertize-otritcat-ili-adaptirovat/ (accessed 17.02.2021) [in Russian].
12. Docplayer.ru. Available at: [https://docplayer.ru/53058701-O-s-bocharova-o-m-dyatlov-e-ya-rybalko-od No. im-iz-sovremeno.no.-y](https://docplayer.ru/53058701-O-s-bocharova-o-m-dyatlov-e-ya-rybalko-od-No.-im-iz-sovremeno.no.-y) (accessed 17.02.2021) [in Russian].
13. Elib.bsu.by/bitstream. Available at: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/113336/1/> (accessed 17.02.2021) [in Russian].
14. *Aki№ei№ea-li№gexpert.ru*. Available at: <https://aki№ei№ea-li№gexpert.ru/№ovyj-zako№-ob-expert№oj-deyatel№osti-vse-rav№o-primut-moi-mysli-po-povodu/> (date of access: 17.02.2021).

15. *Postanovlenie Plenuma Vysshego arbitrazhnogo suda Rossiiskoi Federatsii ot 04.04.2014 № 23 «O nekotorykh voprosakh praktiki primeneniya arbitrazhnymi sudami zakonodatel'stva ob ekspertize»* [Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated 04.04.2014 № 23 «On some issues of application by the courts of arbitration law examination»]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus». Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162155 [in Russian].
16. *Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda Rossiiskoi Federatsii ot 21.12.2010 № 28 «O sudebnoi ekspertize po ugovnym delam»* [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation as of 21.12.2010 № 28 «On forensic expertise in criminal cases»]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus». Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108437 [in Russian].
17. *Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda Rossiiskoi Federatsii ot 30.06.2020 № 12 «O primeneni Arbirazhnogo protsessual'nogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii pri rassmotrenii del v arbitrazhnom sude apellyatsionnoi instantsii»* [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation as of 30.06.2020 № 12 «On the application of the Arbitration Procedural Code of the Russian Federation when considering cases in the arbitration court of appeal»]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus». Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_356423 [in Russian].
18. Zalivokhina O. S. *Vidy informatsionnykh protsessov v ekspertnoi deyatel'nosti* [Types of information processes in expert activities]. *Rossiiskii sud'ya* [Russian Judge], 2021, no. 2, pp. 32–35. DOI: <http://doi.org/10.18572/1812-3791-2021-2-32-35> [in Russian].
19. Komissarova Ya. V., Kalinin R. E., Barinov E. Kh. *K voprosu o litsenzirovanii sudebno-meditsinskoi ekspertnoi deyatel'nosti po delam o nenadlezhashchem okazanii meditsinskoi pomoshchi* [On licensing forensic examination activities in cases on unique medical treatment]. *Rossiiskii sledovatel'* [Russian Investigator], 2020, no. 7, pp. 14–19. DOI: <http://doi.org/10.18572/1812-3783-2020-7-14-19> [in Russian].
20. Rossinskaya E. R. *Sovremennaya sudebno-ekspertnaya deyatel'nost' i napravleniya ee sovershenstvovaniya* [Modern forensics and its improvements]. *Zakon*, 2019, no. 10, pp. 31–42. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41218603> [in Russian].
21. Tokarev P. I. *Problemy v oblasti naznacheniya, proizvodstva i primeneniya rezul'tatov tamozhennoi ekspertizy* [Problems in the field of appointment, production and application of the results of customs expertise]. In: *Prokurorskii nadzor za ispolneniem zakonov o proizvodstve tamozhennykh ekspertiz: sb. materialov kruglogo stola (Moskva, 28 maya 2019 g.). Pod obshch. red. T. A. Dikanovoi; Un-t prokuratury Ros. Federatsii* [Dikanova T. A. (Ed.) Prosecutor's supervision over the execution of laws on the production of customs expertise: collection of materials of the round table (Moscow, May 28, 2019)]. Moscow, 2019, pp. 10–21 [in Russian].
22. Usov A. I., Omel'yanyuk G. G., Chesnokova E. V. *Standartizatsiya v sudebno-ekspertnoi deyatel'nosti: prognozy i resheniya* [Standardization in forensics: prospects and suggestions]. *Zakon*, 2019, no. 10, pp. 55–62. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41218605> [in Russian].
23. Chernyavskaya M. S. *Napravleniya sovershenstvovaniya deyatel'nosti negosudarstvennykh sudebno-ekspertnykh organizatsii* [Directions for improving the activities of non-governmental forensic organizations]. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava* [Actual Problems of Russian law], 2020, vol. 15, no. 2 (111), pp. 150–158. DOI: <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2020.111.2.150-158> [in Russian].

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 342.951:351.82

Дата поступления: 11.03.2021
рецензирования: 20.04.2021
принятия: 25.05.2021

Особенности административно-правового регулирования транспортной безопасности в странах – участниках СНГ

С. Н. Зайкова

Саратовская государственная юридическая академия,
г. Саратов, Российская Федерация
E-mail: snzaikova@rambler.ru

Аннотация: Статья посвящена актуальной на сегодняшний день проблеме защищенности транспортного комплекса и участников транспортных правоотношений. Автором отмечается, что особое значение для обеспечения транспортной безопасности в Российской Федерации имеет состояние правового регулирования рассматриваемой проблемы на территориях, ранее входивших в состав Союза ССР. Проводится анализ, и дается сравнение систем административно-правового обеспечения транспортной безопасности в России и странах – участниках СНГ. Целью исследования стало определение уровня разработанности, проблем, различий и противоречий законодательства в области обеспечения транспортной безопасности в государствах – участниках Содружества Независимых Государств, разработка предложений по унификации терминологии, форм и методов сотрудничества на основе анализа международно-правовых оснований (договоров, меморандумов, протоколов, соглашений и т.д.). Автор приходит к выводу, что не всеми государствами-участниками СНГ приняты специализированные законы о транспортной безопасности. Содержание принятых и действующих национальных законов имеет существенные отличия от модельного закона о транспортной безопасности в части целей, задач, принципов, основных понятий и административно-правовых средств. Отсюда предлагается унификация национального и международного законодательства, обеспечивающая координацию деятельности государств – участников СНГ в области транспортной безопасности. Настоящее исследование имеет возможность практического применения при внесении изменений в законодательство, регулирующее рассматриваемую область правоотношений.

Ключевые слова: транспортная безопасность; система транспортной безопасности; государства – участники СНГ; национальная безопасность; международно-правовые основания; безопасность на транспорте.

Цитирование. Зайкова С. Н. Особенности административно-правового регулирования транспортной безопасности в странах – участниках СНГ // Юридический вестник Самарского университета. 2021. Т. 7, № 2. С. 106–112. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2021-7-2-106-112>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Зайкова С. Н., 2021

Светлана Николаевна Зайкова – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административного и муниципального права, Саратовская государственная юридическая академия, 410056, Российская Федерация, г. Саратов, ул. Вольская, 1.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 11.03.2021
Revised: 20.04.2021
Accepted: 25.05.2021

Administrative and legal transport security regulation features in the CIS member countries

S. N. Zaikova

Saratov State Law Academy, Saratov, Russian Federation
E-mail: snzaikova@rambler.ru

Abstract: The article is devoted to the current problem of the security of the transport complex and participants in transport legal relations. The author notes that the state of legal regulation of the problem in question in the territories that were previously part of the USSR is of particular importance for ensuring transport security in the Russian Federation. The author analyses and compares the Russian and the CIS countries' transport security administrative and legal support systems. Defining the elaboration level of the CIS's member countries' legislation in the field of transport security as well as problems, differences and contradictions, development of proposals for the terminology unification, forms and methods of cooperation based on the analysis of international legal basis (treaties, memorandums, protocols, agreements etc.), the author comes to the conclusion that not all CIS member states have adopted specialized laws on transport security. The content of the adopted and existing national laws has significant differences from the model law on transport security in terms of objectives, principles, basic concepts as well as administrative and legal means. Hence, the unification of national and international legislation is proposed that would ensure the coordination between the CIS member states in the field of

transport security. The present research may be implemented if amendments are made into the legislation that regulates the stated sphere of legal relations.

Key words: transportation security; transportation security system; CIS member countries; national security; international legal basis; security on transport.

Citation. Zaikova S. N. *Osobennosti administrativno-pravovogo regulirovaniya transportnoi bezopasnosti v stranakh – uchastnikakh SNG* [Administrative and legal transport security regulation features in the CIS member countries]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2021, vol. 7, no. 2, pp. 106–112. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2021-7-2-106-112> [in Russian].

Information about the conflict of interests: author declares no conflict of interests.

© Zaikova S. N., 2021

Svetlana Nikolaevna Zaikova – Candidate of Juridical Sciences, associate professor, associate professor of the Department of Administrative and Municipal Law, Saratov State Law Academy, 1, Volskaya Street, Saratov, 410056, Russian Federation.

Масштабность проблем обеспечения транспортной безопасности с 30-х годов XIX века привела к созданию и совершенствованию в странах национального законодательства и к разработке международных правовых актов, регулирующих вопросы межгосударственного сотрудничества в рассматриваемой области.

Проблема защищенности транспортного комплекса и пассажиров имеет актуальное значение для каждой страны и по сегодняшний день. Международное право¹ предоставляет каждому право на свободу передвижения, такое право может быть ограничено только в интересах национальной безопасности (п. 3 ст. 2). Соответственно, все страны обязаны обеспечить безопасное передвижение по своей территории.

В основу формирования системы административно-правового обеспечения транспортной безопасности в России положен международный опыт борьбы с терроризмом, в том числе на транспорте.

Анализируя международное законодательство по обеспечению транспортной безопасности, особое внимание предлагаем уделить законодательству соседних государств (далее – СНГ).

Не согласимся с мнением [1, с. 96], что меры обеспечения безопасности на транспорте, принятые в странах СНГ, являются системообразующим сегментом рынка транспортных услуг, неотъемлемой частью информационных систем национальных морских портов, железнодорожных вокзалов, аэропортов и других объектов транспортной инфраструктуры. Слишком много имеется не исполненных до конца договоренностей и правовых пробелов в международном и национальном правовом регулировании.

В настоящее время среди стран – участников СНГ отсутствует единое понимание термина «транспортная безопасность» [2, с. 24]. Например, в Азербайджане² и Армении³ отсутствует его ле-

гальное определение, однако в законах перечислены обязательные требования, которым должно соответствовать транспортное средство.

В законодательстве Республики Казахстан⁴ транспортная безопасность понимается как составная часть экономической безопасности. При этом, защищенность транспортной отрасли экономики от возможных угроз должна обеспечивать не только функционирование, но и развитие транспортного комплекса: обеспечивать создание условий для удовлетворения ежедневных потребностей бизнеса и населения в услугах по перевозке различными видами транспорта, совершенствование транспортной инфраструктуры и обеспечение конкурентоспособности транзитного потенциала республики.

Однако, как отмечают исследователи [3, с. 142], несмотря на законодательно урегулированный понятийный аппарат, в законодательстве Республики Казахстан имеется недостаточная регламентация отдельных составляющих системы безопасности.

В стадии формирования находится аналогичное законодательство в Беларуси [4, с. 141]. В республиканском законе⁵ под безопасностью транспортной деятельности понимается такое ее состояние, при котором обеспечена минимальная вероятность возникновения опасности для жизни и здоровья граждан, в том числе иностранных и без гражданства, для имущества республиканского и частного, для республики и ее административно-территориальных единиц, иностранных государств, окружающей среды.

Также не имеется специализированного закона о транспортной безопасности в Республике Киргизия. Действующий закон о транспорте содержит лишь одну правовую норму о том, что «транспортные средства должны соответствовать требованиям безопасности»⁶.

¹ Конвенция о защите прав человека и основных свобод ЕТС № 005: заключена в г. Риме 4 нояб. 1950 г. (с изм. от 13 мая 2004 г.) // Бюллетень международных договоров. 2001. № 3.

² Закон Азербайджанской Республики от 11 июня 1999 г. № 683-IQ «О транспорте» // Сборник законодательных актов Азербайджанской Республики. 1999. № 7. Ст. 399.

³ Закон Республики Армения от 21 декабря 2006 г. № ЗР-233 «Об автомобильном транспорте» // Официальные ведомости Республики Армения. 2006. № 67 (522). Ст. 1404.

⁴ Закон Республики Казахстан от 6 января 2012 г. № 527-IV «О национальной безопасности Республики Казахстан». URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31106860.

⁵ Закона Республики Беларусь от 5 мая 1998 г. № 140-3 «Об основах транспортной деятельности» определяет понятие «безопасности на транспортной деятельности» // Звезда. 1998. № 168.

⁶ Закон Киргизской республики от 8 июля 1998 г. № 89 «О транспорте» // Эркин-Тоо. 1998. № 93.

Аналогичная ситуация с правовым регулированием и в Республике Узбекистан⁷.

В Республике Молдова отдельные вопросы безопасности на автомобильном транспорте регулируются Кодексом автомобильного транспорта⁸. По другим видам транспорта в республике используется международное законодательство.

Из всех государств – участников СНГ законы о транспортной безопасности приняты в России, Таджикистане⁹ и Туркменистане¹⁰, по содержанию указанные законы во многом схожи.

Различные подходы в нормативно-правовом регулировании вопросов обеспечения транспортной безопасности приводят к необходимости унификации национального законодательства стран СНГ с международным законодательством, координации совместных усилий, направленных на защищенность транспортной отрасли. Как отмечали представители Минтранса России, требуется разработка «эффективного механизма по согласованию государствами – участниками Содружества системы мер, принимаемых в целях защиты транспортного комплекса»¹¹.

На современном этапе координация совместных действий осуществляется на основе соглашений, договоров, модельных законов, принятых Советом глав правительств СНГ, а также решений Координационного транспортного совещания государств – участников СНГ.

Все перечисленные правовые акты и соглашения можно поделить на две части в зависимости от предмета регулирования (общего и особенного).

Во-первых, общие акты (соглашения) государств – участников СНГ, которые направлены на развитие транспортного сотрудничества в целом, косвенно затрагивающие вопросы обеспечения транспортной безопасности. К ним относятся:

– Соглашение о принципах формирования общего транспортного пространства¹² (Российской Федерацией и Республикой Молдова не выполнены внутригосударственные процедуры),

⁷ Закон Республики Узбекистан от 29 августа 1998 г. № 674-I «Об автомобильном транспорте» // Народное слово. 1998. № 184 (1968).

⁸ Кодекс автомобильного транспорта Республики Молдова от 17 июля 2014 г. № 150. URL: <http://bizlex.ru/29-kodeks-avtomobilnogo-transporta-respubliki-moldova.html>.

⁹ Закон Республики Таджикистан от 3 июля 2012 г. № 847 «О транспортной безопасности». URL: http://www.adlia.tj/show_doc.fwx?Rgn=117174.

¹⁰ Закон Туркменистана от 5 января 2018 г. «О транспортной безопасности» // Нейтральный Туркменистан. 2018. № 11.

¹¹ Тезисы выступления заместителя министра транспорта РФ Захряпина Н. Ю. VI Международный форум «Безопасность на транспорте»: развитие законодательства и антитеррористические меры (2016 г.). URL: <https://tb-inform.ru/vi-mezhdunarodnyj-forum-bezopasnost-na-transporte-razvitie-zakonodatelstva-i-antiterroristicheskie-mery>.

¹² О принципах формирования общего транспортного пространства и взаимодействия государств – участников Содружества Независимых Государств в области транспортной политики: Соглашение стран СНГ от 9 октября 1997 г. // Дипломатический вестник. 1997. № 11. С. 35–38.

– Договор о сотрудничестве в борьбе с терроризмом¹³ (Грузией не выполнены внутригосударственные процедуры),

– Меморандум¹⁴ и соглашение¹⁵ о сотрудничестве в области развития международных транспортных коридоров,

– Соглашение о гражданской авиации и об использовании воздушного пространства¹⁶,

– Протокол о международных автодорогах СНГ¹⁷.

Ко второй группе относятся специальные акты (соглашения), регулирующие сотрудничество по вопросам безопасности транспортного комплекса в целом и по отдельным видам транспорта:

– Декларация по обеспечению безопасности на транспорте¹⁸, положившая начало формированию правовой базы для сотрудничества в сфере борьбы с контрабандой и терроризмом на транспорте. Во исполнение указанной Декларации был разработан и утвержден соответствующий перечень комплексных мероприятий¹⁹,

– Стратегия обеспечения безопасности в международном сообщении²⁰ и плано-

¹³ Договор о сотрудничестве государств – участников Содружества Независимых Государств в борьбе с терроризмом (подписан в г. Минске 4 июня 1999 г.) // Содружество. Информационный вестник Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ. 1999. № 2 (32). С. 120–129.

¹⁴ О сотрудничестве государств – участников СНГ в области международных транспортных коридоров: Меморандум стран СНГ от 18 сентября 2003 г. // Содружество. Информационный вестник Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ. 2003. № 2 (43). С. 32–35.

¹⁵ О согласованном развитии международных транспортных коридоров, проходящих по территории государств – участников СНГ: Соглашение глав правительств СНГ от 20 ноября 2009 г. (с изм. от 28.10.2016) // Бюллетень международных договоров. 2011. № 4. С. 13–18.

¹⁶ Соглашение о гражданской авиации и об использовании воздушного пространства (заключено в г. Минске 12 декабря 1991 г.) // Бюллетень международных договоров. 2000. № 7. С. 3–7.

¹⁷ О международных автомобильных дорогах Содружества Независимых Государств: Протокол стран СНГ от 11 сентября 1998 г. // Бюллетень международных договоров. 2000. № 12. С. 15–35.

¹⁸ Решение Совета глав правительств СНГ «О Декларации по вопросам обеспечения безопасности на транспорте в государствах – участниках Содружества Независимых Государств» (принято в г. Ялте 18 сентября 2003 г.) // Содружество. Информационный вестник Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ. № 2 (43). С. 36–39.

¹⁹ Перечень мероприятий по комплексному обеспечению безопасности на транспорте в государствах – участниках СНГ (утвержден в г. Астане 17 июня 2004 г.) // Транспорт России. 2004. 5–11 июля.

²⁰ О Стратегии обеспечения транспортной безопасности на территориях государств – участников Содружества Независимых Государств при осуществлении перевозок в международном сообщении: Решение Совета глав правительств СНГ от 29 мая 2015 г. URL: <http://cis.minsk.by>.

вый документ по реализации этой стратегии²¹,

– Соглашение о сотрудничестве в области защиты гражданской авиации²² и Модельный закон о безопасности на воздушном транспорте²³,

– Положение по вопросам безопасности движения на железнодорожном транспорте²⁴,

– Соглашение об информационном взаимодействии²⁵.

Отдельно необходимо остановиться на Модельном законе о безопасности на транспорте²⁶, которым определены основные цели сотрудничества, административно-правовые и организационные задачи, принципы и структура национального законодательства в области транспортной безопасности.

Что касается структуры законодательства, то модельный закон включил в нее национальную конституцию и иные национальные нормативные правовые акты, а также международные договоры и соглашения. Указанное положение нашло отражение в правовых системах всех государств – участников СНГ в отличие от других важных положений рассматриваемого закона.

В результате достигнутых международных договоренностей целями обеспечения транспортной безопасности являются:

²¹ О Плате первоочередных мероприятий по реализации Стратегии обеспечения транспортной безопасности на территориях государств – участников Содружества Независимых Государств при осуществлении перевозок в международном сообщении на период 2017–2019 годов: Решение Совета глав правительств СНГ от 26 мая 2017 г. URL: <http://cis.minsk.by>.

²² Соглашение о сотрудничестве по обеспечению защиты гражданской авиации от актов незаконного вмешательства (заключено в г. Минске 26 мая 1995 г.) // Содружество. Информационный вестник Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ. 1995. № 2 (19). С. 127–130.

²³ Модельный закон о безопасности на воздушном транспорте (принят в г. Санкт-Петербурге 31 октября 2007 г. постановлением № 29–10 на 29-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ) // Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств – участников Содружества Независимых Государств. 2007. № 41. С. 217–239.

²⁴ Положение о Комиссии Совета по железнодорожному транспорту по вопросам безопасности движения на железнодорожном транспорте (утверждено в г. Кишиневе 20 ноября 2013 г. на 59-м заседании Совета по железнодорожному транспорту СНГ) (с изм. от 18 мая 2018 г.) // Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

²⁵ Об информационном взаимодействии государств-участников СНГ в области обеспечения транспортной безопасности: Соглашение стран СНГ от 30 мая 2014 г. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

²⁶ Модельный закон о безопасности на транспорте (принят в г. Санкт-Петербурге 31 октября 2007 г. постановлением № 29-9 на 29-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ) // Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств – участников Содружества Независимых Государств. 2007. № 41. С. 200–216.

– обеспечение достаточных условий для планомерного и непрерывного функционирования транспортного комплекса,

– защита личных и имущественных интересов в транспортном комплексе,

– защита транспортных объектов и субъектов транспортной деятельности, потребителей транспортных услуг от актов незаконного вмешательства, а также от природных, техногенных и иных кризисных ситуаций.

В отличие от Модельного закона, целевые ориентиры, содержащиеся в российском законе, ограничиваются защитой транспортного комплекса только от актов незаконного вмешательства. Аналогичное целеполагание – в законах Таджикистана и Туркменистана.

Следовательно, рассмотренные национальные законы ограничиваются только актами незаконного вмешательства, оставляя без внимания иные кризисные ситуации. Как известно, от правильно поставленной цели зависит эффективность государственного управления, особенно в области национальной безопасности.

Задачи, закрепленные в Модельном законе и в национальных законах, во многом схожи. Однако следует отметить, что пункт 2 статьи 2 российского закона, пункт 2 статьи 3 Закона Республики Таджикистан и пункт 2 статьи 2 Закона Туркменистана не предусматривают такой задачи, как международное сотрудничество в области транспортной безопасности. Закрепленное Модельным законом и практически реализуемое, безусловно, оно требует отражения в национальных законодательных актах.

В рассматриваемом законодательстве отличаются и принципы. Не нашли отражения в национальных законах следующие модельные принципы:

– приоритета жизни и здоровья людей;

– конечной государственной ответственности за организацию транспортной безопасности;

– обоснованного вмешательства государства в деятельность хозяйствующих субъектов транспортной отрасли при государственном управлении и регулировании в области безопасности.

В Модельном законе перечислены субъекты и объекты защиты.

К первым относятся: органы власти, в том числе местного самоуправления; международные организации, функционирующие в транспортной отрасли; хозяйствующие субъекты (поставщики) и потребители транспортных услуг. Причем последние имеют двойной правовой статус: как лица, обязанные обеспечивать и соблюдать транспортную безопасность, которые несут ответственность за неисполнение указанных обязанностей, и как лица, имеющие право на безопасное рабочее место и безопасную транспортную услугу.

Помимо поставщиков и потребителей транспортных услуг к объектам защиты относятся третьи лица – участники транспортной деятельности, которым может быть причинен вред, объекты транспорта, груз, багаж.

Национальные законы Российской Федерации, Таджикистана и Туркменистана не уточняют составы субъектов и объекты защиты. В них понятие «транспортная безопасность», по сути, сводится к защищенности только лишь объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств, без упоминания физических лиц (независимо от их административно-правового статуса), находящихся в транспортных средствах или на этих объектах.

Имеют как сходства, так и отличия применяемых организационно-правовых средств обеспечения транспортной безопасности.

В большинстве стран применяются техническое регулирование, стандартизация и сертификация, аккредитация сил и средств обеспечения безопасности. Так, в Азербайджанской Республике предусмотрена государственная стандартизация обязательных требований относительно безопасности транспортных средств, дорог, а также технических средств, обеспечивающих работу транспорта.

В Армении установлена административная регламентация в виде лицензирования транспортной деятельности (отдельных ее видов) и подтверждения соответствия транспортных услуг (аккредитация) в порядке, установленном Законом Республики Армения «Об оценке соответствия»²⁷.

В Республике Казахстан, где транспортная безопасность является составной частью экономической безопасности, законодательно закреплен контроль за использованием экономических объектов, находящихся в управлении (либо собственности) иностранных организаций и организаций с участием иностранных инвесторов.

Среди административно-правовых процедур в области обеспечения транспортной безопасности в Беларуси следует отметить: техническую оценку, лицензирование и оценку профессиональной подготовки и состояния здоровья, проводимую в отношении работников службы безопасности транспортной деятельности. Контроль за осуществлением лицензируемых видов деятельности в области транспортной деятельности осуществляется Министерством транспорта и коммуникаций Беларуси в соответствии с законодательством о лицензировании, о контрольной деятельности.

В Киргизской Республике признаны зонами повышенной опасности аэропорты и пристани, станции и автотранспортные предприятия, железнодорожные линии и водные пути, используемые для движения транспортных средств. Правила нахождения на их территории строго регламентированы республиканским правительством. Транспортным предприятиям и перевозчикам предписано предотвратить доступ посторонних лиц к транспорту, обеспечить его охрану, техническое оснащение специальными устройствами. В качестве формы контроля предусмотрены административные досмотры.

Правила пребывания на объектах транспортной инфраструктуры устанавливаются также в

Республике Узбекистан. Помимо этого, применяются сертификация автотранспортных средств на соответствие требованиям безопасности и лицензирование перевозок.

Вышеприведенный анализ основных административно-правовых процедур показал, что национальным законодательством (за исключением России, Таджикистана и Туркменистана) не предусмотрены: оценка уязвимости объектов, их категорирование и особые ограничения при приеме на работу сотрудников безопасности на транспорте, несмотря на то, что указанные меры предусмотрены Модельным законом о безопасности на транспорте.

По нашему мнению, требуется корректировка принятых национальных законов относительно целей, задач, принципов и основных понятий, административно-правовых мер обеспечения транспортной безопасности, а также принятия другими государствами – участниками СНГ соответствующих национальных законов.

Все вышеперечисленные акты и соглашения определяют рамки сотрудничества и обязательные (либо рекомендованные) для исполнения государствами-участниками СНГ требования по обеспечению безопасности пассажиров и обслуживающего персонала на транспорте, а также сохранности грузов и багажа.

Анализ вышеперечисленных актов позволяет выделить следующие основные формы международного взаимодействия:

- информационный обмен,
- реализацию совместных планов по принятию превентивных, обеспечительных и восстановительных административно-правовых мер,
- экспертную оценку состояния защищенности объектов повышенной опасности,
- межведомственное взаимодействие и обмен накопленным положительным опытом борьбы с терроризмом, практикой реализации национального законодательства;
- практическую помощь при совершенном противоправном акте;
- проведение совместных учений и повышения квалификации сотрудников (семинары, стажировки, конференций);
- совместные научные исследования и опытно-конструкторские разработки систем и средств защиты объектов транспорта.

Сотрудничеству и взаимодействию способствует создание межгосударственных (межправительственных) органов, например, постоянно действуют Антитеррористический центр²⁸, Межгосударственный авиационный комитет²⁹, Совет по железнодорожному транспорту³⁰.

²⁸ Официальный сайт Антитеррористического центра государств – участников СНГ. URL: <https://www.cisatc.org/132>.

²⁹ Официальный сайт Межгосударственного авиационного комитета. URL: <https://mak-iac.org/o-mak>.

³⁰ Официальный сайт Совета по железнодорожному транспорту государств – участников СНГ. URL: <https://www.sovetgt.org/index.php?link=1>.

²⁷ Закон Республики Армения «Об оценке соответствия» от 19 июня 2004 г. № 82-Н. URL: <http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=2006&lang=rus>.

Как отмечают ученые [5–9], предстоит еще большая работа по совершенствованию национального законодательства и приведению его в соответствии с требованиями международных актов. Новые вызовы и новые виды угроз, таких как деятельность интернет-экстремистов, направленная на подрыв транспортных систем, требуют непрерывной работы по обновлению форм и методов обеспечения безопасности.

Подводя итоги исследованию международно-правовых оснований и условий формирования системы административно-правового обеспечения транспортной безопасности, следует отметить, что, играя в основном унифицирующую роль [10, с. 118], международное право позволяет формировать национальное законодательство с учетом международного опыта правового регулирования борьбы с терроризмом и иными незаконными актами вмешательства в деятельность транспорта.

Библиографический список

1. Меркушова О. В. Сотрудничество стран СНГ по обеспечению безопасности деятельности объектов транспортной инфраструктуры, перевозок пассажиров и грузов разными видами транспорта // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. 2018. № 3 (16). С. 90–98. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36823622>.
2. Ирошников Д. В. Теоретические проблемы легального определения транспортной безопасности и смежных с ней категорий // Вопросы безопасности. 2020. № 1. С. 17–29. DOI: <http://doi.org/10.25136/2409-7543.2020.1.31878>.
3. Ильясова Г. А. Правовые аспекты обеспечения безопасности на транспорте: сравнительно-правовой анализ законодательства стран СНГ // Международный журнал экспериментального образования. 2014. № 1–2. С. 140–143. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21075060>.
4. Полещук Л. А. Проблемы правовой регламентации безопасности транспортной деятельности в Республике Беларусь // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. 2013. № 1. С. 139–143. URL: http://media.miu.by/files/store/items/uses/xix/mim_uses_xix_06007.pdf.
5. Скрынник А. М. Система государственного контроля и надзора в сфере обеспечения транспортной (морской) безопасности // Транспортное право. 2010. № 3. С. 20–25. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=15181238>; <https://wiselawyer.ru/poleznoe/46169-sistema-gosudarstvennogo-kontrolya-nadzora-sfere-obespecheniya-transportnoj>.
6. Мамонова А. С. Международно-правовые меры обеспечения безопасности мореплавания // Транспортное право. 2007. № 1. С. 18–23. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=12975528>; <https://wiselawyer.ru/poleznoe/26121-mezhdunarodno-pravovye-mery-obespecheniya-bezopasnosti-moreplavaniya>.
7. Zervina O. The Environment of Extremist Textual Content Threatening Transportation Systems // Proceedings of the International Conference TRANSBALTICA XI: Transportation Science and Technology. Springer, 2019. P. 541–551. DOI: http://doi.org/10.1007/978-3-030-38666-5_57.
8. Rodrigue J. The Geography of Transport Systems (fifth edition). New York: Routledge, 2020. 456 p. DOI: <http://doi.org/10.4324/9780429346323>.
9. Segell G. Terrorism on London Public Transport // Defense & Security Analysis. 2006. P. 45–59. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/14751790600577132>.
10. Майстренко Г. А. Борьба с терроризмом на основе реализации положений международного и российского права // Современное право. 2018. № 9. С. 116–119. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35671213>.

References

1. Merkusheva O. V. *Sotrudnichestvo stran SNG po obespecheniyu bezopasnosti deyatel'nosti ob"ektov transportnoi infrastruktury, perevozk passazhirov i gruzov raznymi vidami transporta* [Cooperation of the CIS countries to ensure the safety of transport infrastructure facilities, transport of passengers and goods by different types of transport]. *Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo evraziiskikh gosudarstv: politika, ekonomika, pravo* [International Cooperation Eurasian States: Politics, Economics Law], 2018, no. 3 (16), pp. 90–98. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36823622> [in Russian].
2. Iroshnikov D. V. *Teoreticheskie problemy legal'nogo opredeleniya transportnoi bezopasnosti i smezhnykh s nei kategorii* [Theoretical problems of legal definition of transport safety and adjacent categories]. *Voprosy bezopasnosti* [Security Issues], 2020, no. 1, pp. 17–29. DOI: <http://doi.org/10.25136/2409-7543.2020.1.31878>.
3. Ilyasova G. A. *Pravovye aspekty obespecheniya bezopasnosti na transporte: sravnitel'no-pravovoi analiz zakonodatel'stva stran SNG* [The legal aspects of safety providing on transport: comparative and legal analysis of the CIS countries legislation]. *Mezhdunarodnyi zhurnal eksperimental'nogo obrazovaniya* [International Journal of Experimental Education], 2014, no. 1–2, pp. 140–143. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21075060> [in Russian].
4. Poleshchuk L. A. *Problemy pravovoi reglamentatsii bezopasnosti transportnoi deyatel'nosti v Respublike Belarus'* [Problems of legal regulation of transport security in the Republic of Belarus]. *Vestnik Akademii MVD Respubliki Belarus'* [Bulletin of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus], 2013, no. 1, pp. 139–143. Available at: http://media.miu.by/files/store/items/uses/xix/mim_uses_xix_06007.pdf [in Russian].

5. Skrynnik A. M. *Sistema gosudarstvennogo kontrolya i nadzora v sfere obespecheniya transportnoi (morskoj) bezopasnosti* [State management in the sphere of maintenance of sea transport safety in Russia]. *Transportnoe pravo* [Transportation Law], 2010, no. 3, pp. 20–26. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=15181238>; <https://wiselawyer.ru/poleznoe/46169-sistema-gosudarstvennogo-kontrolya-nadzora-sfere-obespecheniya-transportnoj> [in Russian].
6. Mamonova A. S. *Mezhdunarodno-pravovye mery obespecheniya bezopasnosti moreplavaniya* [International legal measures for ensuring navigation security]. *Transportnoe pravo* [Transportation Law], 2007, no. 1, pp. 18–23. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=12975528>; <https://wiselawyer.ru/poleznoe/26121-mezhdunarodno-pravovye-mery-obespecheniya-bezopasnosti-moreplavaniya> [in Russian].
7. Zervina O. The Environment of Extremist Textual Content Threatening Transportation Systems. In: *Proceedings of the International Conference TRANSBALTICA XI: Transportation Science and Technology*. Springer, 2019, pp. 541–551. DOI: http://doi.org/10.1007/978-3-030-38666-5_57.
8. Rodrigue J. *The Geography of Transport Systems* (fifth edition). New York: Routledge, 2020, 456 p. DOI: <http://doi.org/10.4324/9780429346323>.
9. Segell G. Terrorism on London Public Transport. *Defense & Security Analysis*, 2006, pp. 45–59. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/14751790600577132>.
10. Maistrenko G.A. *Bor'ba s terrorizmom na osnove realizatsii polozhenii mezhdunarodnogo i rossiiskogo prava* [Counterterrorism on the base of implementation of provisions of international and Russian law]. *Sovremennoe pravo* [The Modern Law], 2018, no. 9, pp. 116–119. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35671213> [in Russian].

ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС CIVIL PROCESS

DOI: 10.18287/2542-047X-2021-7-2-113-119

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 347.9

Дата поступления: 18.03.2021
рецензирования: 20.04.2021
принятия: 25.05.2021

Особенности участия прокурора в производстве по рассмотрению заявлений о возвращении ребенка (об осуществлении в отношении него прав доступа) на основании Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей 1980 года

И. И. Головко

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

E-mail: irinaivanovna2009@yandex.ru. ORCID: <http://doi.org/0000-0002-9538-016X>. Researcher ID: B-9723-2016

Аннотация: В данной статье рассматриваются проблемы, возникающие при разрешении судами споров о возвращении ребенка или об осуществлении в отношении несовершеннолетнего прав доступа на основании международного договора Российской Федерации в контексте деятельности прокурора. В настоящее время такие дела в судах достаточно многочисленны. Спорные вопросы разрешаются как вне судопроизводства, так и в судебном порядке. В ГПК РФ установлены полномочия прокурора на обращение в суд с заявлением по делам указанной категории, а также предусмотрено обязательное вступление в дело для дачи заключения. Целью статьи является представление результатов исследования особенностей участия прокурора в судопроизводстве по делам о возвращении ребенка. Задачами – изучение нормативных правовых актов, регулирующих участие прокурора в делах указанной категории, обобщение судебной практики, выявление нарушений при рассмотрении судами дел. Проанализированы вопросы компетенции прокурора на досудебном этапе решения споров и меры, которые он вправе инициировать в защиту нарушенных прав родителя (иного обратившегося в прокуратуру лица) в административном и судебном порядке. В связи с закреплением в ГПК РФ права прокурора инициировать судопроизводство в суде общей юрисдикции по изученным делам обращено внимание на вопросы определения подсудности и предмет доказывания, на сроки обращения в суд, срок судопроизводства, срок оспаривания решения суда. Также сделан акцент на реализации права прокурора вступить в дело для дачи заключения. На основании положений Гаагской конвенции 1980 года, результатов практики, обобщения причин отмены решений судов обоснованы выводы о наиболее значимых аспектах, которым необходимо уделять внимание. Сделан вывод, что судебная практика рассмотрения дел указанной категории формируется и в настоящее время не свободна от нарушений требований закона. Обращено внимание на выводы Верховного Суда Российской Федерации на основании материалов обобщения практики.

Ключевые слова: прокурор; Гаагская конвенция 1980 года; похищение детей; право доступа; опека; гражданское судопроизводство; заключение прокурора; заявление прокурора.

Цитирование. Головко И. И. Особенности участия прокурора в производстве по рассмотрению заявлений о возвращении ребенка (об осуществлении в отношении него прав доступа) на основании Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей 1980 года // Юридический вестник Самарского университета. 2021. Т. 7, № 2. С. 113–119. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2021-7-2-113-119>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Головко И. И., 2021

Ирина Ивановна Головко – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры прокурорского надзора и участия прокурора в рассмотрении уголовных, гражданских и арбитражных дел, Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 191104, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Литейный проспект, 44.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 18.03.2021
Revised: 20.04.2021
Accepted: 25.05.2021

Specifics of the prosecutor's participation in proceedings for considering applications for the return of a child (on the exercise of access rights to him) on the basis of the 1980 Convention on the Civil Aspects of International Abduction of Children

I. I. Golovko

Saint Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation,
Saint Petersburg, Russian Federation

E-mail: irinaivanovna2009@yandex.ru. ORCID: <http://doi.org/0000-0002-9538-016X>. Researcher ID: B-9723-2016

Abstract: This article examines the problem of the exercise of parental rights (guardianship rights) in relation to a minor. At present, there are quite numerous disputes between parents, other persons entitled to rights in relation to minors, about the place of residence of the child and about with whom he will live. Controversial issues are resolved both out of court proceedings and in court. The Code of Civil Procedure of the Russian Federation establishes the powers of the prosecutor to apply to the court in cases of this category and to intervene to give an opinion. The purpose of the article is to present the results of a study of the peculiarities of the participation of a prosecutor in court proceedings in cases of the return of a child (on the exercise of access rights in relation to him). The tasks were to generalize judicial practice, identify violations in the consideration of cases by the courts, establish the specifics of the participation of the prosecutor in the proceedings in cases of this category. The author analyzes the issues of the prosecutor's competence at the pre-trial stage of resolving disputes and the measures that he has the right to initiate in defense of the violated rights of the parent (another person who applied to the prosecutor's office) in the administrative and judicial order. In connection with the consolidation in the Code of Civil Procedure of the Russian Federation, the right of the prosecutor to initiate proceedings in a court of general jurisdiction in cases of the considered category, attention is paid to the issues of determining jurisdiction and the subject of proof, the time frame for going to court, the time period for the proceedings, the time period for challenging the court decision. The emphasis is also placed on the implementation of the right of the prosecutor to intervene in the case to give an opinion. On the basis of the provisions of the 1980 Hague Convention, the results of practice, the generalization of the reasons for the cancellation of the decisions of the courts, the conclusions on the most significant aspects that need to be paid attention are substantiated. It is concluded that the judicial practice of considering cases of this category is being formed and is currently not free from violations of the requirements of the law. Attention is drawn to the conclusions of the Supreme Court of the Russian Federation based on the materials of the generalization of practice.

Key words: prosecutor; 1980 Hague Convention; child abduction; right of access; guardianship; civil procedure; prosecutor's opinion; prosecutor's statement of claim.

Citation. Golovko I. I. *Osobennosti uchastiya prokurora v proizvodstve po rassmotreniyu zayavlenii o vozvrashchenii rebenka (ob osushchestvlenii v otnoshenii nego prav dostupa) na osnovanii Konventsii o grazhdansko-pravovykh aspektakh mezhdunarodnogo pokhishcheniya detei 1980 goda* [Specifics of the prosecutor's participation in proceedings for considering applications for the return of a child (on the exercise of access rights to him) on the basis of the 1980 Convention on the Civil Aspects of International Abduction of Children]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2021, vol. 7, no. 2, pp. 113–119. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2021-7-2-113-119> [in Russian].

Information about the conflict of interests: author declares no conflict of interests.

© Golovko I. I., 2021

Irina I. Golovko – Candidate of Legal Sciences, associate professor, associate professor of the Department of Prosecutor's Supervision and the Participation of the Prosecutor in the Consideration of Criminal, Civil and Arbitration Cases, Saint Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, 44, Liteyny Avenue, Saint Petersburg, 191104, Russian Federation.

Введение

Конституция Российской Федерации определяет: материнство и детство, семья находятся под защитой государства (ст. 38), государство защищает права и свободы человека и гражданина в Российской Федерации (ст. 45), каждый вправе обратиться в суд для защиты прав и свобод (ст. 46). Указанные гарантии должны обеспечиваться каждому ребенку не только его законными представителями, но и государством. На формирование законодательства в указанной сфере влияют также международные правовые акты.

Конвенция о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей, заключенная в Гааге 25.10.1980 (далее – Гагская конвенция 1980 года) [1], вступила в силу 01.12.1983.

В соответствии с Федеральным законом от 31.05.2011 № 102-ФЗ «О присоединении Российской Федерации к Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей» [2] Российская Федерация присоединилась к Гагской конвенции 1980 года, для Российской Федерации Гагская конвенция 1980 года вступила в силу 01.10.2011.

Указанная Конвенция регулирует разрешение споров в отношении несовершеннолетних, сопровождающихся в том числе похищением детей в гражданско-правовом аспекте, соблюдение прав опеки и доступа¹.

Применительно к Гагской конвенции 1980 года критериями незаконности перемещения или удержания ребенка являются нарушение прав опеки конкретного лица или организации (ст. 3 Гагской конвенции 1980 г.).

В качестве пределов применения Гагской конвенции 1980 года отметим следующие: несовершеннолетний, в отношении которого имеется спор, постоянно проживает в одном из государств-участников до нарушения прав опеки или доступа; ребенок не достиг возраста 16 лет (ст. 4 указанной Конвенции).

Материалы и методы

Любое физическое лицо или организация вправе

¹ Для целей Гагской конвенции 1980 г. «права опеки» включают права, относящиеся к заботе о личности ребенка, в частности право определять место жительства ребенка; «права доступа» включают право взять ребенка на ограниченный период времени в место иное, чем место его постоянного проживания (ст. 5).

Таблица – Статистика рассмотрения судами дел о возвращении ребенка или об осуществлении в отношении ребенка прав доступа на основании международного договора Российской Федерации

Заключение	I полугодие 2020 ¹	2019 ²	2018 ³	2017 ⁴	2016 ⁵	2015	2014
Рассмотрено с вынесением решения / по заявлению прокурора	6/0	26/0	37/7	52/2	140/3	Нет данных	Нет данных
Удовлетворено	2	14	12	36	107	–	–
Отказано	4	12	25	16	33	–	–
Прекращено производством	4	4	8	12	35	–	–

¹ Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5461>.

² Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5258>.

³ Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4891>.

⁴ Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4476>.

⁵ Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3832>.

обратиться в Центральный орган по месту постоянного проживания ребенка либо другого государства-участника (в Российской Федерации – Министерство просвещения Российской Федерации) для решения вопроса о возвращении ребенка (ст. 8 Гагской конвенции 1980 года). Центральный орган вправе инициировать административные процедуры и судопроизводство, разъясняет возможность урегулирования спора путем медиации.

В то же время лицо или организация, которые считают нарушенными свои права опеки или доступа, вправе непосредственно обращаться в суды или административные органы государства-участника (ст. 29 Гагской конвенции 1980 года). Таким образом, обязательный досудебный порядок решения спора указанной Конвенцией не предусмотрен, приоритет какой-либо конкретной меры не закреплен.

На 2019 год из 101 страны-участника Гагской конвенции 1980 года 69 государств признали Российскую Федерацию в качестве участника (в том числе Республика Армения, Республика Беларусь, Эстонская Республика, Республика Казахстан, Латвийская Республика, Республика Молдова, Украина, Республика Узбекистан)². Таким образом, родители – граждане указанных государств – вправе прибегнуть к установленным Гагской конвенцией 1980 года мерам для разрешения возникающих споров в отношении не достигшего возраста 16 лет ребенка.

В соответствии с законодательством Российской Федерации представляется возможной ситуация направления заявления родителя, иного лица о нарушении его прав в отношении несовершеннолетнего ребенка в органы прокуратуры.

Федеральный закон от 05.05.2014 № 126-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с присоединением Российской Федерации к Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей» [4] в ст. 4 дополнил Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – ГПК РФ) [5] главой 22.2, которая определяет порядок производства по делам указанной категории.

В части 2 ст. 244.11 ГПК РФ определены компетентные суды в соответствующих федеральных округах Российской Федерации, которые вправе рассматривать указанные заявления с учетом места пребывания несовершеннолетнего. В соответствии с ч. 3 ст. 244.11 ГПК РФ, если место пребывания ребенка на территории Российской Федерации неизвестно, заявление подается в суд, предусмотренный ч. 2 ст. 244.11 ГПК РФ, по последнему известному месту пребывания ребенка в Российской Федерации или по последнему известному месту жительства ответчика в Российской Федерации.

ГПК РФ в ч. 1 ст. 244.11 называет лиц, которые вправе направить в суд заявление: родитель или иное лицо, полагающее, что ответчиком нарушены его права опеки или права доступа, прокурор. Какого-либо исключения из этого общего правила ГПК РФ не устанавливает. Следовательно, в связи с обращением к прокурору лица, наделенного соответствующим правом, и при наличии оснований прокурор вправе направить в суд указанное заявление.

Важная задача участвующего в гражданском судопроизводстве прокурора – изучить решение суда и установить его соответствие требованию законности и обоснованности, а при наличии оснований в установленные сроки принести апелляционное представление.

Прокурор участвует в рассмотрении дела по заявлению о возвращении ребенка или об осу-

² Официальный сайт Гагской конференции по международному частному праву. URL: <https://www.hcch.net/en/instruments/conventions/status-table/acceptances/?mid=1112> (дата обращения: 25.01.2021).

ществлении в отношении него прав доступа для выступления с заключением (ч. 1 ст. 244.15 ГПК РФ). Следовательно, территориальным прокурорам по месту нахождения компетентного суда необходимо учитывать возможность участия в деле для дачи заключения. Необходимо уточнить, что в случае обращения в суд с заявлением прокурор не дает заключения по делу, а выступает в прениях, совмещение двух форм участия в деле невозможно. Участие же специализированных прокуратур в рассмотрении судами дел изучаемой категории представляется невозможным в связи с их компетенцией.

По сведениям Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, судами в Российской Федерации рассматривались исследуемые дела, в том числе по обращению в суд прокурора.

Таким образом, за период с 2014 года по первое полугодие 2020 года прокурор направил в суд 12 заявлений, вступил в 247 дел рассматриваемой категории для дачи заключения (см. таблицу).

В связи с этим уместно отметить, что в случае поступления заявления о нарушении прав лица в отношении ребенка в орган прокуратуры должно быть принято решение о необходимых мерах. Следовательно, для оценки доводов заявления, принятия решения о необходимых внесудебных мерах, а также в случае участия в рассмотрении дела прокурору важно обладать необходимыми знаниями (в том числе ориентироваться в подлежащих применению международных правовых актах).

Как показала судебная практика, необходимо обращать внимание на такие юридически значимые обстоятельства, как:

- находится ли ребенок на территории страны,
- обладает ли лицо, обратившееся в суд, правами опеки в соответствии с законодательством государства, в котором ребенок постоянно проживал до его перемещения или удержания, и осуществляло ли эти права,
- отвечает ли государство, из которого ребенок был перемещен, критериям его постоянного места проживания (некоторые характерные признаки перечислены в определении Верховного Суда Российской Федерации от 26.02.2019 № 5-КГ18-325),
- фактические обстоятельства приезда ребенка в Российскую Федерацию,
- получено ли согласие другого родителя на переезд ребенка, на какой срок оно было дано,
- конкретная дата переезда ребенка и период, прошедший с момента перемещения ребенка до подачи заявления о возвращении ребенка в суд,
- доводы ответчика против возвращения ребенка по основаниям, предусмотренным статьями 12, 13 и 20 Гаагской конвенции 1980 года,
- мнение детей по вопросу возвращения в государство постоянного проживания [6]³.

³ Обзор практики рассмотрения судами дел о возвращении ребенка на основании Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей от 25 октября 1980 года (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 18.12.2019).

Так, согласно ст. 244.13 ГПК РФ, в необходимых случаях наряду с иными мерами по обеспечению иска в соответствии с главой 13 ГПК РФ суд вправе запретить ответчику до вступления в законную силу решения изменять место пребывания ребенка и временно ограничить его выезд из Российской Федерации. Судами принимались обеспечительные меры в виде запрета ответчику до вступления в законную силу решения суда по делу о возвращении ребенка изменять место пребывания ребенка, а также в виде временного ограничения выезда ребенка из Российской Федерации [6]⁴. Участвующий в рассмотрении дела прокурор вправе как инициировать рассмотрение судом указанного вопроса, так и дать оценку подобного рода действиям стороны.

Заслуживает внимания требование о том, что, если ребенок незаконно перевезен или удерживается и на момент начала процедур в суде со дня незаконного перемещения или удержания ребенка прошло менее одного года, суд обязан принять решение о немедленном возвращении ребенка. Даже в том случае, когда процедуры начались по истечении срока в один год, суд также обяжет вернуть ребенка, если только не будет доказано, что ребенок адаптировался в новой среде (ст. 12 Гаагской конвенции 1980 года). В этом случае подлежат исследованию сведения о социальных условиях проживания ребенка, предоставленные Центральным органом или другим компетентным органом государства постоянного проживания ребенка.

Положения ст. 12 Конвенции не являются исключительными, суд при наличии обстоятельств, указанных в ст. 20 Гаагской конвенции 1980 года, не должен обязывать лицо вернуть ребенка.

В абзаце втором ст. 13 Гаагской конвенции 1980 года предусмотрено основание для отказа в требовании о возвращении ребенка в государство его постоянного обычного проживания – возражение ребенка, имеющего такие возраст и степень зрелости, при которых надлежит учесть его мнение. В связи с этим отметим, что такие же правила содержатся и в нормах Семейного кодекса Российской Федерации [7] (далее – СК РФ).

Формирующаяся практика рассмотрения судами дел изучаемой категории свидетельствует о наличии сложностей при определении обстоятельств, подлежащих установлению, вследствие чего решения не вполне соответствуют критериям законности и обоснованности.

Приведем пример решения суда. Решением районного суда Ростова-на-Дону искивые требования Т. Д. – отца ребенка удовлетворены. На мать возложена обязанность передать ребенка отцу для возвращения его в место постоянного проживания. Несовершеннолетняя гражданка Австралии и Российской Федерации, уроженка Королевства Таиланд. Д. совместно с родителями постоянно проживала в Гонконге, но мать переместила ее сначала в Таиланд, затем в Российскую Федерацию.

⁴ Там же.

Характеризуя перемещение как незаконное, истец указал, что отсутствуют контакты с ребенком, точное место нахождения дочери ему неизвестно.

Суд апелляционной инстанции не выявил оснований изменения или отмены решения. Представитель ответчика подал кассационную жалобу.

Разрешая спор, суд первой инстанции исходил из того, что факт незаконного переезда несовершеннолетней на территорию Российской Федерации установлен. В соответствии с решением судов в Гонконге местом обычного проживания несовершеннолетней Д. является Гонконг, установлена совместная опека над несовершеннолетней. Суд в Таиланде запретил вывозить ребенка из Таиланда, за исключением возвращения ребенка в страну ее обычного проживания – Гонконг.

Суд апелляционной инстанции согласился с судом первой инстанции.

Однако кассационный суд установил, что нижестоящими судами не приняты во внимание абзац 2 ст. 12, пункт б ст. 13 Гаагской конвенции 1980 г. Материалы дела не содержат сведений об исключительных обстоятельствах, в силу которых возможна разлука несовершеннолетней со своей матерью в нарушение сложившихся отношений ребенка и матери. Истец подтвердил, что мать ребенка получит первоначально туристическую визу (без права работы), тем самым дальнейшее проживание в Гонконге будет поставлено в исключительную зависимость от воли истца и позиции миграционных властей. Не учтены интересы ребенка, его возраст, периоды нахождения на территории Российской Федерации, вероятность последствий, которые могут возникнуть при немедленном возвращении ребенка в Гонконг, социальное и семейное окружение, отношение к новому месту жительства. Судами не дана оценка сложившейся пандемии коронавирусной инфекции, представляющей существенную опасность для ребенка. Не устанавливалось наличие либо отсутствие обстоятельств, которые могут представлять угрозу получения физического или психологического вреда, иным образом поставит ребенка в нетерпимые условия проживания, которые не будут соответствовать его интересам.

Мнение ребенка по существу спора не выяснялось.

Допущенные нарушения повлияли на исход дела, решение не обосновано. Акты судов отменены, дело направлено на новое рассмотрение в суд первой инстанции (определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции № 8г-21768/2020 от 27.10.2020 по делу № 88-24971/2020). Прокурор участвовал в рассмотрении указанного дела судом в форме дачи заключения, в связи с чем должен был принять меры к вынесению законного и обоснованного решения.

Представляется интересным уделить внимание также актам судов по делу, которое рассматривалось не только судами Российской Федерации, но и Европейским Судом по правам человека.

Суд в Финляндии установил совместную опеку родителей, а место жительства ребенка было определено с отцом по его месту жительства в Финляндии. В 2015 г. ответчик с ребенком без согласия истца приехал в Санкт-Петербург. Решением районного суда Санкт-Петербурга требования отца несовершеннолетней удовлетворены, мать ребенка обязана вернуть ее отцу в страну ее обычного проживания – Финляндию.

Судебная коллегия, изучив доводы апелляционной жалобы ответчика, не согласилась с решением суда первой инстанции, посчитала, что обстоятельство переезда ребенка – гражданина Российской Федерации на территорию Российской Федерации не нарушают родительских прав истца. Ребенок достиг значительной степени интеграции в социальную и семейную среду в Российской Федерации.

Судебная коллегия приняла во внимание и такие существенные для дела обстоятельства, как отсутствие разрешения на пребывание ребенка на территории Финляндии как на момент переезда ребенка в Российскую Федерацию, так и в настоящее время.

Согласно заключению Уполномоченного по правам ребенка, перемещение ребенка к отцу в другое государство с учетом заболеваний ребенка нанесет ему вред.

Апелляционным определением Санкт-Петербургского городского суда от 03.02.2016 № 33-2893/2016 по делу № 2-282/15 в удовлетворении исковых требований о возвращении ребенка в государство постоянного проживания отказано.

В последующем заявитель подавал жалобы на указанное решение, однако судья Санкт-Петербургского городского суда отказал в передаче дела на рассмотрение Президиума указанного суда; судья Верховного Суда Российской Федерации отказал в передаче дела на рассмотрение в Судебную коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации.

Европейский Суд по правам человека в Постановлении от 18.06.2019 «Дело “Владимир Ушаков (Vladimir Ushakov) против Российской Федерации”» (жалоба № 15122/17) [8] не поддержал выводы Санкт-Петербургского городского суда по указанному делу. Суд в Российской Федерации должен принять мотивированное решение, указать причины принятия соответствующего решения. Европейский Суд отметил, что отказ Санкт-Петербургского городского суда признать Финляндию местом обычного проживания ребенка не соотносится с обстоятельствами дела. Вывод о том, что перемещение ребенка в Российскую Федерацию и его нахождение на территории Российской Федерации не были незаконными в связи с тем, что решение суда в Финляндии об определении места жительства ребенка еще не вступило в законную силу на момент переезда матери и дочери в Российскую Федерацию, противоречит смыслу ст. 3 Гаагской конвенции 1980 года. Переезд ребенка в Российскую Фе-

дерацию и проживание в стране осуществлены без согласия заявителя. Таким образом, перемещение из Финляндии, где девочка обычно проживала перед своим переездом, было незаконным.

Европейский Суд отметил, что мать девочки не обосновала угрозу серьезного риска, физического или психологического вреда, а также невыносимых условий в случае переезда в Финляндию. Матерью ребенка не доказано наличие заболеваний, требующих лечения именно в Российской Федерации.

Европейский Суд сделал вывод, что дело не было надлежащим образом рассмотрено, решение не отвечает требованию обоснованности, имело место нарушение требований ст. 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Рассмотренное решение заслуживает внимания, показывая обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела. Судебные акты не содержат упоминания о прокуроре, однако в соответствии с законодательством прокурор должен участвовать в рассмотрении указанного дела судом. Поэтому обозначенные Европейским Судом проблемы важны не только для суда, но и прокуроров, участвующих в рассмотрении дел, которые наделены достаточными полномочиями для инициирования решения тех или иных вопросов судом, справе заявить ходатайство, задать вопросы и пр. Для обеспечения активного участия в судебном разбирательстве прокурору в первую очередь важно ориентироваться в положениях Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей 1980 года. Следовательно, необ-

ходимы и методические рекомендации для прокуроров.

Результаты

Таким образом, рассмотренная категория дел отличается существенными особенностями материального и процессуального характера, которым не уделялось достаточного внимания в научных и методических работах. Участвующему в судопроизводстве прокурору необходимо не только максимально подробно изучать материалы дела, но и проявлять активность в судебном разбирательстве, принимать меры к установлению всех необходимых обстоятельств. Аналогичным образом должны приниматься меры к установлению и подтверждению всех обстоятельств в случае обращения прокурора в суд с заявлением в защиту прав законного представителя ребенка.

Выводы

Результаты обобщения судебной практики разрешения судами споров о возвращении ребенка или об осуществлении в отношении несовершеннолетнего прав доступа на основании международного договора Российской Федерации показывают нарушения, допускаемые при рассмотрении дела, в том числе прокурорами. В связи с этим при подготовке, повышении квалификации и переподготовке прокурорских работников важно уделять особое внимание положениям Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей 1980 года и практике ее применения.

Библиографический список

1. Конвенция о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей (Заключена в г. Гааге 25.10.1980) // СЗ РФ. 2011. № 51. Ст. 7452. URL: <https://www.szrf.ru/szrf/doc.php?nb=100&issid=1002011051000&docid=104>; <https://docs.cntd.ru/document/1902309>.
2. Федеральный закон от 31.05.2011 № 102-ФЗ «О присоединении Российской Федерации к Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей» // СЗ РФ. 2011. № 23. Ст. 3242. URL: <https://www.szrf.ru/szrf/doc.php?nb=100&issid=1002011023000&docid=3>.
3. Федеральный закон от 05.05.2014 № 126-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с присоединением Российской Федерации к Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей» // СЗ РФ. 2014. № 19. Ст. 2331. URL: <https://www.szrf.ru/szrf/doc.php?nb=100&issid=1002014019000&docid=43>.
4. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 г. № 138-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532. URL: <https://www.szrf.ru/szrf/doc.php?nb=100&issid=1002002046000&docid=103>.
5. Справка по результатам обобщения практики рассмотрения судами Пермского края трансграничных споров, затрагивающих интересы несовершеннолетних детей, за период 2016–2018 гг. (утверждена на заседании президиума Пермского краевого суда 29.03.2019). Доступ из СПС КонсультантПлюс. URL: http://oblsud.perm.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=754.
6. Обзор практики рассмотрения судами дел о возвращении ребенка на основании Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей от 25 октября 1980 года (утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 18.12.2019). Доступ из СПС КонсультантПлюс. URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/all/28606/>; http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_340710.
7. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16. URL: <https://www.szrf.ru/szrf/doc.php?nb=100&issid=1001996001000&docid=1879>.
8. Постановление от 18.06.2019 г. «Дело “Владимир Ушаков (Vladimir Ushakov) против Российской Федерации”» (жалоба № 15122/17) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. 2020. № 6. URL: <https://genproc.gov.ru/documents/espch/document-1848106/>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=44539881>.

References

1. *Konventsiya o grazhdansko-pravovykh aspektakh mezhdunarodnogo pokhishcheniya detei (Zaklyuchena v g. Gaage 25.10.1980)* [Convention on the Civil Aspects of International Child Abduction (Concluded in the Hague on 25.10.1980)]. *SZ RF* [Collected Legislation of the Russian Federation], 2011, no. 51, Article 7452. Available at: <https://www.szrf.ru/szrf/doc.php?nb=100&issid=1002011051000&docid=104>; <https://docs.cntd.ru/document/1902309> [in Russian].
2. *Federal'nyi zakon ot 31.05.2011 № 102-FZ «O prisoedinenii Rossiiskoi Federatsii k Konventsii o grazhdansko-pravovykh aspektakh mezhdunarodnogo pokhishcheniya detei»* [Federal Law as of 31.05.2011 № 102-FZ «On the accession of the Russian Federation to the Convention on the Civil Aspects of International Child Abduction»]. *SZ RF* [Collected Legislation of the Russian Federation], 2011, no. 23, Article 3242. Available at: <https://www.szrf.ru/szrf/doc.php?nb=100&issid=1002011023000&docid=3> [in Russian].
3. *Federal'nyi zakon ot 05.05.2014 № 126-FZ «O vnesenii izmenenii v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiiskoi Federatsii v svyazi s prisoedineniem Rossiiskoi Federatsii k Konventsii o grazhdansko-pravovykh aspektakh mezhdunarodnogo pokhishcheniya detei»* [Federal law as of 05.05.2014 № 126-FZ «On amendments being made to certain legislative acts of the Russian Federation in connection with the accession of the Russian Federation to the Convention on Civil Aspects of International Child Abduction»]. *SZ RF* [Collected Legislation of the Russian Federation], 2014, no. 19, Article 2331. Available at: <https://www.szrf.ru/szrf/doc.php?nb=100&issid=1002014019000&docid=43> [in Russian].
4. *Grazhdanskiy protsessual'nyi kodeks Rossiiskoi Federatsii ot 14.11.2002 g. № 138-FZ* [Civil Procedure Code of the Russian Federation as of 14.11.2002 № 138-FZ]. *SZ RF* [Collected Legislation of the Russian Federation], 2002, no. 46, Article 4532. Available at: <https://www.szrf.ru/szrf/doc.php?nb=100&issid=1002002046000&docid=103>. [in Russian].
5. *Spravka po rezul'tatam obobshcheniya praktiki rassmotreniya sudami Permskogo kraja transgranichnykh sporov, zatragivayushchikh interesy nesovershennoletnikh detei, za period 2016–2018 gg. (utverzhdena na zasedanii prezidiuma Permskogo kraevogo suda 29.03.2019)* [Information on the results of summarizing the practice of consideration by the courts of the Perm Territory of cross-border disputes affecting the interests of minors, for the period 2016–2018 (approved at the meeting of the Presidium of the Perm Regional Court on 29.03.2019)]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus». Available at: http://oblsud.perm.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=754 [in Russian].
6. *Obzor praktiki rassmotreniya sudami del o vozvrashchenii rebenka na osnovanii Konventsii o grazhdansko-pravovykh aspektakh mezhdunarodnogo pokhishcheniya detei ot 25 oktyabrya 1980 goda (utverzhden Prezidiumom Verkhovnogo Suda Rossiiskoi Federatsii 18.12.2019)* [Review of the practice of court consideration of cases on the return of a child on the basis of the Convention on the Civil Aspects of International Abduction of Children as of October 25, 1980 (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on 18.12.2019)]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus». Available at: <https://www.vsrp.ru/documents/all/28606/>; http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_340710 [in Russian].
7. *Semeinyi kodeks Rossiiskoi Federatsii ot 29.12.1995 № 223-FZ* [Family Code of the Russian Federation as of 29.12.1995 № 223-FZ]. *SZ RF* [Collected Legislation of the Russian Federation], 1996, no. 1, Article 16. Available at: <https://www.szrf.ru/szrf/doc.php?nb=100&issid=1001996001000&docid=1879> [in Russian].
8. *Postanovlenie ot 18.06.2019 g. «Delo “Vladimir Ushakov (Vladimir Ushakov) protiv Rossiiskoi Federatsii”» (zhaloba № 15122/17)* [Resolution as of 18.06.2019, «Case “Vladimir Ushakov v. Russian Federation” (complaint № 15122/17)». *Byulleten' Evropeiskogo Suda po pravam cheloveka. Rossiiskoe izdanie* [Bulletin of the European Court of Human Rights. Russian edition], 2020, no. 6. Available at: <https://genproc.gov.ru/documents/espch/document-1848106/>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=44539881> [in Russian].

ТРИБУНА МОЛОДОГО УЧЕНОГО TRIBUNE OF YOUNG SCIENTIST

DOI: 10.18287/2542-047X-2021-7-2-120-126

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343.195

Дата поступления: 11.04.2021
рецензирования: 14.05.2021
принятия: 25.05.2021

Особенности рассмотрения дел о домашнем насилии судом с участием присяжных заседателей: проблемы и перспективы

З. М. Береза

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
г. Москва, Российская Федерация; Аппарат Уполномоченного Российской Федерации
при Европейском Суде по правам человека, г. Москва, Российская Федерация
E-mail: zberyozha@hse.ru, zlata_br96@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7614-388X>

Аннотация: В статье анализируется вопрос об оптимальном составе суда для разрешения уголовных дел о преступлениях, совершенных на семейно-бытовой почве, как способе обеспечения большей эффективности защиты жертв домашнего насилия и надлежащей правовой реакции на данное явление. Особое внимание уделено особенностям рассмотрения таких категорий дел коллегией присяжных заседателей. Автор предпринимает попытку проанализировать достоинства и недостатки данного вида судопроизводства в делах о домашнем насилии с учетом специфики самой процессуальной формы, а также особенностей преступлений, совершенных в домашней обстановке. Анализ осуществлялся через призму критериев беспристрастности суда, особенностей доказывания, а также инстанционного пересмотра итоговых судебных решений, вынесенных по таким делам. По его результатам сделан вывод, что, хотя особенности рассматриваемой процессуальной формы накладывают определенные ограничения на участников уголовного судопроизводства, разрешение дел о домашнем насилии коллегией присяжных заседателей, как альтернатива профессиональному судье, имеет несомненные преимущества, а также перспективы для наиболее широкого использования.

Ключевые слова: домашнее насилие; семейно-бытовое насилие; насилие в семье; суд присяжных; присяжные; беспристрастность; Европейский Суд по правам человека.

Цитирование. Береза З. М. Особенности рассмотрения дел о домашнем насилии судом с участием присяжных заседателей: проблемы и перспективы // Юридический вестник Самарского университета. 2021. Т. 7, № 2. С. 120–126. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2021-7-2-120-126>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Береза З. М., 2021

Злата Михайловна Береза – аспирант департамента систем судопроизводства и уголовного права, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 101000, Российская Федерация, г. Москва, ул. Мясницкая, 20; ведущий советник отдела рассмотрения жалоб по уголовно-правовым вопросам Аппарата Уполномоченного Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека – заместителя Министра юстиции Российской Федерации, 119991, Российская Федерация, г. Москва, ул. Житная, 14, стр. 1.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 11.04.2021
Revised: 14.05.2021
Accepted: 25.05.2021

Peculiarities of consideration of domestic violence cases by a jury: problems and perspectives

Z. M. Beryozha

National Research University «Higher School of Economics», Moscow, Russian Federation;
Office of the Representative of the Russian Federation at the European Court of Human Rights, Moscow, Russian Federation
E-mail: zberyozha@hse.ru, zlata_br96@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7614-388X>

Abstract: The article analyzes the question of the optimal composition of the court for resolving domestic violence cases as a means to ensure more effective protection of victims of family violence and an appropriate legal response to this phenomenon. Special attention is paid to the peculiarities of consideration of such cases by the jury. The author attempts to observe the advantages and disadvantages of this type of legal proceedings in domestic violence cases, taking into account the peculiarities of the procedural form itself, as well as the substantive legal characteristics of crimes committed in the domestic context. The analysis was conducted through the prism of the criteria of the court's impartiality, the specifics of evidentiary process and of the judicial review of the final judgments rendered in such cases. As a result, it was

concluded that, although the features of the procedural form in question impose certain restrictions on the participants in criminal proceedings, the consideration of domestic violence cases by a jury, as an alternative to a professional judge, has undoubted advantages and prospects for its more common use.

Key words: domestic violence; family violence; violence in the family; jury trial; jury; impartiality; European Court of Human Rights.

Citation. Beryoza Z. M. *Osobennosti rassmotreniya del o domashnem nasilii sudom s uchastiem prislyazhnykh zasedatelei: problemy i perspektivy* [Peculiarities of consideration of domestic violence cases by a jury: problems and perspectives]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2021, vol. 7, no. 2, pp. 120–126. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2021-7-2-120-126> [in Russian].

Information about the conflict of interests: author declares no conflict of interests.

© Beryoza Z. M., 2021

Zlata M. Beryoza – post-graduate student of the Department of Judicial Systems and Criminal Law, HSE University, 20, Myasnitskaya Street, Moscow, 101000, Russian Federation; leading adviser of the Criminal Matters Division of the Office of the Representative of the Russian Federation at the European Court of Human Rights – Deputy Minister of Justice of the Russian Federation, bldg. 1, 14, Zhitnaya Street, Moscow, 119991, Russian Federation.

Мировая статистика насильственных преступлений демонстрирует, что значительную часть в их общей доле составляют совершенные близкими людьми (домашнее насилие). Так, например, в Великобритании из 1 355 000 зарегистрированных в 2018 г. насильственных преступлений около 18 % составили те, что были совершены родственниками и партнерами жертвы [1]. В Италии примерно 27 % всех преступных посягательств на физическую неприкосновенность и 53 % совершаемых угроз жизни и здоровью относятся к категории насилия, совершенного членами семьи, партнерами, бывшими партнерами и иными лицами, знакомыми с жертвами до момента преступного посягательства [2]. В США, в 2018 г. более 20 % всех насильственных преступлений составили совершенные близкими лицами пострадавших [3]. Что касается российской статистики, установлено, что большинство тяжких насильственных преступлений (убийство, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью) чаще всего происходит в жилых помещениях или в непосредственной близости от жилья [4, с. 3], и значительная их часть совершается близкими лицами. Так, согласно официальной статистике ГИАЦ МВД России, в 2019 г. среди всех предварительно расследованных убийств в семейной сфере было совершено около 13 % от их общего количества [5].

До недавнего времени значительная часть уголовных дел, возбужденных по факту совершения тяжких преступлений против личности (в частности, предусмотренных частью 1 статьи 105 и частью 4 статьи 111 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), рассматривались только профессиональными судьями. Однако в 2016 г. в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) были внесены поправки [6], позволяющие в том числе рассматривать уголовные дела о неквалифицированных убийствах и умышленном причинении тяжкого вреда здоровью, повлекшим смерть (включая те, в которых обвиняемой является женщина [7]), судом с участием присяжных. Таким образом, коллегии присяжных заседателей, которые в соответствии с названными поправками были созданы на уровне районных судов, приобрели возможность рассматривать уголовные дела о некоторых кате-

гориях тяжких насильственных преступлений, совершенных на семейно-бытовой почве.

Проведенная реформа актуализировала вопрос, которым задаются многие коллеги, практикующие в зарубежных юрисдикциях, где доступна возможность рассмотрения уголовных дел о домашнем насилии разной степени тяжести не только профессиональным судьей, но и коллегией присяжных: каковы особенности рассмотрения дел о домашнем насилии судом с участием присяжных заседателей и является ли такой состав суда оптимальным для данной категории дел с точки зрения наилучшего обеспечения прав пострадавших от такого насилия? Общественный запрос на повышение уровня защищенности жертв насилия в семье, а также совершенствование форм правовой реакции на данное явление продиктован в том числе международно-правовыми обязательствами Российской Федерации, принятыми в соответствии с Конвенцией о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция) и другими международно-правовыми актами (например, Конвенцией ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин), предусматривающими не только прямой запрет на жестокое и унижающее достоинство обращение со стороны государственных агентов и частных лиц, а равно дискриминацию по гендерному признаку, но и позитивную обязанность государств по защите своих граждан от подобных посягательств. Так, в постановлении Европейского Суда по правам человека (далее – ЕСПЧ) по делу «Володина против России» [8], которое является первым и ведущим кейсом ЕСПЧ, вынесенным по данной проблематике, было подчеркнута неудовлетворительное состояние российского законодательства и правоприменительной практики в сфере защиты жертв домашнего насилия. Не вызывает сомнений, что совершенствование и обеспечение надлежащего доступа к механизмам судебной защиты, а также дружественного правосудия для пострадавших от насилия в семье позволит сделать существующие национальные гарантии обеспечения прав таких лиц более эффективными. В этой связи в настоящей работе мы предлагаем обратиться к российскому опыту рассмотрения судом с участием присяжных заседателей уголовных дел о семейно-

бытовых преступлениях с тем, чтобы определить особенности и оценить достоинства и недостатки их разрешения таким составом суда, а также сделать вывод о том, является ли данная форма судопроизводства более приспособленной для разрешения подобной категории уголовных дел по сравнению с ординарной процедурой их разрешения профессиональными судьями.

Прежде чем перейти к аналитической части настоящей работы, стоит заметить, что, говоря о делах о домашнем насилии, относящихся к категориям тяжких, мы подразумеваем две основные ситуации. Первая имеет место в случаях, когда в качестве обвиняемого по уголовному делу выступает лицо, являющееся агрессором, вторая – когда обвинение выдвинуто в отношении жертвы такого лица, причинившей тяжкий вред здоровью или смерть своему обидчику. Принимая во внимание отсутствие официальной виктимологической характеристики агрессоров и их жертв в подобных категориях дел, нельзя с определенностью сказать, какая из названных практических ситуаций встречается чаще. Однако вторая из указанных категорий привлекает больше общественного внимания и потому чаще освещается в средствах массовой информации. Вследствие этого к подобным примерам по тексту данной работы мы позволим себе обращаться несколько больше.

Итак, первое, на чем хотелось бы остановиться, это вопрос обеспечения беспристрастности суда при рассмотрении подобной категории дел. Его актуальность обусловлена спецификой проблемы домашнего насилия, вокруг которой существует множество мифов и стереотипов, в том числе о типичных поведенческих паттернах внутри семейного конфликта, которые могут привести к предвзятому отношению к его участникам. В частности, широко распространены суждения о том, что обстоятельства домашнего насилия являются частным делом конкретной семьи, об отсутствии необходимости государственного вмешательства в разрешении подобных конфликтов, о том, что жертвы насилия зачастую провоцируют своих обидчиков, о возможности жертв беспрепятственно покинуть семью, в которой над ними осуществляется насилие, о типичных поведенческих паттернах, свойственных жертве и ее обидчику [9, с. 35].

Несмотря на то что присяжные заседатели не являются профессиональными судьями и не имеют специальной подготовки, которая позволяла бы им оградить себя от возможного влияния собственных стереотипов и убеждений об обидчиках и жертвах домашнего насилия, представляется, что именно такой состав суда позволяет обеспечить большую беспристрастность при вынесении решения по сравнению с рассмотрением уголовного дела профессиональным судьей.

Так, во-первых, большая беспристрастность обеспечивается за счет самой идеи группового принятия решения. Как известно, влияние некоторых искажающих индивидуальные суждения

предубеждений после совещания присяжных значительно уменьшается. Обсуждение не только избавляет от таких искажений, но и переключает внимание присяжных с их собственных предубеждений на обстоятельства дела, а также ограничивает воздействие на присяжных недопустимых показаний [10]. Более того, стоит заметить, что личную предвзятость, даже при наличии должной профессиональной подготовленности, сложно преодолеть: так, при принятии индивидуального решения профессиональный судья может сознательно игнорировать свою профессиональную подготовку, делая выбор в пользу укоренившихся в его сознании стереотипов [9, с. 35]. При этом подобная ситуация гораздо менее вероятна при групповом механизме принятия решения.

Учитывая изложенное, разрешение уголовного дела коллегией с участием присяжных по таким категориям дел, на наш взгляд, является предпочтительным в подавляющем большинстве случаев. Исключение могут составлять лишь судебные процессы, которые вызывают широкий общественный резонанс, активно обсуждаются и освещаются в средствах массовой информации. При таких обстоятельствах оградить жюри присяжных от влияния общественности представляется гораздо более сложной задачей. Причем если во многих зарубежных странах имеются механизмы преодоления подобных проблем, к которым можно прибегать в исключительных случаях (например, секвестирование коллегии присяжных), то в российском праве такие меры не предусмотрены. Более того, принимая во внимание, что при обнаружении нарушений, связанных с ознакомлением присяжных с публикациями в прессе по рассматриваемому ими делу, в некоторых случаях могут потребоваться роспуск коллегии и новое судебное разбирательство (ч. 3 ст. 329 УПК РФ), а значит, дополнительные финансовые и временные затраты, можно предположить нежелание профессиональных судей обращать должное внимание на подобные нарушения. Показательным примером может служить одно из дел, недавно рассмотренных ЕСПЧ, инициированное по жалобе Н. Тихонова и Е. Хасис [11], которые жаловались на отсутствие беспристрастности судебного разбирательства, осуществляемого с участием присяжных заседателей, в связи с установленным фактом ознакомления присяжными заседателями с публикациями в прессе, касающимися рассматриваемого ими уголовного дела, а также неспособностью профессионального судьи, председательствующего в процессе, и вышестоящих инстанций исправить ситуацию. Данный пример отчасти свидетельствует о толерантности российской судебной системы к возможному влиянию общественного обсуждения рассматриваемого дела на способность присяжных заседателей сохранять беспристрастность при вынесении вердикта.

Кроме того, большая беспристрастность присяжных заседателей в делах о домашнем насилии обеспечивается за счет того, что присяжные оце-

нивают фактические обстоятельства дела «свежим взглядом», так как в отличие от профессионального судьи они не сталкиваются с подобными ситуациями на постоянной основе. Между тем профессиональный судья, особенно если он часто работает с подобными категориями дел, вследствие регулярного соприкосновения с описаниями сцен насилия и подробностями внутрисемейных конфликтов могут утратить способность к человеческому состраданию и следовать более формалистскому подходу при их разрешении [9, с. 22].

Отсюда следуют сразу два преимущества коллегии присяжных перед профессиональным судьей при рассмотрении дел о домашнем насилии. Во-первых, это отсутствие «ведомственной» заинтересованности в разрешении уголовного дела определенным образом. Ведь, как известно, сама идея участия народа в отправлении правосудия зародилась во многом из недоверия к системе государственных судов и профессиональных судей, которое в той или иной степени существует во всех национальных юрисдикциях и разрешается посредством разных механизмов, в том числе утверждением возможности рассмотрения уголовных дел с участием «народных судей». Применительно к делам о домашнем насилии подобная заинтересованность со стороны профессионального судьи с учетом российской специфики может выражаться и в поддержании «карательной инерции» уголовного следствия, которая, в частности, сводится к известной склонности российского судейского корпуса следовать позиции обвинения. Это, в свою очередь, приводит к печально известному доминированию обвинительных приговоров, постановленных профессиональными судьями. Участие граждан, не имеющих аффилированных интересов с судебной и правоохранительной системой, меняет статистику к лучшему, увеличивая количество оправдательных приговоров почти в 40 раз [12]. Присяжные строже подходят к оценке доказательств, юридическим аргументам, приводимым стороной обвинения, для них неочевидно преимущество показаний сотрудников правоохранительных органов перед лицами, не относящимися по сфере профессиональной принадлежности к органам публичной власти. Напротив, профессиональные судьи склонны больше доверять документам и вещественным доказательствам, чем свидетельским показаниям. С учетом специфики дел о домашнем насилии это может создавать известные сложности для пострадавших, так как подобные преступления совершаются за закрытыми дверями, в домашней обстановке, и характеризуются недостатком документально подтвержденных, а нередко и вообще каких-либо доказательств (кроме показаний самих участников), свидетельствующих во всей полноте о существовании и истории семейного конфликта. Нежелание профессиональных судей признавать наличие особенностей рассмотрения уголовных дел о преступлениях, совершенных в семье, которые требуют особой правовой реакции на них, находят свое отражение и в судебной

практике. Так, в значительном количестве судебных решений по делам данной категории судьи не оперируют терминами «домашнее насилие» или «насилие в семье», не обращаются к особенностям данного явления и не учитывают его влияние на психоэмоциональное состояние жертвы, а сами ситуации, следствием которых стало причинение вреда жизни и здоровью домашнему тирану, признаются возникшими «на почве личных неприязненных отношений» [13].

Показательным примером может служить судебный процесс по делу об убийстве А. Овчинниковой, которая погибла от рук своего супруга в результате эскалации длительного семейного конфликта, сопровождавшегося систематическим насилием по отношению к пострадавшей. Девушка неоднократно обращалась в полицию, в том числе с заявлением о преступлении в рамках ст. 119 УК РФ (угрозы убийством), однако уголовное дело было возбуждено только после ее смерти. Более того, профессиональный судья, рассматривающий уголовное дело, возбужденное в отношении супруга пострадавшей в рамках нескольких статей УК РФ, оправдал его по обвинениям в угрозах убийством за отсутствием состава преступления, обосновав это тем, что в отсутствие свидетелей инцидента, а также возможности допросить саму пострадавшую о ее субъективном восприятии высказанных угроз невозможно определить их реальность. Решение было поддержано судом апелляционной инстанции [14]. И хотя с юридической точки зрения оно может быть верным, нельзя не отметить, что оно противоречит здравому смыслу, так как, по сути, лишает возможности преследовать виновных лиц в уголовно-правовом порядке по статье об угрозах убийством после того, как высказанные угрозы были претворены в жизнь. Полагаем, что подобное решение является проявлением избыточного судебного формализма, и оно едва ли было бы возможным, если бы дело рассматривалось коллегией присяжных заседателей.

Таким образом, можно прийти к выводу, что с точки зрения критерия беспристрастности в российской судебной практике по рассматриваемым категориям дел предпочтение может быть отдано их разрешению с участием присяжных заседателей. Однако это не означает, что в таком случае не требуется принимать специальные меры предосторожности, в том числе заложенные в самой процедуре отбора жюри присяжных, а также сложившиеся в правоприменительной практике, при формировании коллегии и слушании ей уголовного дела.

Так, в частности, в делах о домашнем насилии есть особенности производства процедуры отбора присяжных (*voir dire*). Например, в США в подобной категории дел существуют специальные опросные листы, рекомендованные к использованию защитникам по делам, связанным с семейными конфликтами, вопросы, в которых предложения были адресованы потенциальным кандидатам в присяжные, позволяют исключить из их состава

лиц, переживших травматичный опыт домашнего насилия в качестве обидчика или жертвы, а также тех, кто по тем или иным причинам не сможет сохранять объективность при рассмотрении дел, связанных с насилием в семье [15].

Кроме того, в США одним из средств достижения цели развенчания мифов и стереотипов о домашнем насилии становится более активное использование стороной защиты доказательств, свидетельствующих об истории насилия и негативном влиянии на психологию и поведенческие особенности жертвы. Так, например, широкую распространенность в деятельности защитников обвиняемых жертв домашнего насилия получило использование доказательств, связанных с предполагаемым наличием у обороняющегося лица так называемого «синдрома избитой женщины» (*battered women's syndrome*) (далее – *BWS*) [16]. Исследователи полагают, что использование доказательств, свидетельствующих об истории насилия и его влиянии на психологическое состояние жертвы, а нередко и последствия в форме наличия соответствующих ментальных расстройств позволяют объяснить состояние «выученной беспомощности», благодаря которой жертвы не могут просто покинуть агрессора, нередкое нежелание обращаться в правоохранительные органы и в медицинские организации, циклический характер актов насилия, множественность попыток покинуть обидчика и нередкие возвращения после этого жертвы в семью, а также другие особенности, которые потенциально могут быть использованы для подрыва доверия к показаниям пострадавших от насилия, в особенности в глазах присяжных [17, с. 463]. Представляется, что привлечение таких специалистов позволит преодолеть возможные сформировавшиеся стереотипные установки в отношении участников семейного конфликта и проблемы домашнего насилия в целом, а также сделать итоговые решения, вынесенные по подобным делам, более справедливыми по отношению к жертвам насилия.

Между тем обеспечение большей беспристрастности при рассмотрении дел о домашнем насилии не является единственным критерием для определения оптимального состава суда. Разрешение таких уголовных дел с участием коллегии присяжных может быть затруднительно с точки зрения апеллирования к предшествующему опыту, истории насилия, без учета которой зачастую невозможно прийти к справедливому решению по делу, которое рассматривается в конкретном судебном процессе. Так, например, отсылки к предшествующему опыту насилия в семье в процессах с участием присяжных нежелательны, ввиду того что это может вызвать предубежденность присяжных по отношению к участникам процесса. По той же причине не допускается представление некоторых общих характеристик их поведения, например сведений о предыдущих судимостях, в том числе за насильственные преступления, что могло

бы дополнительно подтвердить показания пострадавшей о склонности ее обидчика к насильственным действиям.

Так, например, в ноябре 2018 г. Пермский краевой суд отменил приговор, постановленный на основании оправдательного вердикта коллегии присяжных заседателей, сославшись на то, что подсудимая, обвиняемая в причинении своему супругу тяжкого вреда здоровью, повлекшего смерть, нарушала порядок судопроизводства и благодаря этому повлияла на вердикт присяжных. В частности, подсудимая и ее защитник доводили до присяжных сведения, «сформировавшие предвзятое отношение к погибшему, а именно, что он конфликтивен, злоупотребляет спиртным, о наличии на его теле татуировок, что свидетельствует об отбывании им наказания в виде лишения свободы». В то же время сторона защиты старалась довести до присяжных сведения, характеризующие подсудимую с положительной стороны, «при этом подсудимая в присутствии присяжных заседателей, вызывая к себе жалость, неоднократно начинала плакать, чем эмоционально воздействовала на коллегия» [18].

Еще одно потенциальное ограничение использования суда присяжных в делах о домашнем насилии – это более стесненные возможности обвиняемых и их защитников для обжалования приговора, постановленного на основании вердикта присяжных заседателей. Так, в соответствии с положениями статей 389.15, 389.16 УПК РФ ограничены возможности сторон добиваться отмены приговоров, постановленных на основании вердикта присяжных ввиду «несоответствия выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам уголовного дела, установленных судом первой инстанции».

Таким образом, рассмотрение дел о домашнем насилии с участием присяжных заседателей, безусловно, имеет определенную специфику, в том числе с точки зрения механизмов обеспечения беспристрастности суда, процесса доказывания, процедуры обжалования итогового решения. В то же время, как представляется, такой состав суда имеет ряд существенных преимуществ перед рассмотрением дел профессиональным судьей. Вследствие этого, на наш взгляд, особенно важно дать обвиняемому возможность выбора надлежащего форума, которым он хотел быть заслушанным по его уголовному делу, и решение которого воспринималось бы им как справедливое. Таким форумом может стать суд с участием присяжных заседателей. В связи с изложенным увеличение количества дел о домашнем насилии, рассматриваемых таким составом суда, может способствовать более справедливому их разрешению, а также повышению уровня защищенности прав жертв насилия в части обеспечения их доступа к дружественному им правосудию и более эффективной реализации их права на судебную защиту.

Библиографический список

1. Crime in England & Wales, year ending December 2018 – Appendix tables. URL: <https://www.ons.gov.uk/peoplepopulationandcommunity/crimeandjustice/bulletins/crimeinenglandandwales/yearendingmarch2018> (дата обращения: 8 апреля 2021 г.).
2. Crime, victims, the perception of safety. URL: https://www.istat.it/it/files//2011/07/Sintesi_stampa_EN.pdf (дата обращения: 8 апреля 2021 г.).
3. Morgan, R.E., & Oudekerk, B.A. (2019). Criminal victimization, 2018. Bureau of Justice Statistics. URL: <https://www.bjs.gov/content/pub/pdf/cv18.pdf> (дата обращения: 8 апреля 2021 г.).
4. Титаев К. Д. Насильственная преступность в России: жертвы и преступления: аналитический обзор. Санкт-Петербург: Институт проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге, 2019. (Аналитические обзоры по проблемам правоприменения; вып. 2 (2019). 16 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41535994>; https://www.advgazeta.ru/upload/medialibrary/954/official_victimization_online.pdf.
5. Статистика ГИАЦ МВД России за 2019 г. Форма 493 КН.1, лист 79-81 // Тимошина Е. Так сколько жертв: 14 000 или... 250 (не тысяч)? Законопроект о семейно-бытовом насилии в контексте права и статистики. URL: <https://pravoslavie.ru/130389.html> (дата обращения: 8 апреля 2021 г.).
6. Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 190-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с расширением применения института присяжных заседателей» // Российская газета. 2016. 28 июня. URL: <https://rg.ru/2016/06/28/upk-dok.html>.
7. Постановление Конституционного Суда РФ от 25 февраля 2016 г. № 6-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 части третьей статьи 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки А. С. Лымарь» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2016. № 4. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201603010001>.
8. Постановление ЕСПЧ от 9 июля 2019 г. по делу «Володина против России» (*Volodina v. Russia*), жалоба № 41261/17. URL: <https://european-court-help.ru/delo-41261-17-volodina-protiv-rossii>.
9. Breger M. B. Introducing a Construct of the Jury into Family Violence Proceedings and Family Court Jurisprudence // Michigan Journal of Gender and Law. 2006. Vol. 13. Issue 1. P. 1–37. URL: <https://repository.law.umich.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1082&context=mjgl>.
10. Майерс, Д. Социальная психология / Дэвид Майерс; [пер. с англ. З. Замчук]. 7-е изд. Москва [и др.]: Питер, 2011. URL: http://vdushe.narod.ru/D._Majers_part1_.pdf (дата обращения: 29 марта 2021 г.)
11. Постановление ЕСПЧ от 16 февраля 2021 г. по делу «Тихонов и Хасис против России» (*Tikhonov and Khasis v. Russia*), жалобы № 12074/12 и 16442/12. URL: <https://prof-sommer.ru/tyxonov-y-xasys-protiv-rossyy/>.
12. Выжutowич В. Что может суд присяжных? Тема с социологом Екатериной Ходжаевой // Российская газета. 2019. 16 июля. URL: <https://rg.ru/2019/07/16/sociolog-nepolnota-rassledovaniia-vliiaet-na-verdikt-prisiazhnyh.html> (дата обращения: 6 апреля 2021 г.).
13. Апелляционное определение Московского городского суда от 7 августа 2015 г. по делу № 10-9630. URL: <https://mos-gorsud.ru/mgs/cases/docs/content/27a6530b-047f-4947-b11d-5cfd01d95553> (дата обращения: 6 апреля 2021 г.).
14. Приговор Верховного суда Чувашской Республики от 11 июля 2019 г. по делу № 2-07/2019. Доступен на официальном сайте Верховного суда Чувашской Республики. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/ISoSwrUWBN51>.
15. Hartley C.C., Ryan R. Trial Strategies in Domestic Violence Felonies. Published by the U.S. Department of Justice on 22 April 2002. URL: <https://www.ojp.gov/ncjrs/virtual-library/abstracts/trial-strategies-domestic-violence-felonies> (дата обращения: 29 марта 2021 г.)
16. Walker L.E. Battered Women: A Psychosociological Study of Domestic Violence. Harper & Row, 1979. 270 p.
17. Dressler J. Battered Women and Sleeping Abusers: Some Reflections // Ohio State Journal of Criminal Law. 2006. Vol. 3. P. 457–471. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=896789.
18. Начинала плакать, чем эмоционально воздействовала на коллегию». Домашнее насилие и суд присяжных на примере одного дела в Перми. URL: <https://zona.media/article/2019/12/02/jury-women> (дата обращения: 29 марта 2021 г.).

References

1. Crime in England & Wales, year ending December 2018 – Appendix tables. Available at: <https://www.ons.gov.uk/releases/crimeinenglandandwalesyearendingdecember2018> (accessed April 8, 2021).
2. Crime, victims, the perception of safety. Available at: https://www.istat.it/it/files//2011/07/Sintesi_stampa_EN.pdf (accessed April 8, 2021).
3. Morgan R.E. & Oudekerk B.A. (2019). Criminal victimization, 2018. Bureau of Justice Statistics. Available at: <https://www.bjs.gov/content/pub/pdf/cv18.pdf> (accessed April 8, 2021)
4. Titaev K. D. *Nasil'stvennaya prestupnost' v Rossii: zherty i prestupleniya: analiticheskii obzor* [Violent crime in Russia: victims and crimes: an analytical review]. Saint Petersburg: Institut problem pravoprimeniya pri Evropeiskom universitete v Sankt-Peterburge, 2019. (Analytical reviews on law enforcement issues; issue 2 (2019), 16 p. Available

at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41535994>; https://www.advgazeta.ru/upload/medialibrary/954/official_victimization_online.pdf [in Russian].

5. *Statistika GIATS MVD Rossii za 2019 g. Forma 493 KN, list* [Statistics of GIATS MVD of Russia for 2019. Form 493 KN]. In: *Timoshina E. Tak skolko zhertv: 14 000 ili... 250 (ne tysyach)? Zakonoproekt o semejno-bytovom nasilii v kontekste prava i statistiki* [Timoshina E. So how many victims: 14 000 or... 250 (not thousands)? Draft law on family and domestic violence]. Available at: <https://pravoslavie.ru/130389.html> (accessed April 8, 2021) [in Russian].

6. *Federal'nyi zakon ot 23 iyunya 2016 g. № 190-FZ «O vnesenii izmenenii v Uголовno-protsessual'nyi kodeks Rossiiskoi Federatsii v svyazi s rasshireniem primeneniya instituta prisvyaznykh zasedatelei»* [Federal Law dated 23 June, 2016 № 190-FZ «On Amending the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in Connection with the Expansion of the Application of the Institute of Jurors»]. *Rossiiskaya gazeta*, 2016, June 28. Available at: <https://rg.ru/2016/06/28/upk-dok.html>. [in Russian].

7. *Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 25 fevralya 2016 g. № 6-P «Po delu o proverke konstitutsionnosti punkta 1 chasti tret'ei stat'i 31 Uголовno-protsessual'nogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii v svyazi s zhaloboi grazhdanki A. S. Lyamar'»* [Judgment of the Constitutional Court of the Russian Federation as of February 25, 2016 № 6-P «With regard to case of checking the constitutionality of paragraph 1 of part three of Article 31 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen A. S. Lyamar'»]. *Vestnik Konstitutsionnogo Suda RF* [Bulletin of the Constitutional Court], 2016, no. 4. Available at: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201603010001> [in Russian].

8. *Postanovlenie ESPCh ot 9 iyulya 2019 g. po delu «Volodina protiv Rossii» (Volodina v. Russia), zhaloba № 41261/17* [Judgement of the European Court of Human Rights as of July 9, 2019 with regard to case *Volodina v. Russia*, application № 41261/17]. Available at: <https://european-court-help.ru/delo-41261-17-volodina-protiv-rossii/> [in Russian].

9. Breger M. B. Introducing a Construct of the Jury into Family Violence Proceedings and Family Court Jurisprudence. *Michigan Journal of Gender and Law*, 2006, volume 13, issue 1, pp. 1–37. Available at: <https://repository.law.umich.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1082&context=mjgl>.

10. Myers David. *Sotsial'naya psikhologiya [Tekst]. Devid Maiers; [per. s angl. Z. Zamchuk]. 7-e izd.* [Social Psychology. [translated from English by Z. Zamchuk]. 7th edition]. Moscow [et al.]: Piter, 2011. Available at: http://vdushe.narod.ru/D._Majers_part1_.pdf (accessed March 29, 2021) [in Russian].

11. *Postanovlenie ESPCh ot 16 fevralya 2021 g. po delu «Tikhonov i Khasis protiv Rossii» (Tikhonov and Khasis v. Russia), zhaloby № 12074/12 i 16442/12* [Judgement of the European Court of Human Rights as of February 16, 2021 with regard to case *Tikhonov and Khasis v. Russia*, applications nos. 12074/12 and 16442/12]. Available at: <https://prof-sommer.ru/tyxonov-y-xasys-protyv-rossyy> [in Russian].

12. Vyzhutovich V. *Chto mozhet sud prisvyaznykh? Tema s sotsiologom Ekaterinoi Khodzhaevoi* [What can a jury trial? An interview with sociologist Ekaterina Khodzhaeva]. *Rossiiskaya gazeta*, 2019, July 16. Available at: <https://rg.ru/2019/07/16/sociolog-nepolnota-rassledovaniia-vliiaet-na-verdikt-prisiaznykh.html> (accessed April 6, 2021) [in Russian].

13. *Apellyatsionnoe opredelenie Moskovskogo gorodskogo suda ot 7 avgusta 2015 g. po delu № 10-9630* [Appeal decision of the Moscow City Court as of August 7, 2015 with regard to case № 10-9630]. Available at: <https://mosgorsud.ru/mgs/cases/docs/content/27a6530b-047f-4947-b11d-5cfd01d95553> (accessed April 6, 2021) [in Russian].

14. *Prigovor Verkhovnogo suda Chuvashskoi Respubliki ot 11 iyulya 2019 g. po delu № 2-07/2019* [Judgment of the Supreme Court of the Chuvash Republic as of July 11, 2019 with regard to case № 2-07/2019]. Retrieved from the official website of the Supreme Court of the Chuvash Republic. Available at: <https://sudact.ru/regular/doc/ISoSwrUWBN51> [in Russian].

15. Hartley C. C., Ryan R. Trial Strategies in Domestic Violence Felonies. Published by the U.S. Department of Justice on 22 April 2002. Available at: <https://www.ojp.gov/ncjrs/virtual-library/abstracts/trial-strategies-domestic-violence-felonies> (accessed March 29, 2021).

16. Walker L. E. *Battered Women: A Psychosociological Study of Domestic Violence*. Harper & Row, 1979, 270 p.

17. Dressler J. Battered Women and Sleeping Abusers: Some Reflections. *Ohio State Journal of Criminal Law*, 2006, vol. 3, pp. 457–471. Available at: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=896789.

18. *Nachinala plakat', chem emotsional'no vozdeistvovala na kollegiyu». Domashnee nasilie i sud prisvyaznykh na primere odnogo dela v Permi* [She began to cry, which emotionally affected the jury. Domestic violence and jury trial: case study in Perm]. Available at: <https://zona.media/article/2019/12/02/jury-women> (accessed May 29, 2021) [in Russian].

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 342.84

Дата поступления: 17.04.2021
рецензирования: 20.05.2021
принятия: 25.05.2021

Особенности признания недействительности выборов при проведении дистанционного электронного голосования

И. Г. Ларин

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: Garik.larin@yandex.ru

Аннотация: В статье анализируются особенности и проблемы применения в избирательном процессе института дистанционного голосования в целом и проблема недействительности выборов, связанных с использованием данного института в частности. Раскрываются особенности реализации процедуры дистанционного электронного голосования на практике, а также выявляются такие связанные с использованием программно-аппаратных средств обеспечения проведения дистанционного голосования проблемы, как наличие пробелов в современном законодательстве в части регулирования недействительности выборов с применением соответствующих технологий, неопределенность в вопросах реализации юридической ответственности за правонарушения в данной сфере отношений. Делается вывод о недостатках существующего правового регулирования и определяются возможные пути решения выявленных проблем.

Ключевые слова: избирательное право; признание выборов недействительными; дистанционное электронное голосование; Конституция Российской Федерации.

Цитирование. Ларин И. Г. Особенности признания недействительности выборов при проведении дистанционного электронного голосования // Юридический вестник Самарского университета. 2021. Т. 7, № 2. С. 127–132. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2021-7-2-127-132>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Ларин И. Г., 2021

Игорь Григорьевич Ларин – аспирант третьего года обучения кафедры государственного и административного права, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 17.04.2021
Revised: 20.05.2021
Accepted: 25.05.2021

Problem of election validity in remote electronic voting

I. G. Larin

Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: Garik.larin@yandex.ru

Abstract: The article analyzes the features and problems of using the institution of remote voting in the electoral process in general and the problem of invalidation of elections associated with the use of this institution, in particular. The article reveals the features of the implementation of the remote electronic voting procedure in practice, and also reveals such problems associated with the use of software as the presence of gaps in modern legislation in terms of regulating the invalidity of the described elections, uncertainty in matters of violations in this area of electoral law. The article concludes about the shortcomings of the existing legal regulation and identifies possible solutions to the identified problems.

Key words: suffrage; invalidation of elections; remote electronic voting; Constitution of the Russian Federation.

Citation. Larin I. G. *Osobennosti priznaniya nedeistvitel'nosti vyborov pri provedenii distantsionnogo elektronogo golosovaniya* [Problem of election validity in remote electronic voting]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2021, vol. 7, no. 2, pp. 127–132. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2021-7-2-127-132> [in Russian].

Information about the conflict of interests: author declares no conflict of interests.

© Larin I. G., 2021

Igor G. Larin – third year of study postgraduate student of the Department of State and Administrative Law, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, Russian Federation.

Все большее применение в настоящее время находят электронные технологии в нашей жизни. По мнению А.А. Саурина [1], в нашей стране цифровизация уже глубоко внедрилась в избирательную систему, поскольку технический прогресс позволяет существенным образом усовершенствовать проведение выборов, будь то использование видеокамер для наблюдения за участками или использование системы ГАС «Выборы». Одним из таких инструментов технического прогресса на службе избирательной системы России является дистанционное электронное голосование. Данный институт обладает колоссальнейшим потенциалом для применения в ходе избирательных кампаний, поскольку позволяет существенным образом упростить избирательные процедуры и сделать выборы более прозрачными, а значит, законными. Однако в силу того, что институт дистанционного голосования относительно нов и используется, по большому счету, только в рамках экспериментов, к нему имеется большое количество вопросов.

Дистанционное электронное голосование обладает как существенными положительными чертами, так и существенными минусами, значение которых весьма велико, следствием чего является недопустимость идеализации данного института. При этом наличие проблем, связанных с применением данного института, признают большое число ученых-правоведов, например В. В. Полянский [2], а также юристов-практиков, например, член Центральной избирательной комиссии России Е. И. Колюшин [3].

Для того чтобы начать рассуждения о проблемах, связанных с институтом дистанционного электронного голосования, следует определить, что под данной дефиницией понимается. В соответствии с пунктом 62.1 статьи 3 Федерального закона от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» [4] под дистанционным электронным голосованием следует понимать голосование без использования бумажного бюллетеня с использованием специального программного обеспечения. Также законодатель ввел термин «электронный бюллетень», означающий бюллетень, который сформирован программно-техническими средствами в электронном виде и используемый в рамках электронного голосования.

Вышеуказанный термин схож с термином «электронное голосование», отличающееся лишь использованием технических средств, а не программного обеспечения.

Впервые в нашей стране дистанционное электронное голосование было проведено в 2019 году в Москве в рамках эксперимента внедрения института дистанционного голосования с помощью современных электронных технологий в рамках избирательной кампании по выборам в Мосгордуму [5].

В частности, в 2019 году на выборах в Мосгордуму общая явка составила 21,77 %. В то

же время на трех из 45 одномандатных округов, где избиратели в качестве эксперимента получили возможность голосовать дистанционно, явка составила 92,3 % [6], что свидетельствует об огромном потенциале применения данного института в целях как минимум повышения явки избирателей на выборы.

Именно после окончания вышеуказанного эксперимента был введен новый термин, характеризующий дистанционное электронное голосование, особенностью которого является проведение голосования без использования «классического» бумажного бюллетеня с применением особого программного обеспечения.

В частности, согласно положениям пункта 19 статьи 2 Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» [7], для подготовки и проведения общероссийского голосования в числе прочего может быть применено дистанционное электронное голосование (при наличии условий для его проведения).

Центризбирком Российской Федерации в своем Постановлении от 04.06.2020 № 251/1851-7 [8] определил, что дистанционное электронное голосование по вопросу одобрения изменений в Конституцию РФ [9] подлежит проведению на территории Нижегородской области и города Москвы. Данное решение было принято в условиях неблагоприятной санитарно-эпидемиологической обстановки, сложившейся из-за новой коронавирусной инфекции (COVID-19), в целях защиты жизни и здоровья граждан Российской Федерации и создания дополнительных условий для реализации ими своего права на участие в общероссийском голосовании.

Общероссийское голосование по вопросу внесения в Конституцию РФ изменений в целом прошло успешно, а, по данным Центризбиркома РФ [10], при использовании дистанционного электронного голосования явка граждан на «дистанционные электронные избирательные участки» составила более 91,5 %, что также является весьма достойным результатом.

Таким образом, получается, что дистанционное электронное голосование действительно может быть эффективным механизмом повышения явки избирателей, что особенно важно в целях минимизации абсентеизма.

Однако, не следует скептически относиться к такому гигантскому разрыву между явкой на «обычные» выборы и явкой на «дистанционные». В пользу точки зрения о том, что какой-либо «подвох» в таких высоких показателях отсутствует, выступает факт того, что для участия в дистанционном голосовании гражданин должен проявить собственную инициативу и подать соответствующее заявление, а само такое участие является альтернативой общепринятому. Если рассуждать в данном ключе, то получается, что из 100 % из-

бирателей, которые приняли волевое решение об участии в «дистанционном» формате выборов и сделали все необходимые для этого манипуляции, 92 % довели свои действия до конца, а 8 % по тем или иным причинам не смогли завершить начатую процедуру.

Но теоретически такой высокий процент явки может свидетельствовать об определенном давлении на граждан использовать данную форму выражения своей политической воли, поскольку следы гражданина в цифровом пространстве, включая то, как именно гражданин проголосовал, при нынешнем развитии технологий могут быть установлены, что может при негативном развитии событий даже обеспечить подконтрольность действий избирателей.

До тех пор пока избирательное законодательство не будет актуализировано и должным образом переработано, применение дистанционного электронного голосования может неконтролируемо отразиться на институте выборов в нашей стране, в том числе развитии различных «конспирологических» теорий, следствием чего может стать девальвация электоральных процедур.

Между «аналоговым» и «цифровым» голосованиями существует колоссальная разница, причем не только технологическая. Можно выдвинуть предположение, что дистанционное электронное голосование потребует изменения правовой и электоральной культуры граждан. Вследствие этого возникает необходимость во внесении изменений в действующее избирательное законодательство, которые бы обеспечивали соответствие уровня развития законодательства технологии дистанционного электронного голосования.

При «аналоговом» голосовании гражданин приходит на участок, проверяет наличие своего имени в избирательных списках, после чего член избирательной комиссии удостоверяет личность гражданина и выдает ему бюллетень для голосования, позволяющий гражданину сделать свой выбор и опустить бюллетень в ящик для голосования. После этого подсчет голосов и определение итогов голосования проводятся избирательными комиссиями, все подсчеты осуществляются вручную (кроме случаев использования КОИБов, но и там за правильностью подсчетов следят члены комиссии).

При «цифровом» голосовании в системе выражения воли избирателя появляется дополнительная «прослойка» в виде различного программного обеспечения, поскольку в соответствии с установленной процедурой избиратель обращается на специальный портал в сети Интернет и проходит процедуры идентификации и аутентификации. После прохождения данной процедуры избиратель перенаправляется на экранную форму для участия в голосовании, затем гражданин подтверждает свою личность.

После корректного ввода соответствующего кода голос избирателя трансформируется в анонимный, следствием чего является доступ изби-

рателя к бюллетеню. Выбрав нужный вариант в поле для голосования, гражданин нажимает кнопку «Проголосовать». На этом активные действия избирателя завершены, за ними следуют цифровая обработка голоса, оформление цифрового протокола об итогах голосования, затем данный протокол печатается и подписывается членами УИКа.

Таким образом, получается, что фактически вместо непосредственно гражданина выбор делает определенный цифровой образ такого гражданина, который впоследствии меняется на анонимный. По мнению судьи Конституционного Суда РФ Н. С. Бондаря [11], такой образ или т. н. «информационный портрет» гражданина должен отражать конституционно важные характеристики в рамках общественных, политических или социальных отношений, будь то обращение в органы публичной власти или участие в избирательных процедурах.

В этой связи возможно существование проблем, при которых голос гражданина на самом деле может ему не принадлежать, может быть украден третьими лицами для того, чтобы проголосовать «нужным» образом, а также что голос избирателя будет впоследствии отслежен и определен, что может негативным образом отразиться на гражданине.

Следовательно, для того, чтобы избежать возникновения таких проблем, необходимо обеспечить наличие у граждан юридических возможностей проверять анонимность собственного электронного голоса, уникальность его цифрового образа, наличие возможности проверять все действия с электронным голосом и мест, с которых осуществляются такие действия, дабы исключить возможность манипуляций с электронными голосами граждан кем-либо, кроме самого гражданина. В противном случае все вышеперечисленное будет нарушать один из ключевых избирательных принципов, заключающийся в тайне голосования.

Скепсис по поводу отсутствия влияния на принципы личного и тайного голосования и сохранения должного уровня общественного контроля, несмотря на определенные меры безопасности и цифровую идентификацию избирателя, выражает и профессор Е. В. Гриценко [12], полагающая, что прозрачность дистанционного электронного голосования остается весьма спорной, а при нынешнем уровне развития технологий и правового регулирования отследить, оставляет свой голос именно конкретно взятый гражданин и не оказывается ли на него в момент выражения своей политической воли давление извне, не представляется возможным.

Другой проблемой может стать отсутствие у избирателя, выбравшего дистанционный способ выражения своей политической воли на выборах, возможности участвовать в выборах, но не голосовать. Иными словами, гражданин, осуществив переход непосредственно к бюллетеню, имеет право лишь выбрать один из представленных вариантов для голосования. Таким образом, испортить бюллетень или поместить в урну пустой бюллетень у

него попросту не получится. Возможно, данное обстоятельство и не влияет серьезным образом на процедуру голосования, но может быть рассмотрено как понуждение гражданина проголосовать хоть каким-нибудь образом. В то же время избиратели на «аналоговых» участках имеют хоть и спорную, но все же возможность испортить бюллетень, что также требует анализа и дополнительного исследования при применении дистанционного голосования.

Следует отметить, что задействованное в процедуре дистанционного электронного голосования программное обеспечение имеет большое количество функций, поскольку, помимо вышеуказанных действий в отношении гражданина и его цифрового образа – голоса, программное обеспечение действует и как демонстратор и изготовитель бюллетеня, фиксирует голос избирателя и анонимизирует его, считает общее число голосов на таких выборах, а также в случае необходимости передает полученные сведения куда потребуется. Все эти, а также иные функции, связанные с программным обеспечением на дистанционном электронном голосовании необходимо обеспечить соответствующим правовым регулированием, которое бы зафиксировало порядок всех процессов и процедур, а также удостоверило действительность действий избирателя или других лиц, участвующих в избирательном процессе.

Немаловажным вопросом в контексте исследуемых особенностей дистанционного голосования выступает и вопрос о действительности или недействительности выборов, проходящих посредством дистанционного электронного голосования. Данный вопрос на сегодняшний момент является открытым, поскольку все регулирование признания выборов, результатов выборов, итогов голосования недействительными применимо лишь в отношении «аналогового» голосования.

Так, в соответствии с положениями пункта 9 статьи 70 Федерального закона № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав...» избирком соответствующего уровня должен признать выборы, референдум недействительными в случаях:

– если во время процедуры голосования или на этапе подсчета голосов было обнаружено определенное число нарушений и их количество мешает определению достоверных результатов волеизъявления электората;

– если судом или соответствующим избиркомом признаны недействительными итоги голосования по одномандатному округу на участках, списочное количество имеющих право голосовать жителей на которых превышает 1/4 от общего числа избирателей в таком округе;

– если судом принято соответствующее решение.

При этом остается открытым вопрос, каким образом будет вычисляться число нарушений в ходе голосования или подсчета голосов, а также что вообще будет считаться нарушением при

подсчете голосов избирателей программой. Если произойдет технический сбой в программе и все голоса граждан пропадут или перепутаются, будет ли это достаточным основанием для того, чтобы признать дистанционное голосование недействительным? Если появятся сомнения в достоверности определения воли избирателей, каким образом гражданин сможет проверить, верно ли посчитан его голос?

Несомненным положительным моментом использования процедуры дистанционного электронного голосования является отсутствие возможности осуществлять «вбросы» в ходе голосования гражданами. Но существует и обратная сторона медали, поскольку такую техническую возможность имеют программисты или члены избирательной комиссии, которые контролируют и обеспечивают функционирование программного обеспечения для дистанционного голосования.

Будет ли применение таких «цифровых вбросов» на практике являться основанием для признания итогов голосования или результатов выборов недействительными? Единственно возможным вариантом избежать наличия такого юридического пробела будет введение отдельных оснований для признания недействительными итогов голосования или результатов выборов, проходящих с применением дистанционного электронного голосования, позволяющих учесть степень влияния лиц, имеющих доступ к программному обеспечению и способных повлиять на определение волеизъявления граждан.

Также неясно, кто будет нести ответственность за технические сбои в ходе дистанционного голосования, ведь в таком случае избиратели будут просто лишены возможности выразить свою политическую волю. Законодатель предусмотрел наличие ответственности за помехи избирательным комиссиям при проведении голосования, однако в данном случае также неясно, кто будет нести ответственность, например, в случае технического сбоя в программе.

Кроме того, до конца неясны полномочия членов избирательных комиссий при проведении дистанционного электронного голосования, поскольку оно практически полностью зависит не от людей, а от программ. В частности, у комиссий нет необходимости уточнять избирательные списки, считать голоса граждан, а также совершать иные действия, присущие «аналоговому» голосованию. Не приведет ли это к сокращению численности членов избиркомов или вообще к постепенной ликвидации данных институтов, поскольку все электоральные действия будут производиться в программе?

Потенциально возможно возникновение ситуации, при которой один гражданин может создать несколько своих виртуальных версий или несколько раз использовать свой виртуальный образ, чтобы противоправно повлиять на итоги голосования. Данный вид нарушений необходимо исключить, например, с помощью различных программно-

технических решений, не позволяющих голосовать одному гражданину более одного раза, а также идентифицировать избирателя таким образом, чтобы исключить возможность наличия у него «цифровых клонов».

Помимо прочего, на законодательном уровне потребуется определить – кто будет наделен правами по контролю за проведением дистанционного голосования? В настоящий момент его контролируют лишь организаторы, в число которых входят программисты и члены избиркомов, ведь только они имеют доступ к данным избирателей и результатам их волеизъявления. Граждане не могут проверить, правильно ли был определен и занесен в базу данных их голос. В таком случае не может полноценно функционировать институт наблюдателей на выборах, поскольку без определенного образования и квалификации суть происходящего на «аналоговом» голосовании понять можно, но следить за работой компьютерных программ, кодов, шифров вряд ли представляется возможным. В этой связи возможным вариантом решения данной проблемы видится предоставление избирателям, наблюдателям, представителям избирательных объединений «видеть» ход голосования и процедуру подсчета

голосов, однако осуществить это необходимо с соблюдением принципа тайны голосования.

Именно сейчас, как полагает В. Д. Зорькин [13], формируется новая сфера общественных отношений, тесно связанная с цифровизацией, которая будет включать в себя ранее не существовавшие цифровые права, под которыми следует понимать в том числе и право на конфиденциальность, анонимность или обезличенность в цифровом мире, использование компьютеров и иных электронных устройств, а также цифровых сетей.

Важность цифровых прав также подчеркивает и С. А. Авакьян, считающий, что технологический прогресс приводит к созданию новых виртуальных сфер массового объединения людей, которые в дальнейшем будут оказывать влияние на общественные и политические процессы, включая выборы властных органов [14].

Учитывая изложенное, перед законодателем стоит трудная и важная задача по обновлению и актуализации правового регулирования, связанного с реализацией конституционных прав граждан, по конкретизации вопросов ответственности, устранению пробелов и коллизий в рамках дистанционного электронного голосования.

Библиографический список

1. Саурин А. А. Цифровизация как фактор трансформации права // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 8. С. 26–31. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=39243211>.
2. Regcomment.ru. URL: <http://regcomment.ru/analytics/elektronnoe-golosovanie-na-vyborah-v-mosgordumu-rochemu-eksperiment-neobhodim/> (дата обращения 16.04.2021).
3. Колюшин Е. И. Правовые проблемы дистанционного электронного голосования избирателей // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 2. С. 25–30. DOI: <http://doi.org/10.18572/1812-3767-2020-2-25-30>.
4. Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 24. Ст. 2253. URL: <https://www.szrf.ru/szrf/doc.php?nb=100&issid=1002002024000&docid=66>.
5. Босова Е. Н., Реут Д. А. Дистанционное электронное голосование: поиск законодательного оформления // Правоприменение. 2019. Т. 3, № 3. С. 53–62. DOI: [http://doi.org/10.24147/2542-1514.2019.3\(3\).53-62](http://doi.org/10.24147/2542-1514.2019.3(3).53-62)
6. TASS. URL: <https://tass.ru/moskva/6890469> (дата обращения 16.04.2021).
7. Закон Российской Федерации о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 11. Ст. 1416. URL: <https://www.szrf.ru/szrf/doc.php?nb=100&issid=1002020011000&docid=1>.
8. Постановление ЦИК России от 04.06.2020 № 251/1851-7 «О перечне субъектов Российской Федерации, в которых на общероссийском голосовании по вопросу одобрения изменений в Конституцию Российской Федерации проводится дистанционное электронное голосование» // Вестник ЦИК России. 2020. № 5. URL: https://rulaws.ru/acts/Postanovlenie-TSIK-Rossii-ot-04.06.2020-N-251_1851-7.
9. Конституция Российской Федерации // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 31. Ст. 4398. URL: <https://www.szrf.ru/szrf/doc.php?nb=100&issid=1002014031000&docid=1>.
10. www.cikrf.ru. URL: <http://www.cikrf.ru/analog/constitution-voting/participants/distantionnoe-elektronnoe-golosovanie/#hidden1> (дата обращения 16.04.2021).
11. Бондарь Н. С. Информационно-цифровое пространство в конституционном измерении: из практики Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал российского права. 2019. № 11. С. 25–42. DOI: <http://doi.org/10.12737/jrl.2019.11.2>.
12. Гриценко Е. В. Обеспечение основных гарантий избирательных прав в условиях информатизации избирательного процесса // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 5. С. 41–49. DOI: <http://doi.org/10.18572/1812-3767-2020-5-41-49>
13. Зорькин В. Д. Право в цифровом мире // Российская газета – Столичный выпуск. № 7578 (115). 2018. 29 мая.

14. Авакьян С.А. Модернизация публично-политических отношений и конституционное реформирование: проблемы и перспективы // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 9. С. 3–6. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=39420358>.

References

1. Saurin A. A. *Tsifrovizatsiya kak faktor transformatsii prava* [Digitization as a law transforming factor]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo* [Constitutional and Municipal Law], 2019, no. 8, pp. 26–31. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=39243211> [in Russian].
2. Regcomment.ru. Available at: <http://regcomment.ru/analytics/elektronnoe-golosovanie-na-vyborah-v-mosgordumu-pochemu-eksperiment-neobhodim/> (accessed 16.04.2021) [in Russian].
3. Kolyushin E. I. *Pravovye problemy distantsionnogo elektronnoho golosovaniya izbiratelei* [Legal issues of remote electronic voting]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo* [Constitutional and Municipal Law], 2020, no 2, pp. 25–30. DOI: <https://doi.org/10.18572/1812-3767-2020-2-25-30> [in Russian].
4. *Federal'nyi zakon ot 12.06.2002 № 67-FZ «Ob osnovnykh garantiyakh izbiratel'nykh prav i prava na uchastie v referendume grazhdan Rossiiskoi Federatsii»* [Federal law dated 12.06.2002 № 67-FZ «On the main guarantees of electoral rights and the right to participate in a referendum of citizens of the Russian Federation»]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Collected Legislation of the Russian Federation], 17.02.2002, no. 24, Article 2253. Available at: <https://www.szrf.ru/szrf/doc.php?nb=100&issid=1002002024000&docid=66> [in Russian].
5. Bosova E. N., Reut D. A. *Distantsionnoe elektronnoho golosovanie: poisk zakonodatel'nogo oformleniya* [Remote electronic voting: search for legislative formalization]. *Pravoprimenenie* [Law Enforcement Review], 2019, vol. 3, no. 3, pp. 53–62. DOI: [http://doi.org/10.24147/2542-1514.2019.3\(3\).53-62](http://doi.org/10.24147/2542-1514.2019.3(3).53-62) [in Russian].
6. TASS. Available at: <https://tass.ru/moskva/6890469> (accessed 16.04.2021) [in Russian].
7. *Zakon Rossiiskoi Federatsii o popravke k Konstitutsii RF ot 14.03.2020 № 1-FKZ «O sovershenstvovanii regulirovaniya otdel'nykh voprosov organizatsii i funktsionirovaniya publichnoi vlasti»* [Law of the Russian Federation on an amendment to the Constitution of the Russian Federation dated 14.03.2020 № 1-FKZ «On improving the regulation of certain issues of the organization and functioning of public authorities»]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Collected Legislation of the Russian Federation], 16.03.2020, no. 11, Article 1416. Available at: <https://www.szrf.ru/szrf/doc.php?nb=100&issid=1002020011000&docid=1> [in Russian].
8. *Postanovlenie TsIK Rossii ot 04.06.2020 № 251/1851-7 «O perechne sub'ektov Rossiiskoi Federatsii, v kotorykh na obshcherossiiskom golosovanii po voprosu odobreniya izmenenii v Konstitutsiyu Rossiiskoi Federatsii provoditsya distantsionnoe elektronnoe golosovanie»* [Resolution of the CEC of Russia dated 04.06.2020 № 251/1851 «On the list of constituent entities of the Russian Federation, in which remote electronic voting is carried out at the all-Russian vote on the approval of amendments to the Constitution of the Russian Federation»]. *Vestnik TsIK Rossii* [Vestnik Central Election Commission of the Russian Federation], 2020, no. 5. Available at: https://rulaws.ru/acts/Postanovlenie-TSIK-Rossii-ot-04.06.2020-N-251_1851-7 [in Russian].
9. *Konstitutsiya Rossiiskoi Federatsii* [Constitution of the Russian Federation]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Collected Legislation of the Russian Federation], 04.08.2014, no. 31, Article 4398. Available at: <https://www.szrf.ru/szrf/doc.php?nb=100&issid=1002014031000&docid=1> [in Russian].
10. www.cikrf.ru. Available at: <http://www.cikrf.ru/analog/constitution-voting/participants/distantsionnoe-elektronnoe-golosovanie/#hidden1> (accessed: 16.04.2021) [in Russian].
11. Bondar N. S. *Informatsionno-tsifrovoye prostranstvo v konstitutsionnom izmerenii: iz praktiki Konstitutsionnogo Suda Rossiiskoi Federatsii* [Information and Digital Space in the Constitutional Dimension: From the Practice of the Constitutional Court of the Russian Federation]. *Zhurnal rossiiskogo prava* [Journal of Russian Law], 2019, no. 11, pp. 25–42. DOI: <http://doi.org/10.12737/jrl.2019.11.2> [in Russian].
12. Gritsenko E. V. *Obespechenie osnovnykh garantiy izbiratel'nykh prav v usloviyakh informatizatsii izbiratel'nogo protsessa* [Securing the main guarantees of electoral rights in the conditions of informatization of the electoral procedure]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo* [Constitutional and Municipal Law], 2020, no. 5, pp. 41–49. DOI: <http://doi.org/10.18572/1812-3767-2020-5-41-49> [in Russian].
13. Zorkin V. D. *Pravo v tsifrovom mire* [Digital law]. *Rossiiskaya gazeta – Stolichnyi vypusk*, 2018, May 29, no. 7578 (115). Available at: <https://rg.ru/2018/05/29/zorkin-zadacha-gosudarstva-priznavat-i-zashchishchat-cifrovyie-prava-grazhdan.html>. [in Russian].
14. Avakyan S. A. *Modernizatsiya publichno-politicheskikh otnoshenii i konstitutsionnoe reformirovanie: problemy i perspektivy* [Modernization of public and political relationships and constitutional reformation: issues and prospects]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo* [Constitutional and Municipal Law], 2019, no. 9, pp. 3–6. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=39420358> [in Russian].

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 342.9

Дата поступления: 10.04.2021

рецензирования: 15.05.2021

принятия: 25.05.2021

Мошеннические действия с применением информационно-телекоммуникационных технологий в сфере мобильных интернет-приложений**К. И. Озеров**

Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, Москва, Российская Федерация

E-mail: ozerov.kir@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматривается специфика совершения мошеннических действий в области мобильных Интернет-приложений. Затрагивается вопрос о безопасности официальных (App Store, Google Play) и неофициальных платформ по скачиванию пользовательских программ для различных целей. Приводятся примеры совершения мошенничеств, и демонстрируются негативные от них последствия. Раскрывается суть fleeceware-приложений и отмечаются плюсы и минусы операционных систем IOS и Android, которые являются технической базой в мобильных устройствах крупнейших фирм. Отмечается возрастная категория, которая в большей степени подвергается или может подвергаться незаконным действиям со стороны мошенников в сфере IT-технологий. Делается акцент на некоторые пробелы в техсистемах и законодательстве, при которых мошенник избегает уголовного преследования. Подтверждается высокая латентность подобной преступности по причине небольшого ущерба у жертв посягательства, если рассматривать каждого потерпевшего по отдельности, а также по причине сложно-структурности самого преступления. Предлагаются меры по недопущению мошеннических действий, связанных с онлайн-приложениями на мобильные устройства в отношении самого себя.

Ключевые слова: мошенничество; информационно-телекоммуникационные технологии; Интернет-приложения; мобильное устройство; вредоносное программное обеспечение; уголовная ответственность; киберсреда; киберугроза; киберпреступление.

Цитирование. Озеров К. И. Мошеннические действия с применением информационно-телекоммуникационных технологий в сфере мобильных интернет-приложений // Юридический вестник Самарского университета. 2021. Т. 7, № 2. С. 133–137. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2021-7-2-133-137>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Озеров К. И., 2021

Кирилл Игоревич Озеров – адъюнкт Московского Университета МВД России имени В.Я. Кикотя, 117437, Российская Федерация, г. Москва, ул. Академика Волгина, 12.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 10.04.2021

Revised: 15.05.2021

Accepted: 25.05.2021

Fraudulent actions using information and telecommunications technologies in the field of mobile Internet applications**K. I. Ozerov**

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V. Y. Kikot, Moscow, Russian Federation

E-mail: ozerov.kir@yandex.ru

Abstract: the article deals with the specifics of committing fraudulent actions in the field of mobile Internet applications. The question of the security of official (App Store, Google Play) and unofficial platforms for downloading user programs for various purposes is raised. Examples of fraud are given and their negative consequences are demonstrated. The essence of “fleeceware”-applications is revealed and the pros and cons of the IOS and Android operating systems, which are the technical base in the mobile devices of the largest companies, are noted. There is an age category that is more exposed or may be exposed to illegal actions on the part of fraudsters in the field of IT technologies. In turn, the emphasis is placed on some gaps in those systems and legislation in which the fraudster avoids criminal prosecution. The high latency of such crimes is confirmed due to the small damage to the victims of the assault, if we consider each victim separately, as well as due to the complexity of the crime itself. Measures are taken to prevent fraudulent actions related to online applications on mobile devices against yourself.

Key words: fraud; information and telecommunications technologies; Internet applications; mobile device; malicious software; criminal liability; cyber environment; cyber threat; cybercrime.

Citation. Ozerov K. I. *Moshennicheskie deistviya s primeneniem informatsionno-telekommunikatsionnykh tekhnologii v sfere mobil'nykh internet-prilozhenii* [Fraudulent actions using information and telecommunications technologies in

the field of mobile Internet applications]. *Juridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2021, vol. 7, no. 2, pp. 133–137. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2021-7-2-133-137> [in Russian].

Information about the conflict of interests: author declares no conflict of interests.

© Ozerov K. I., 2021

Kirill I. Ozerov – adjunct of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V. Y. Kikot, 12, Akademika Volgina Street, Moscow, 117437, Russian Federation.

Информационно-телекоммуникационные технологии стали важнейшим элементом жизнедеятельности человека XXI века. Представить свою повседневную деятельность без компьютера, сотового телефона или планшета затруднительно, в особенности когда на этих перечисленных устройствах нет подключенного Интернета.

Каждый человек вне зависимости от своего возраста и социального статуса в той или иной мере погружается в информационную среду, совершая электронные платежи, получая заработную плату на свою банковскую карточку.

В связи с глобализацией и широкой областью применения информационно-телекоммуникационных технологий преступность переходит в IT-сферу, где в настоящее время сосредоточено множество значимой информации, материальных ресурсов и других благ.

Злоумышленниками изобретаются вредоносные программы для хищения материальных ценностей, так и для сохранения анонимности киберпреступника.

Под большую угрозу попадают рядовые граждане, особенно те, которые не имеют специальных знаний и умений в информационной среде, юридические лица, в частности малый и средний бизнес, ибо нет возможности финансировать кибербезопасность, чтобы ее функционирование было на высоком уровне и способствовало предотвращению виртуальных атак с преступной стороны [1].

Особое внимание хотелось бы уделить «скам», связанному с мобильными приложениями, требующими плату за полноценное пользование ими. «Скам» – это понятие, означающее жульничество, мошенничество, надувательство, очень часто употребляется при упоминании дистанционных мошенничеств.

На платформах Google Play и App Store, которые принадлежат крупнейшим мировым компаниям Apple, Samsung, Sony, Huawei, Xiaomi и др. существуют пользовательские приложения для решения самых разных задач.

Из них, подавляющее большинство составляют развлекательные онлайн-игры на всевозможные тематики, затем приложения для «ускорения» своего устройства, антивирусные программы для предотвращения вторжения вредоносного «софта» – понятие, используемое в сфере информационных технологий, обозначающее программное обеспечение, фото-, видеоредакторы и др.

Мы с точностью можем утверждать, что любой пользователь мобильного устройства, оснащенного Интернетом и широким спектром функций, обращался к вышеперечисленным приложениям и

замечал, что есть категория платных приложений, которые заранее предполагают внесение денежных средств за скачивание, и бесплатных.

Проводя исследование, мы осуществили опрос, который подтвердил факт наличия высокотехнологичных мобильных устройств у граждан, имеющих операционные системы IOS или Android (в большинстве случаев). Также было доказано, что практически каждый обращался к платформам App Store или Google Play для скачивания приложений. Из 20 опрошенных, где возрастная категория варьировалась от 10 до 65 лет, у всех были смартфоны и флагманы крупнейших мировых брендов: Apple, Samsung, Xiaomi, Huawei. 19 из 20 граждан обращались к Интернет-платформам для скачивания самых разных приложений.

Опираясь на элементарную психологию человека, мошенники придумали другой формат, они изобрели fleeseeware-приложения, которые дают более широкие возможности пользователям, оформив месячную, недельную или годовую подписку на полную версию скаченной программы.

Работает это следующим образом. Видя платное приложение, скорее всего, мы обойдем его стороной. Но, когда скачивание той или иной программы не предполагает никаких финансовых затрат, пользователь заинтересован в ее полноценной работе, находит подходящие функции в ней, непосредственно просмотрев рекламный видеоролик.

Скачав приложение, владелец мобильного устройства замечает, что обещанные атрибуты приложения неполноценны, на часть из них наложена блокировка, некоторых вовсе нет. В свою очередь модераторы такого софта предоставляют возможность использовать весь функционал, но уже за определенную плату. Плата за «приоритетные» функции такой программы или онлайн-игры небольшая, примерно 30\$ в неделю, 50\$ в месяц или же 100\$ в год.

Тем самым модераторы увлекают пользователей подобных приложений оформлять годовую подписку, ведь это очень «выгодное» предложение.

Почему люди соглашаются на предложение о покупке подписки на определенный срок? Все очевидно, мошенники урезают количество функций в бесплатной версии и предлагают «пробный период», который уже предполагает соглашение на приобретение подписки. Данный период варьируется от 3 до 7 дней, за это время пользователь имеет возможность протестировать все «закрывающиеся» функции приложения.

Соответственно, в силу бурных рабочих дней, домашних хлопот человек забывает о наличии

оформленной подписки, которая подразумевает пробный период в N-м количестве дней, и тот промежуток времени, который пользователь выбрал для дальнейшей работы в данном приложении (неделя, месяц, год). Денежные средства начинают списываться по истечении пробного периода без уведомления пользователя, спасти его могут только оповещения онлайн-банка или SMS-уведомления от оператора связи, которые зачастую отключены.

Лица, занимающиеся мошенническими действиями, заблаговременно создают некачественные, низкопробные приложения, обещая клиенту широкий спектр функций, который он может получить за оформление соглашения по пользованию, имея пробный период. Человек, понимая, что при наличии пробного периода денежных средств он лишиться не может, заранее зная о расторжении соглашения по использованию полной версии по истечении пробного периода, оформляет подписку без всякой предосторожности, а по причине плохого качества представленных функций он удаляет программу с мобильного устройства, забывая про нее.

Пользователи мобильных телефонов или планшетов не осведомлены о том, что подписку нужно прекращать в самом приложении или в настройках своего устройства, в разделе «платежи», «подписки» и др. Соответственно, человек из-за своей нерасторопности теряет денежные средства месяцами, а порой даже годами при фактической неактивности.

Это юридическая лазейка для злоумышленников, за которую, по сути, невозможно привлечение к уголовной, административной или иной ответственности, ведь физическое лицо самостоятельно идет на заключение договора по представлению функционала внутри софта и не расторгает его путем отмены подписки, а лишь удаляет приложение.

Freeware-приложения – это пробел в законодательстве, где у людей «похищают денежные средства легальным способом».

Бывают же случаи, когда кибермошенники «злоупотребляют» незаконными действиями, помимо денежных средств, получаемых с подписок от граждан, они завладевают реквизитами банковских карт, через которые были оформлены такие подписки.

Чаще всего для обеспечения безопасности в сфере информационных технологий в части банковских переводов и электронных платежей, используют «сайты-посредники» (OnePay, Webpay, E-pay и др.) для осуществления транзакций. Они являются второстепенными при совершении платежа, нажимая на иконку «Оплатить», пользователь автоматически переходит на подобный сайт, где уже нужно вводить реквизиты банковской карты и код с SMS-сообщения для подтверждения покупки.

Зачастую, оформляя подписку внутри приложения, мы не сталкиваемся с автоматическим

переходом на «сайт-посредник». Это происходит в трех основных случаях:

1) приложение принадлежит крупнейшей компании, где не нужны никакие гаранты по оформлению подобной сделки, само имя организации говорит за себя и гарантирует безопасность процедуры;

2) приложение новое, находится на стадии развития, и отсутствует достаточное количество активов, чтобы придерживаться безопасной процедуры по электронному внесению денежных средств;

3) приложением владеют кибермошенники, которые имеют умысел на получение ваших личных данных и реквизитов банковской карты для совершения хищения денежных средств и в иных целях.

Отметим, что Apple уходит от «сайтов-посредников» и оплат «лично в руки» создателям того или иного софта. Они тщательно проверяют каждую онлайн-игру, программу на факт содержания в них вредоносного программного обеспечения, а затем дают допуск автору на размещение своего приложения на платформе App Store, которая и выступает тем самым гарантом при осуществлении платежей, и все транзакции проходят через нее. Но все это не исключает факта существования и работы freeware-приложения.

Вадим Галеев в 2019 году на международном форуме International Cybersecurity Congress заявил: «Взлом IOS (Apple) на Darknet стоит порядка \$ 2 млн, когда взломать любое мобильное устройство, имеющее операционную систему Android, стоит порядка \$ 100. IOS гораздо безопаснее, компания Apple заботится о кибербезопасности своих пользователей» [2].

Сложно не согласиться, ведь «взломанных», «пиратских» приложений на Iphone практически не существует, а скачать программу на Iphone через сторонние сайты почти невозможно, ибо встроенное программное обеспечение, поддерживающее безопасность устройства, блокирует подобные процедуры. Если говорить о гаджетах, на которых установлена операционная система Android, то «пиратские» приложения встречаются даже на Google Play, о чем мы поговорим далее.

Вернемся к «сайтам-посредникам», пользователи мобильных устройств на операционной системе Android могут сталкиваться с ними внутри приложения, а также, как мы описали по пунктам выше, бывают платы и вне его, ибо Google Play не всегда поддерживает систему встроенных покупок и более лояльно относится к допуску на свою платформу игровых приложений и иных инструментов.

Минус операционной системы Android – возможность скачивания приложения не с официальных ресурсов, с потусторонних, вредоносных сайтов. Поэтому, возвращаясь к 3 пункту, понимаем, что посредством установки подозрительных приложений мы имеем риск передать в руки киберпреступников все свои личные данные и стать жертвой хищения денежных средств.

Соответственно, в рассмотренном случае не будет спора насчет незаконности содеянного и потребуются квалификация подобных мошеннических актов по статьям Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации, а оперативно-розыскным подразделениям следует применять специальные организационно-тактические меры с использованием техоборудования для раскрытия подобных преступлений.

Существует еще одна схема, когда модераторы приложений увеличивают плату за пользование подпиской или добавляют дополнительные пакеты функций, рассчитывая на невнимательность клиента.

Также стоит затронуть проблемные стороны онлайн-игр как одной из категорий интернет-приложений. В большинстве своем, играми на мобильном устройстве увлекаются лица в возрасте от 5 до 30 лет. Основная угроза исходит от Cheat-программ (cheat – в переводе с англ. «жульничество, обман»); используется для упрощения прохождения игры или для изменения игрового процесса, например: игроку предоставляются бесконечные виртуальные денежные средства или нескончаемое количество жизней). Эти программы по своей сути имеют вредоносное составляющее, так как изменяют игровые процессы, дав возможности игроку, которые нереальны по сюжету игры, увеличивая превосходство над другими (происходит внедрение вредоносного ПО, посредством которого игра взламывается).

Подобными вредоносными программами, как показывает практика, пользуются лица от 10 до 18 лет, где игроки до 14 лет вовсе не осознают, что, оформляя покупку «чит-программы» через банковскую карту своих родителей, они рискуют получить неблагоприятные последствия.

Так, за прошлый год количество скачиваний мошеннических вредоносных приложений, связанных с игрой Minecraft превысило 5 млн, что принесло колоссальный ущерб заинтересованным в этом лицам.

«Мошенническая схема рассчитана на тех, кто скачивает приложение, не обращая внимания на

написанное мелким шрифтом. Именно поэтому жертвами злоумышленников рискуют стать дети, поскольку, скачивая дополнительный контент для Minecraft, они могут не прочесть или не понять условия, которые они принимают, устанавливая приложение. Мы призываем наших клиентов сохранять бдительность при загрузке любых приложений от неизвестных разработчиков и всегда внимательно изучать отзывы пользователей и соглашения об оплате перед тем, как оформить подписку», – отмечает Ондражей Дэвид, руководитель группы анализа вредоносных программ в Avast [2].

Таким образом, для недопущения мошеннических действий в области мобильных приложений рекомендуем соблюдать следующие меры:

- скачивать приложения с официальных сайтов;
- обращать внимание на отзывы к приложению, их количество и содержание, если преобладающее большинство негативные, то лучше воздержаться хотя бы от оформления подписки. Существуют и «накрученные» положительные оценки и отзывы, в основном это видно, когда скачивания приложений по количеству раз гораздо меньше, чем оценок. Также они зачастую слишком примитивные, порой одинаковые по смыслу или текстовойки;

- не вводить реквизиты своей банковской карты внутри подозрительного приложения, делать все через «сайты-посредники» или же по встроенным покупкам на платформах App Store, Google Play;

- избегать взломанных, «пиратских» программ;
- писать жалобы и обращаться в службу технической поддержки той или иной платформы для проверки подозрительного приложения;

- вести контроль за своими детьми в целях не совершения ими самостоятельных платежей в том или ином приложении.

Выполняя представленные требования, вы сохраните собственную безопасность на просторах Интернета и в сфере информационно-телекоммуникационных технологий, не допустив совершения мошеннических действий в отношении себя и своих близких.

Библиографический список

1. Надежин Н. Н. Предпринимательский риск в гражданских правоотношениях // Безопасность бизнеса. 2019. № 4. С. 17–21. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=38524008>.
2. Международный конгресс по кибербезопасности. URL: <https://icc.moscow/ru>. (дата обращения: 10.12.2020).
3. Портал «Хакер». URL: <https://hacker.ru/2020/11/12/minecraft-fleeceware/> (дата обращения: 17.11.2020).
4. Батоев В. Б. Оперативно-розыскное противодействие мошенническим действиям с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2018. № 4 (22). С. 144–149. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=37371038>.
5. Богданов А. В., Ильинский И. И., Хазов Е. Н. Киберпреступность и дистанционное мошенничество как одна из угроз современному обществу // Криминологический журнал. 2020. № 1. С. 15–20. DOI: <http://doi.org/10.24411/2687-0185-2020-10004>.
6. Гужаева В. А., Прокофьева Е. В., Прокофьева О. Ю. Преступность в сети Интернет: криминологические характеристики / В. А. Гужаева, Е. В. Прокофьева, О. Ю. Прокофьева // Вестник экономической безопасности. 2019. № 4. С. 111–114. DOI: <http://doi.org/10.24411/2414-3995-2019-10225>.
7. Любан В. Г., Молянов А. Ю., Хазов Е. Н. Распространенные способы мошенничества в сфере информационно-телекоммуникационных технологий // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 1. С. 190–194.

DOI: <http://doi.org/10.24411/2073-0454-2019-10047>.

8. Озеров И. Н. Организация раскрытия и расследования преступлений: учебное пособие. Белгород: БелЮИ МВД РФ. 2007. 176 с.

9. Озеров И. Н., Черкасова Е. А., Капустина И. Ю. Допустимость доказательств в уголовном судопроизводстве: сущность и значение // Проблемы правоохранительной деятельности. 2013. № 2. С. 67–70. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20929540>.

10. Смольянинов Е. С., Воронин М. Ю. Проблемы реализации уголовной политики по противодействию преступлениям в сфере высоких технологий // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2018. № 3 (13). С. 134–141. DOI: <http://doi.org/10.28995/2073-6304-2018-3-134-141>.

References

1. Nadezhin N. N. *Predprinimatel'skii risk v grazhdanskikh pravootnosheniyakh* [Entrepreneurial risk in civil relationships]. *Bezopasnost' biznesa* [Business Security], 2019, no. 4, pp. 17–21. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=38524008> [in Russian].
2. *Mezhdunarodnyi kongress po kiberbezopasnosti* [International Cybersecurity Congress]. Available at: <https://icc.moscow/ru> (accessed 10.12.2020) [in Russian].
3. *Portal «Khaker»* [Portal «Hacker»]. Available at: <https://xakep.ru/2020/11/12/minecraft-fleeceware> (accessed 17.11.2020) [in Russian].
4. Batoev V. B. *Operativno-rozysknoe protivodeistvie moshennicheskim deistviyam s ispol'zovaniem informatsionno-telekommunikatsionnykh tekhnologii* [Operative-investigative counteraction to fraudulent actions using information and telecommunication technologies]. *Rassledovanie prestuplenii: problemy i puti ikh resheniya* [Investigation of Crimes: Problems and Solution], 2018, no. 4 (22), pp. 144–149. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=37371038> [in Russian].
5. Bogdanov A. V., Il'inskiy I. I., Khazov E. N. *Kiberprestupnost' i distantsionnoe moshennichestvo kak odna iz ugroz sovremennomu obshchestvu* [Cybercrime and remote fraud as one of the threats to modern society]. *Kriminologicheskii zhurnal*, 2020, no. 1, pp. 15–20. DOI: <http://doi.org/10.24411/2687-0185-2020-10004> [in Russian].
6. Gauzhaeva V. A., Prokof'eva E. V., Prokof'eva O. Yu. *Prestupnost' v seti Internet: kriminologicheskie kharakteristiki* [Crime on the Internet: criminological characteristics]. *Vestnik ekonomicheskoi bezopasnosti* [Vestnik of economic security], 2019, no. 4, pp. 111–114. DOI: <http://doi.org/10.24411/2414-3995-2019-10225>.
7. Lyuban V. G., Moljanov A. Yu., Khazov E. N. *Rasprostranennyye sposoby moshennichestv v sfere informatsionno-telekommunikatsionnykh tekhnologii* [Disseminated ways of frauds in the field of information-telecommunication technologies]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii* [Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2019, no. 1, pp. 190–194. DOI: <http://doi.org/10.24411/2073-0454-2019-10047> [in Russian].
8. Ozerov I. N. *Organizatsiya raskrytiya i rassledovaniya prestuplenii: uchebnoe posobie* [Organization of disclosure and investigation of crimes: textbook]. Belgorod: BelYuI МВД РФ, 2007, 176 p. [in Russian].
9. Ozerov I. N., Cherkasova E. A., Kapustina I. Y. *Dopustimost' dokazatel'stv v ugovnom sudoproizvodstve: sushchnost' i znachenie* [The admissibility of evidence in criminal proceedings: essence and significance]. *Problemy pravookhranitel'noi deyatelnosti* [Problems of law-enforcement activity], 2013, no. 2, pp. 67–70. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20929540> [in Russian].
10. Smolyaninov E. S., Voronin M. Yu. *Problemy realizatsii ugovnoi politiki po protivodeistviyu prestupleniyam v sfere vysokikh tekhnologii* [Problems of implementation of the criminal policy on combating high-tech offenses]. *Vestnik RGGU. Seriya «Ekonomika. Upravlenie. Pravo»* [RSUH/RGGU Bulletin. «Economics. Management. Law» Series], 2018, no. 3 (13), pp. 134–141. DOI: <http://doi.org/10.28995/2073-6304-2018-3-134-141> [in Russian].

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ REQUIREMENTS TO THE DESIGN OF ARTICLES

Для публикации научных работ в журнале «Юридический вестник Самарского университета» принимаются статьи, соответствующие научным требованиям, общему направлению журнала и представляющие интерес для достаточно широкого круга российской и зарубежной научной общественности.

Предлагаемый в статье материал должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написанным в контексте современной научной литературы, а также содержать очевидный элемент создания нового знания.

Все представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат» и направляются на независимое (внутреннее) рецензирование. Решение об опубликовании принимается редколлегией на основании рецензии.

Периодичность выхода журнала – 4 выпуска в год.

Правила оформления

Текст статьи

- Статья предоставляется на русском или английском языке в печатном (формат А4) и электронном (по эл. почте) видах.
- Перед заглавием статьи проставляется шифр УДК.
- Название работы, список авторов в алфавитном порядке (ФИО, место работы, индекс и адрес места работы, должность, электронная почта), аннотация, ключевые слова, библиографический список, названия таблиц и рисунков должны быть представлены на русском и английском языках.
- Текст статьи должен быть набран в текстовом редакторе Word для Windows с расширением doc или rtf гарнитурой Times New Roman 14 кеглем через 1,5 интервала.
- Объем основного текста не должен превышать 25 страниц.
- Рисунки и таблицы предполагают наличие названия и сквозную нумерацию.
- Библиографический список оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.05–2008 по порядку цитирования после основного текста. Допускается не более 20–30 источников.
- Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках, например [14, с. 28]. Ссылки на иностранные источники приводятся на языке оригинала.
- References оформляется в соответствии с *American Psychological Association (APA) Style*.

Графика

- Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формат TIF.
- Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран гарнитурой Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы.

Формулы

- Единицы измерения следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- В статье приводятся лишь самые главные, итоговые формулы. Набор формул производится в редакторе формул Microsoft Equation с параметрами: обычный – 14, крупный индекс – 9, мелкий индекс – 7, крупный символ – 20, мелкий символ – 14.
- Вставка в текст статьи формул в виде графических объектов недопустима.
- Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Статьи, оформленные не по правилам, редколлегией рассматриваться не будут.

ШАБЛОН ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

DOI: 10.18287/2542-047X-2021-7-X-XX-XX

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 340.13

Дата поступления XX.XX.2021
рецензирования: XX.XX.2021
принятия: XX.XX.2021

НАЗВАНИЕ СТАТЬИ

В. В. Иванов

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: smy@samaradom.ru

Аннотация – не менее 250–300 слов: В статье дан краткий исторический экскурс правовой институционализации гражданского общества в США. Делается вывод, что существующие организационные формы и практики деятельности некоммерческого сектора – результат совмещения укорененной в американском обществе традиции филантропии и гражданского участия с государственной политикой по поддержке определенных направлений деятельности некоммерческого сектора. В разные периоды американское государство использовало различные инструменты для направления добровольческой активности и благотворительных капиталов в публично важные сферы деятельности. В настоящий момент американское общество находится в процессе постоянного экспериментирования с правовой формой и статусом организаций некоммерческого сектора, которые были бы способны вобрать в себя преимущества всех трех главных секторов: государства, бизнеса и общества.

Ключевые слова: гражданское общество; некоммерческая организация; налоговые льготы; публичные социальные услуги; благотворительный фонд; государство всеобщего благосостояния.

Благодарности. Статья подготовлена...

Цитирование. Иванов В. В. Название статьи // Юридический вестник Самарского университета. 2021. Т. 7, № X. С. XX–XX. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-047X-2021-7-X-XX-XX>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© **Иванов В. В., 2021**

Виктор Валерьевич Иванов – звание, должность, кафедра, место работы, адрес места работы в формате: 440026, Российская Федерация, г. Пенза, ул. Красная, 40.

Тема кандидатской диссертации: «Структуры гражданского общества ...», тема докторской диссертации: «Структура права...». Автор более 50 научных работ, в т. ч. монографий: «Название» (год), «Название» (год).

Область научных интересов: история теории гражданского общества, современное состояние данной теории, право некоммерческих организаций.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: XX.XX.2021
Revised: XX.XX.2021
Accepted: XX.XX.2021

ARTICLE TITLES

V. V. Ivanov

Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: smy@samaradom.ru

Abstract: The article offers the brief historical excursion of legal institutionalization of civil society in USA. The article concludes that existent organizational forms and practices of activity of noncommercial sector are the result of combination between embedded traditions of philanthropy and civil engagement in American society and the state policy to support some directions of activity of non-profit sector. The American government made use of different tools to turn voluntary activity and philanthropy funds to major public spheres in various ages. Now the American society is in the process of permanent experimentation with the legal form and status of non-profit sector's organizations which would able to absorb advantages of all three major sectors: the state, the business and the society.

Key words: civil society, non-profit organization, tax privileges, public social services, charity foundation, welfare state.

Acknowledgements. The article was prepared with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research and the Government of the Samara Region within the framework of the research project № 18-411-630004 «Specific historical forms of corruption in the Moscow state (XV–XVI centuries)».

Citation. Ivanov V. V. *Pravovaia institutsionalizatsiia grazhdanskogo obshchestva v SShA (istoricheskii aspekt)* [Legal institutionalization of civil society in the USA (historical aspect)]. *Juridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2021, Vol. 7, no. X, pp. XX–XX. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-047X-2021-7-X-XX-XX> [in Russian].

Information on the conflict of interest: author declares no conflict of interest.

© **Ivanov V.V., 2021**

Viktor V. Ivanov – senior lecturer of the Department of Civil and Business Law, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Subject of future Candidate's thesis: «Structures of civil society and their regulation: foreign and Russian experience (comparative legal analysis)». Author more 50 works.

Research interests: history of theory of civil society, current state of this theory, right of non-profit organizations.

ТЕКСТ СТАТЬИ Ссылки в тексте [1; 4] или [1–6; 16, с. 12–14].

Библиографический список по порядку цитирования (с указанием DOI, URL)